

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

- *ПОЛИТОЛОГИЯ**
- *ИСТОРИЯ**
- *ФИЛОСОФИЯ**
- *ПЕДАГОГИКА**

№ 4 (8) - 2025

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Серия социально-гуманитарных наук

SCIENTIFIC NOTES

**The series of social-humanitarian
sciences**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2018 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Серия социально-гуманитарных наук

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 4 (8) - 2025 г.

Душанбе – 2025

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2018

SCIENTIFIC NOTES
The series of social-humanitarian
sciences

SCIENTIFIC JOURNAL
№ 4 (8) – 2025

Dushanbe – 2025

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор:

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук, доцент

Редакционная коллегия:

Негматова Шахноза Рузиевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель главного редактора

Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук, доцент, ответственный секретарь журнала.

по политическим наукам:

Курбанова Зульфия Махманабиевна, доктор политических наук (Таджикистан)

Негматова Шахноза Рузиевна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Шарифзода Лохути Шариф, доктор политических наук (Таджикистан)

Шаропов Отабек Муродович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Наими Исмоил Нурулло, кандидат политических наук (Таджикистан)

Мухаммадзода Абдурахмон Навруз, доктор политических наук (Таджикистан)

Мальшева Дина Борисовна, доктор политических наук (Россия)

Ежова Марина Юрьевна, кандидат политических наук (Россия)

Сангинов Нарзулло Наимович, кандидат политических наук (Таджикистан)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, доктор политических наук (Таджикистан)

по историческим наукам:

Мухидинов Сайдали Раджабович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Майдинова Гузель, доктор исторических наук (Таджикистан)

Рахматова Заррина Юнусовна, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Пирумшоев Хайдаршо Пирумшоевич, доктор исторических наук (Таджикистан)

Маликов Махмуд Хакимович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Абдулвахидов Рахматулло Миразорович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктор исторических наук (Таджикистан)

Сенин Александр Сергеевич, доктор исторических наук (Россия)

Артыков Абдурафик Абдурахманович, кандидат исторических наук (Таджикистан)

по философским наукам:

Сайфуллаев Нигматулло Мирзоевич, доктор философских наук (Таджикистан)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктор философских наук (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктор философских наук (Таджикистан)

Махмадали Музаффари, доктор философских наук (Таджикистан)

Мирзоев Гаффор Джаборович, доктор философских наук (Таджикистан)

Джураева Нигорахон Ниёзбабаевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Холматова Лола Юрьевна, кандидат философских наук (Таджикистан)

Маркин Владимир Ильич, доктор философских наук (Россия)

Попова Наталья Викторовна, кандидат философских наук (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, кандидат философских наук (Россия)

по педагогическим наукам:

Рустамова Гульбахор Абдурашидовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Юлдашева Мавджуда Рахматовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Рахманова Мавджуда Джамшедовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Саидова Лейла Вайсидиновна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Раджабова Мехри Рахматовна, кандидат педагогических наук (Таджикистан)
Каримова Ирина Холовна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Мошкина Елена Васильевна, кандидат педагогических наук (Россия)
Федоренко Елена Юрьевна, кандидат психологических наук (Россия)
Худойкулов Хол Жумаевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Редактор: Л.Ю. Холматова
Технический редактор: М.Д. Рахманова
Перевод на английский язык: М.Р. Раджабова
Перевод на таджикский язык: З.М. Диноршоева

Компьютерная верстка: Ш.К. Кодыров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
Свидетельство о регистрации № 342/ЖР-97 от 12.04.2024 г.

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе,
улица М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 78 53
www.rtsu.tj
uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

Founder: Interstate educational institution of higher education «Russian-Tajik (Slavonic) university»

Editor-in-Chief:

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Editorial board:

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief

Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Executive Secretary of the Journal.

in Political Science:

Kurbanova Zulfiya Makhmanabievna, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Negmatova Shakhnoza Ruzievna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Sharifzoda Lohuti Sharif, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Sharopov Otabek Murodovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Naimi Ismoil Nurullo, candidate of political sciences (Tajikistan)

Muhammadzoda Abdurakhmon Navruz, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

Malysheva Dina Borisovna, Doctor of Political Sciences (Russia)

Ezhova Marina Yurievna, candidate of political sciences (Russia)

Sanginov Narzullo Naimovich, candidate of political sciences (Tajikistan)

Karimov Shamsiddin Tursunmatovich, Doctor of Political Sciences (Tajikistan)

in Historical Sciences:

Mukhidinov Saidali Radzhabovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Maidinova Guzel, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Rakhmatova Zarrina Yunusovna, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

Pirumshoev Khaidarsho Pirumshoevich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Malikov Makhmud Khakimovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Abdulvakhidov Rakhmatullo Mirazorovich, candidate of historical sciences (Tajikistan)

Abdurashitov Fozil Mamatovich, Doctor of Historical Sciences (Tajikistan)

Senin Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences (Russia)

Artykov Abdurafik Abdurakhmanovich, Candidate of Historical Sciences (Tajikistan)

in Philosophical Sciences:

Sayfullaev Nigmatullo Mirzoevich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Ladygina Olga Vladimirovna, Doctor of Philosophy (Russia)

Dinorshoeva Zarina Musoevna, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Makhmadali Muzaffari, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Mirzoev Gaffor Jaborovich, Doctor of Philosophy (Tajikistan)

Juraeva Nigorakhon Niyozbabaevna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Kholmatova Lola Yurievna, Candidate of Philosophical Sciences (Tajikistan)

Markin Vladimir Ilyich, Doctor of Philosophy (Russia)

Popova Natalya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

Bryzgalina Elena Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences (Russia)

in Pedagogical Sciences:

Rustamova Gulbahor Abdurashidovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Yuldasheva Mavjuda Rakhmatovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Ibragimova Iroda Aso-Akhunovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Rakhmanova Mavjuda Jamshedovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Saidova Leila Vaisidinovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Radjabova Mekhri Rakhmatovna, candidate of pedagogical sciences (Tajikistan)
Karimova Irina Kholovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Guseinova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences (Tajikistan)
Moshkina Elena Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences (Russia)
Fedorenko Elena Yurievna, Candidate of Psychological Sciences (Russia)
Khudoykulov Khol Zhumaevich, Doctor of Pedagogical Sciences (Uzbekistan)

Editor: L.Yu. Kholmatova
Technical editor: M.J. Rakhmanova
Translation into English: M.R. Radjabova
Translation into Tajik: Z.M. Dinorshoeva

Computer layout: Sh.K. Kodirov

The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan.
Certificate of registration No. 342/ZhR-97 dated 04/12/2024.

Editorial address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe,

M. Tursunzade street, 30

Тел.: (+992 37) 227 78 53

www.rtsu.tj

uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Russian-Tajik (Slavonic) university
RTSU Printing House

Муассис: Идораи байнидавлатии таълимии таҳсилоти олии «Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон»

Сармуҳаррир:

Холматова Лола Юрьевна, номзади илмҳои фалсафа, дотсент

Ҳайати таҳририя: Негматова Шаҳноза Рузиевна, номзади илмҳои таърих, дотсент, ҷонишини сармуҳаррир

Раҳманова Мавҷуда Ҷамшедовна, номзади илмҳои педагогӣ, дотсент, котиби масъули маҷалла

Оид ба илмҳои сиёсатшиносӣ:

Қурбонова Зулфия Маҳмаднабиевна, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Негматова Шаҳноза Рузиевна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Шарифзода Лоҳутӣ Шариф, доктори илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Шаропов Отабек Муродович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Наимӣ Исмоил Нурулло, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Муҳаммадзода Абдурахмон Навруз, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Малышева Дина Барисовна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Ежова Марина Юрьевна, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Россия)

Сангинов Нарзулло Нимович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Каримов Шамсиддин Турсунматович, номзади илмҳои сиёсатшиносӣ (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои таърих:

Муҳидинов Саидалӣ Раҷабович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Майдинова Гузель, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Раҳматова Заррина Юнусовна, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Пирумшоев Ҳайдаршо Пирумшоевич, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Маликов Маҳмуд Ҳакимович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдулвахидов Раҳматулло Миразорович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Абдурашитов Фозил Маматович, доктори илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Сенин Александр Сергеевич, доктори илмҳои таърих (Россия)

Ортиқов Абдурафиқ Абдурахмонович, номзади илмҳои таърих (Тоҷикистон)

Оид ба илмҳои фалсафа:

Сайфуллоев Нигматулло Мирзоевич, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ладыгина Ольга Владимировна, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Диноршоева Зарина Мусоевна, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маҳмадаллӣ Музаффарӣ, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Мирзоев Ғаффор Ҷабборович, доктори илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Ҷураева Нигорахон Ниёзбабаевна, номзади илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Холматова Лола Юрьевна, номзади илмҳои фалсафа (Тоҷикистон)

Маркин Владимир Ильич, доктори илмҳои фалсафа (Россия)

Попова Наталья Викторовна, номзади илмҳои фалсафа (Россия)

Брызгалина Елена Владимировна, номзади илмҳои фалсафа (Россия)

Оид ба илмҳои педагогӣ:

Рустамова Гулбахор Абдурашидовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Юлдашева Мавчуда Раҳматовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Ибрагимова Ирода Асо-Ахуновна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Раҳманова Мавчуда Ҷамшедовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Саидова Лейла Вайсидиновна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Раҷабова Меҳри Раҳматовна, номзади илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Каримова Ирина Холовна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Гусейнова Татьяна Владимировна, доктори илмҳои педагогӣ (Тоҷикистон)
Мошкина Елена Васильевна, номзади илмҳои педагогӣ (Россия)
Федоренко Елена Юрьевна, номзади илмҳои равоншиносӣ (Россия)
Худойкулов Хол Жумаевич, доктори илмҳои педагогӣ (Ўзбекистон)

Муҳаррир: Л.Ю. Холматова
Муҳаррири техникӣ: М.Д. Раҳманова
Тарҷума ба забони англисӣ: М.Р. Раҷабова
Тарҷума ба забони тоҷикӣ: З.М. Диноршоева

Веростори компютерӣ: Ш.К. Қодиров

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст.
Шаҳодатномаи бақайдгирӣ № 342/ЖР-97 аз 12.04.2024 с.

Суроғай редакция: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе,
кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 78 53
www.rtsu.tj
uchoniezapiski_rtsu@mail.ru

© Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
Типографияи ДСРТ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Ученые записки» (Серия «Социально-гуманитарные науки») публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов и соискателей Российско-Таджикского (Славянского) университета. Журнал также предоставляет возможность для публикаций своих работ ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья. Для публикации в Журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам социально-гуманитарных наук, исследованиям в области истории, политологии, философии и педагогики.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях. Ответственность за оригинальность статьи несет автор статьи.

Рукопись регистрируется при поступлении в редакцию ответственным секретарем издания. В целях недопущения плагиата и заимствований источников без указания авторства, а также с целью повышения качества научных статей работа должна пройти экспертизу через систему проверки «Антиплагиат». Процент оригинальности научной статьи должен составлять не менее 70%.

Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Авторы представляют рукописи в электронной форме с распечаткой статьи в одном экземпляре. Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Аспиранты и соискатели представляют в редакцию отзыв научного руководителя с рекомендацией статьи к публикации. Рецензия должна содержать обоснованное перечисление положительных качеств материала, в том числе научную новизну работы, её актуальность, фактологическую и историческую точность, корректность цитирования, ясный стиль изложения, использование современных источников, а также мотивированное перечисление недостатков материала. В заключении дается общая оценка материала и рекомендация для редколлегии (опубликовать материал, опубликовать материал после доработки, направить на дополнительную рецензию специалисту по определенной тематике, отклонить). Объем рецензии - не менее одной страницы текста. Рецензия должна быть подписана рецензентом с указанием ученой степени, ученого звания, должности, даты ее подготовки и заверена печатью организации, где он работает.

Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется автору с замечаниями рецензента и редактора. Автор должен внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом рукописи. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования ру-

копии нарушает права автора. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд.

Материалы представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде (1 экз.). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

Основным языком журнала является русский. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Титульная страница статьи должна содержать: УДК, фамилию, имя, отчество (полностью) автора/авторов, его/их ученую степень, звание, должность, место работы и контактную информацию (почтовый адрес с индексом, телефон, E-mail), шифр и наименование специальности, аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи. Объем аннотации составляет: **150-200** слов на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Объем научной статьи не должен превышать **1 п.л.** и включать такие структурные части, как актуальность темы, цель исследования, его новизна, основные положения и выводы.

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Источники, не являющиеся научно-аналитическими (законодательство, материалы публицистического характера, архивные документы, официальные документы, интернет-материалы), указываются в постраничных сносках на языке оригинала. Научная литература приводится в библиографическом списке в конце текста статьи в алфавитном порядке (сначала литература на русском языке, затем литература на иностранных языках). В списке литературы должно быть не менее **20** наименований научной литературы, в том числе отражающей современные взгляды и подходы к обсуждаемой проблеме. Приветствуется использование материалов, опубликованных в рецензируемых научных изданиях. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [6, с.39]). Ссылки нумеруются согласно порядковому номеру источника в списке литературы.

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатура приводится сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет (далее – РТСУ)).

Ответственность за содержание статьи, достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах, текст аннотации и ключевые слова на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, списка литературы – 12 интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

Все страницы, начиная с титульной, должны быть последовательно пронумерованы.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть представлен тщательно выверенным и исправленным.

Отклоненные рукописи статей, а также рукописи, принятые к публикации, не возвращаются автору.

Статьи печатаются в порядке очередности их поступления в редакцию. Если статья направляется автору на доработку, то датой поступления считается дата возвращения автором переработанной статьи.

СОДЕРЖАНИЕ

• ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Курбонзода З.М. Таджикистан и реализация повестки дня - 2030: дипломатические инструменты устойчивого развития	19
Саидов Х.С., Наими И.Н. Афганистан: трансформация социально-политического сознания института государственности в условиях исторических и современных вызовов	30
Негматова Ш.Р. Проблема афганского наркотрафика	50

• ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абдурашитов Ф.М., Камолова Г.Н. Русско-таджикские торгово-дипломатические взаимодействия: косвенные формы контактов в эпоху средневековых трансевразийских обменов	61
Абдурашитов Ф.М., Камолова Г.Н. Ранние поселения и археологические находки в районе Табошара	74
Пирумшоев М.Х. Историография Памира и Бадахшана конца XIX– начала XX вв.	84
Абдулвохидов Р.М. Влияние Европейской культуры на Среднюю Азию	97
Аллоева Х.Х. Развитие средних специальных учебных заведений и подготовка кадров сферы культуры и искусства (1950-1980 гг.)	108

• ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Музаффари М.А. Краткие разъяснения к системной классификации знаний и наук	122
Диноршоева З.М. Об «интеркультурной философии», «национальной философии», «национальной философской традиции» на примере личности и научно-философского наследия Ибн Сины	132
Содики Н.Н. Разум как зеркало истины: философская эпистемология Бедиля	141
Хотамова М.Г. Институт семьи как фактор формирования мировоззренческих предпочтений молодежи Таджикистана	152

• **ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Курбонова З.Ш. Особенности формирования личности в период дошкольного детства: вызовы и возможности	159
Курбанова Т.Ш. Особенности психолого-педагогического подхода к обучению подрастающего поколения	170
Мухитдинова Ш.К. Инновационные методы применения игры в учебно-воспитательном процессе ДОУ	179
Нургулова М.М. Развитие эмоционального интеллекта обучающихся в цифровой образовательной среде	188
Турсинкулова Б.Х. Информационное перенасыщение как вызов современному высшему образованию	196

CONTENT

• POLITICAL SCIENCES

Qurbonzoda Z.M. Tajikistan and the implementation of agenda of 2030: diplomatic instruments for sustainable development	19
Saidov Kh.S., Naimi I.N. Afghanistan: transformation of social and political consciousness of the institute of statehood in the context of historical and modern challenges	30
Negmatova Sh.R. The problem of Afghan drug trafficking	50

• HISTORICAL SCIENCES

Abdurashitov F.M., Kamolova G.N. Russian-Tajik trade and diplomatic interactions: indirect forms of contacts in the era of medieval trans-Eurasian exchanges	61
Abdurashitov F.M., Kamolova G.N. Early settlements and archaeological finds in the Taboshar area	74
Pirumshoev M.Kh. Historiography of Pamir and Badakhshan in the late 19 th – early 20 th centuries	84
Abdulvohidov R.M. The influence of European culture on Central Asia	97
Alloeva Kh.Kh. Development of secondary specialized educational institutions and training of personnel in the field of culture and art (1950-1980)	108

• PHILOSOPHICAL SCIENCES

Muzaffari M.A. Brief explanations of the system classification of knowledge and sciences	122
Dinorshoeva Z.M. About «intercultural philosophy», «national philosophy» and «national philosophical tradition» on the example of Ibn Sina's personality and scientific and philosophical heritage	132
Sodiki N.N. The mind as a mirror of truth: Bedil's philosophical epistemology	141
Hotamova M.G. The institution of the family as a factor in shaping the ideological preferences of young people in Tajikistan	152

• **PEDAGOGICAL SCIENCES**

Kurbonova Z.Sh. Features of personality formation during the pre-school childhood: challenges and opportunities	159
Kurbanova T.Sh. Psychological and pedagogical features of the approach to teaching the younger generation	170
Mukhitdinova Sh.K. Innovative methods of using the game in the educational process of preschool institutions	179
Nurgulova M.M. Developing students' emotional intelligence in a digital educational environment	188
Tursinkulova B.Kh. Information glut as a challenge to modern higher education	196

МУНДАРИЧА

• ИЛМҲОИ СИЁСАТШИНОСӢ

Қурбонзода З.М. Тоҷикистон ва рӯзномаи-2030: воситаҳои дипломатӣ дар татбиқи ҳадафҳои рушди устувор	19
Саидов Ҳ.С., Наимӣ И.Н. Афғонистон: тағйирёбии шуури иҷтимоию сиёсӣ ва ташаккули давлатдорӣ дар шароити ҷолишҳои таърихӣ ва муосир	30
Негматова Ш.Р. Проблемаи қочоқи маводди муҳаддири Афғонистон	50

• ИЛМҲОИ ТАЪРИХ

Абдурашитов Ф.М, Камолова Г.Н. Муоширатҳои тичоратӣ ва дипломатии русу тоҷик: шаклҳои ғайримустақими робитаҳо дар давраи табодулотӣ асримиёнагии трансевроосиёӣ	61
Абдурашитов Ф.М., Камолова Г.Н. Маконҳои зисти пешин ва бозёфтҳои археологӣ дар ноҳияи Табашар	74
Пирумшоев М.Х. Таърихнигории Помир ва Бадахшон дар охири асри XIX ва ибтидои асри XX	84
Абдулвоҳидов Р.М. Таъсири фарҳанги Аврупоӣ ба Осии Марказӣ	97
Аллоева Х.Х. Рушди муассисаҳои таҳсилоти миёнаи махсус ва тайер кардани кадрҳои соҳаи фарҳанг ва санъат (1950-1980)	108

• ИЛМҲОИ ФАЛСАФА

Музаффарӣ М.А. Шарҳи мухтасар ба таснифи системавии до-ниш ва илмҳо	122
Диноршоева З.М. Дар бораи «фалсафаи байнифарҳангӣ», «фалсафаи миллӣ», «анъанаҳои фалсафии миллӣ» дар мисоли шахсият ва осори илмӣ-фалсафии Ибни Сино	132
Содиқи Н.Н. Ақл ҳамчун оинаи ҳақиқат: гносеологияи фалсафии Бедил	141
Хотамова М.Ғ. Институти оила ҳамчун омили ташаккули афзалиятҳои ҷаҳонбинии ҷавонони Тоҷикистон	152

• **ИЛМҲОИ ПЕДАГОГӢ**

Курбонова З.Ш. Хусусиятҳои ташаккули шахсият дар давраи синни томактабӣ: имконот ва хатарҳо	159
Курбонова Т.Ш. Хусусиятҳои раваншиносӣ ва педагогии усулҳои таълими насли наврас	170
Мухитдинова Ш.К. Усулҳои инноватсионии татбиқи бозӣ дар раванди таълиму тарбия дар муассисаҳои таълимии томактабӣ	179
Нургулова М.М. Рушди зеҳни эҳсосӣ дар муҳити таълимии рақамӣ	188
Турсинқулова Б.Ҳ. Серитгилоотӣ ҳамчун мушкилот ба таҳсилоти олии муосир	196

УДК 32 (575.3)

**ТАДЖИКИСТАН И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОВЕСТКИ ДНЯ - 2030:
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Курбонзода Зульфия Махмаднаби

доктор политических наук, профессор,
заместитель директора научно-исследовательского института
устойчивого развития и зеленой экономики,
Международный университет туризма и
предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Борбад, 48/5
Тел.: +(992) 979 66 00 10 (м.)
zulkurbonova@gmail.com

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году, определяет глобальные приоритеты в сфере ликвидации бедности, обеспечения инклюзивного роста, защиты экосистем и противодействия изменению климата. Республика Таджикистан с первых лет выразила приверженность принципам устойчивого развития и осуществляет их адаптацию в рамках Национальной стратегии развития до 2030 года. Реализация Целей устойчивого развития в стране органично сочетается с внешнеполитическими инициативами, направленными на продвижение вопросов водной безопасности, климатической устойчивости и энергетического перехода. Внешнеполитическая деятельность Таджикистана в последние годы всё более ориентируется на экологическую дипломатию, включая выдвижение и поддержку международных инициатив и резолюций в области воды и климата. Особое значение приобретают дипломатические инструменты Таджикистана, включая активное участие в многосторонних процессах и продвижение международных резолюций в области воды и климата. В статье рассматриваются достижения и вызовы реализации Повестки дня до 2030 в Таджикистане, анализируются дипломатические усилия как ключевой фактор интеграции национальных приоритетов в глобальную повестку устойчивого развития.

Ключевые слова: Повестка дня - 2030; цели устойчивого развития; Национальная стратегия развития до 2030 года; экологическая дипломатия; изменение климата; водная безопасность; международное сотрудничество.

В XXI веке изменение климата превратилось в одно из самых масштабных и системных явлений, оказывающих влияние на развитие человечества и состояние планеты. Если ещё несколько десятилетий назад климат рассматривался преимущественно как естественный элемент природной динамики, то сегодня его трансформация носит антропогенный, то есть вызванный человеческой деятельностью характер. В результате усилившегося давления на экосистемы, интенсивной индустриализации, роста населения и чрезмерного использования природных ресурсов человечество оказалось в условиях нарастающего климатического кризиса, который проявляется в изменении всех базовых параметров природной среды.

Постепенное повышение средней глобальной температуры, наблюдающееся с середины XX века, стало одним из наиболее наглядных показателей происходящих изменений. Согласно оценкам Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), каждые десять лет температура поверхности Земли повышается примерно на 0,2-0,3 °С, что ведёт к долгосрочным последствиям для природных и социально-экономических систем. Эти процессы сопровождаются учащением и усилением экстремальных погодных явлений – засух, наводнений, ураганов, а также тепловых волн, которые наносят серьёзный ущерб сельскому хозяйству, энергетике и инфраструктуре.

Особое беспокойство вызывает ускоренное сокращение ледников и снежного покрова, которые являются важнейшими регуляторами гидрологического цикла и источниками пресной воды для миллиардов людей. Таяние горных ледников, в том числе в Центральной Азии, Гималаях и Альпах, приводит к изменению водного баланса, увеличению риска наводнений в краткосрочной перспективе и угрозе водного дефицита в долгосрочной. Эти процессы не только подрывают устойчивость экосистем, но и создают предпосылки для трансграничных конфликтов, связанных с распределением водных ресурсов.

Деградация экосистем, вызванная изменением климата, оказывает прямое воздействие на биологическое разнообразие. Исчезновение местобитаний, деградация почв, опустынивание и нарушение экосистемных связей ведут к снижению продуктивности природных систем и сокращению биоразнообразия. Это, в свою очередь, подрывает продовольственную безопасность, устойчивость сельских сообществ и усиливает социально-экономическое неравенство.

Нельзя не отметить и последствия для здоровья человека. Изменение климатических условий способствует распространению инфекционных заболеваний, росту числа тепловых ударов и ухудшению качества воздуха. По данным Всемирной организации здравоохранения, миллионы людей

ежегодно сталкиваются с угрозами, связанными с загрязнением атмосферы и экстремальными температурами. Особенно уязвимыми оказываются пожилые люди, дети и население стран с низким уровнем доходов, где возможности адаптации ограничены.

Экономическое воздействие климатических изменений также имеет глобальный масштаб. Нарушение аграрных циклов, разрушение инфраструктуры, увеличение расходов на ликвидацию последствий стихийных бедствий и климатические миграции оказывают давление на бюджеты государств и мировые рынки. Международные организации, включая Всемирный банк и Международный валютный фонд, предупреждают, что без своевременных мер глобальное потепление может привести к значительному снижению мирового ВВП и росту уровня бедности.

Современная климатическая повестка требует не только научного анализа, но и консолидации политических усилий. Изменение климата представляет собой не просто экологическую проблему, а комплексный многоуровневый вызов, затрагивающий социальную, экономическую, гуманитарную и международно-политическую сферы. Его последствия ощущаются во всех регионах мира, независимо от уровня развития и географического положения. В этих условиях формирование механизмов адаптации, внедрение низкоуглеродных технологий и развитие международного сотрудничества становятся необходимыми условиями сохранения стабильности и устойчивости человеческой цивилизации.

Принятая в сентябре 2015 года на саммите Организации Объединённых Наций Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года (Повестка дня - 2030) представляет собой стратегический документ глобального масштаба, определивший долгосрочные ориентиры для мирового сообщества. Этот документ стал результатом многолетних консультаций государств-членов ООН, международных организаций, научных кругов и гражданского общества. В его основе заложено стремление обеспечить сбалансированное развитие трёх измерений устойчивости, а именно, экономического, социального и экологического [4].

Повестка дня-2030 включает в себя 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, охватывающих ключевые направления глобальной политики: искоренение бедности и голода, улучшение здоровья и образования, расширение прав и возможностей женщин, обеспечение гендерного равенства, доступ к чистой воде и санитарии, развитие устойчивой энергетики, содействие достойному труду и экономическому росту, формирование устойчивой инфраструктуры, снижение неравенства, развитие городов и населённых пунктов, борьбу с изменением климата и охрану природных экосистем. Особое внимание уделяется также укреплению глобального партнёрства и международного сотрудничества.

Республика Таджикистан, как член ООН и активный участник международных переговорных процессов, с самого начала выразила твёрдую приверженность принципам Повестки дня - 2030. На национальном уровне была проведена работа по адаптации ЦУР в соответствии с приоритетами социально-экономического развития страны. Основным стратегическим документом выступает Национальная стратегия развития до 2030 года (НСР-2030), утверждённая постановлением Правительства Республики Таджикистан. В ней определены ключевые направления государственной политики: развитие человеческого капитала, формирование современной инфраструктуры, обеспечение энергетической безопасности и рациональное использование водных ресурсов, переход к зелёной экономике и укрепление позиций страны в международном разделении труда.

Среди фундаментальных стратегических документов, формирующих ориентиры долгосрочной государственной политики в области устойчивого развития, особое место занимает Стратегия национального развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Данный документ представляет собой концептуальную рамку, в которой вопросы охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и экологической модернизации экономики рассматриваются как ключевые приоритеты. Стратегия определяет экологическую устойчивость в качестве одного из краеугольных камней социально-экономического прогресса, подчеркивая важность системного подхода к охране окружающей среды, интеграции экологических критериев в процесс планирования и необходимости перехода на ресурсосберегающие модели производства и потребления [7].

Особый акцент в данном стратегическом документе сделан на устойчивое природопользование и эффективное управление водными ресурсами, что обусловлено как географическим положением Таджикистана, обладающего значительным гидропотенциалом, так и нарастающим воздействием климатических изменений. Признание воды как стратегического ресурса требует продуманной и многоуровневой политики, обеспечивающей сбалансированное распределение и сохранение водных экосистем в условиях изменения гидрологического цикла и роста антропогенной нагрузки.

Кроме того, стратегия формирует основу для перехода к зелёной экономике, ориентированной на экологическую эффективность, инновационность и снижение углеродоемкости национального хозяйства. В этом контексте подчеркивается необходимость внедрения современных чистых технологий, повышения энергоэффективности, развития возобновляемых

источников энергии и создания стимулов для экологически ответственного поведения бизнеса и населения.

Стратегия национального развития до 2030 года закладывает институциональный и нормативный каркас для интеграции принципов устойчивого развития в ключевые отрасли экономики и сферы государственного управления. Этот документ не только отражает внутреннюю приверженность Республики Таджикистан экологическим приоритетам, но и служит основой для формирования конструктивной международной позиции в области зеленой дипломатии, укрепляя внешнеполитическую субъектность страны в глобальных климатических и экологических процессах.

В официальных национальных докладах страны подчёркивается, что 84% ЦУР нашли отражение в национальных приоритетах Таджикистана. Так, ЦУР-6 «Чистая вода и санитария» полностью совпадает с национальными интересами, учитывая роль страны как источника водных ресурсов Центральной Азии. Аналогично, особое внимание уделяется ЦУР-7 «Доступная и чистая энергия», где ключевым направлением выступает развитие гидроэнергетического потенциала и продвижение международных проектов (например, CASA-1000).

Одним из ключевых факторов успешного продвижения Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года в Республике Таджикистан выступают дипломатические усилия. Учитывая, что внутренние возможности страны для достижения всех семнадцати Целей устойчивого развития (ЦУР) ограничены экономическими и институциональными ресурсами, именно внешнеполитическое измерение становится важнейшим инструментом интеграции национальных приоритетов в глобальные процессы. Дипломатическая активность позволяет Таджикистану не только укреплять сотрудничество с международными донорами и партнёрами, но и формировать собственную повестку, находящую отражение в официальных документах ООН и других международных структур.

На двустороннем уровне Таджикистан выстраивает долгосрочные партнёрские отношения, как с ведущими странами мира, так и с государствами Центральной Азии. Приоритетными направлениями взаимодействия являются обмен опытом в сфере рационального водопользования, внедрение зелёных технологий, совершенствование климатического прогнозирования, а также подготовка национальных кадров для управления устойчивым развитием.

Не менее важным является многосторонний формат, в рамках которого дипломатия Таджикистана стала инструментом международного признания страны как инициатора глобальных экологических и климатических инициатив.

Наиболее значимой инициативой является Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития», 2018-2028 гг., закреплённое в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/222 от 21 декабря 2016 года. Инициатива, выдвинутая Президентом Республики Таджикистан, уважаемым Эмомали Рахмоном, была поддержана всеми государствами-членами ООН. Её цель заключается в содействии комплексному и координированному решению проблем, связанных с управлением водными ресурсами, что напрямую связано с реализацией большинства ЦУР, включая цели по искоренению бедности, обеспечению продовольственной безопасности, охране здоровья и смягчению последствий изменения климата.

Другим важным вкладом Таджикистана стало продвижение инициативы по сохранению ледников, играющих жизненно важную роль в формировании гидроресурсов Центральной Азии. Эта инициатива получила поддержку в резолюции A/RES/77/158 «International Year of Glaciers' Preservation, 2025», принятой в декабре 2022 года. Согласно документу, 2025 год объявлен Международным годом сохранения ледников, а Душанбе станет местом проведения первой в мире международной конференции по вопросам криосферы. Данный шаг укрепил статус Таджикистана как глобального лидера климатической дипломатии и связал национальные интересы с реализацией ЦУР-13 «Борьба с изменением климата» [5].

Ещё одним значимым инструментом продвижения национальных приоритетов являются Международные водные конференции в Душанбе, проводимые с начала 2000-х годов. Эти форумы получили признание Генеральной Ассамблеи ООН и рассматриваются как глобальная платформа для обмена идеями и решения задач устойчивого развития.

Конференции выполняют несколько стратегических функций:

1. Служат площадкой для обсуждения прогресса в реализации ЦУР, связанных с водой, энергетикой и климатом;
2. Обеспечивают обмен научными и практическими решениями между странами и организациями;
3. Способствуют укреплению международного партнёрства и мобилизации ресурсов для региональных и глобальных проектов.

Благодаря этим форумам Душанбе постепенно приобрело статус своеобразной «водной столицы» региона, где формируется и закрепляется международный дискурс в сфере устойчивого развития.

Дипломатические усилия Таджикистана реализуются в нескольких взаимосвязанных формах:

- Участие в переговорах и саммитах высокого уровня;
- Инициирование резолюций Генеральной Ассамблеи ООН;

- Проведение международных конференций и форумов;
- Развитие региональных и глобальных партнёрств;
- Мобилизация внимания мирового сообщества к вопросам воды, климата и экологии.

Благодаря этим шагам Таджикистану удаётся интегрировать национальные приоритеты в глобальную стратегию устойчивого развития, укреплять имидж ответственного участника международного сообщества и привлекать дополнительные ресурсы для достижения ЦУР.

Опыт Республики Таджикистан наглядно демонстрирует, что дипломатия выступает не только традиционным инструментом внешней политики, но и действенным механизмом продвижения глобальной Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года. В условиях ограниченности внутренних ресурсов именно дипломатическая активность позволяет стране компенсировать уязвимости, формировать долгосрочные партнёрства, инициировать глобальные проекты и закреплять за собой статус государства-инициатора в вопросах воды и климата.

Несмотря на серьёзные вызовы, к числу которых относятся ограниченные финансовые ресурсы, зависимость экономики от внешних факторов, уязвимость к климатическим катастрофам и необходимость институциональных реформ, дипломатическая активность Таджикистана позволяет частично нивелировать эти ограничения. На двустороннем уровне республика развивает сотрудничество с Европейским союзом, Всемирным банком, Азиатским банком развития, ПРООН, ФАО, ЮНЕСКО и другими международными организациями, что обеспечивает приток финансовой, технической и экспертной поддержки. Эти ресурсы направляются на развитие гидроэнергетики, внедрение возобновляемых источников энергии, повышение устойчивости к изменению климата и совершенствование управления водными ресурсами. На многостороннем уровне дипломатия Таджикистана позволила стране занять лидирующие позиции в обсуждении вопросов воды и климата, обеспечив интеграцию национальных интересов в глобальные процессы.

Особую роль в продвижении глобальных инициатив республики играют Международные водные конференции в Душанбе, которые превратились в авторитетную международную площадку для обсуждения реализации Повестки дня-2030, Парижского соглашения по климату и Декларации по устойчивому развитию. Эти форумы способствуют обмену научными и практическими решениями, укрепляют глобальное партнёрство и мобилизуют ресурсы для совместных проектов. В результате Душанбе заслуженно приобрело статус «водной столицы региона», где формируется международный дискурс в сфере устойчивого развития. Таким образом, дипломатические усилия страны реализуются через участие в глобальных перего-

ворах и саммитах высокого уровня, инициирование резолюций ООН, проведение конференций и развитие многосторонних партнёрств, что позволяет привлекать ресурсы и повышать авторитет государства на мировой арене [2].

Внешнеполитическая стратегия Таджикистана органично связана с внутренними приоритетами, закреплёнными в Национальной стратегии развития до 2030 года, где нашли отражение ключевые компоненты устойчивого развития, а именно, развитие человеческого капитала, энергетическая и водная безопасность, переход к зеленой экономике и расширение международного сотрудничества. В этой связи дипломатические усилия выступают связующим звеном между национальными задачами и глобальной повесткой, позволяя стране не только адаптировать Цели устойчивого развития к своим возможностям, но и формировать собственный вклад в международные процессы.

Таким образом, дипломатическая активность Таджикистана обеспечивает интеграцию национальных интересов в глобальные инициативы и укрепляет международный имидж республики как ответственного партнёра и государства-инициатора. Благодаря активной внешнеполитической позиции, республика вносит ощутимый вклад в достижение Повестки дня-2030, формируя условия для устойчивого развития не только на национальном, но и на региональном уровне. Дипломатические усилия можно рассматривать как один из ключевых факторов устойчивого развития, способный не только компенсировать внутренние ограничения, но и вывести страну на новый уровень международного признания, превращая её в активного участника глобального диалога по вопросам будущего человечества.

Литература

1. Выступление Эмомали Рахмона на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 24 сентября 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org> (дата обращения: 12.06.2025).
2. Выступление Эмомали Рахмона на Международной конференции по изменению климата и охране окружающей среды, 12 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/> (дата обращения: 20.07.2025).
3. Выступление Эмомали Рахмона на Форуме высокого уровня по устойчивому развитию, 14 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/> (дата обращения: 21.08.2025).
4. Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития» (2018–2028) // Архив официального сайта ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2022-10/SG_Report_Rus_0.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

5. Национальная стратегия развития Таджикистана до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medt.tj/ru/strategiy-i-programmi/hcr-2030> (дата обращения: 28.07.2025).
6. Climate Change 2023: Synthesis Report. Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/syr/> (accessed: 10.07.2025).
7. Dushanbe Water Process: Official Platform of the Republic of Tajikistan [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.dushanbewaterprocess.org> (accessed: 01.07.2025).
8. Green Diplomacy and Climate Change in Central Asia. Springer, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-29831-8_1 (дата обращения: 22.08.2025).
9. Green Economy Strategy of the Republic of Tajikistan for 2023–2037 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.goscomecology.tj> (accessed: 12.07.2025).
10. International Year of Glaciers’ Preservation, 2025 : UN General Assembly Resolution A/RES/77/158 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://undocs.org/A/RES/77/158> (accessed: 30.06.2025).
11. National Water Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2040 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.mewr.tj> (accessed: 05.07.2025).
12. Nationally Determined Contribution of the Republic of Tajikistan (Updated NDC, 2021) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/Pages/Party.aspx?party=TJK> (accessed: 20.06.2025).
13. Paris Agreement. United Nations Framework Convention on Climate Change, 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement> (accessed: 18.06.2025).
14. Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030. United Nations Office for Disaster Risk Reduction [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.undrr.org/publication/sendai-framework-disaster-risk-reduction-2015-2030> (accessed: 22.07.2025).
15. Tajikistan’s Initiatives in Water Diplomacy. Central Asia Policy Review, 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://mfa.tj/en/tajembankara/view/11367/review-of-global-initiatives-of-tajikistan-in-the-water-sector> (дата обращения: 25.07.2025).
16. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development : Resolution adopted by the General Assembly A/RES/70/1 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed: 15.06.2025).
17. UNEP Medium-Term Strategy 2022–2025 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.unep.org/resources/strategy/unep-medium-term-strategy-2022-2025> (accessed: 15.07.2025).
18. United Nations Economic Commission for Europe (UNECE). Environmental Performance Reviews: Tajikistan, Third Review, 2022 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://unece.org/epr/tajikistan> (accessed: 20.07.2025).
19. Water and Climate Change: United Nations World Water Development Report 2024. UNESCO [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.unesco.org/reports/wwdr/2024> (accessed: 22.06.2025).

20. World Bank. Tajikistan Country Climate and Development Report, 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/en/country/tajikistan> (accessed: 18.07.2025).

TAJIKISTAN AND THE IMPLEMENTATION OF AGENDA OF 2030: DIPLOMATIC INSTRUMENTS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Qurbonzoda Zulfiya Mahmadvani

Doctor of Political Sciences, Professor,
Deputy Director of the Research Institute for
Sustainable Development and Green Economy,
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad St., 48/5
Ph.: (+992) 979 66 00 10 (m.)
zulkurbonova@gmail.com

The Agenda for Sustainable Development for the period of 2030, adopted by the UN General Assembly in 2015, sets global priorities for ending poverty, achieving inclusive growth, protecting ecosystems and combating climate change. From the very beginning, the Republic of Tajikistan has expressed its commitment to the principles of sustainable development and is adapting them within the framework of the National Development Strategy until 2030. The implementation of the Sustainable Development Goals in the country is organically combined with foreign policy initiatives aimed at promoting issues of water security, climate resilience, and the energy transition. In recent years, Tajikistan's foreign policy activities have increasingly focused on environmental diplomacy, including the promotion and support of international initiatives and resolutions in the areas of water and climate. Tajikistan's diplomatic instruments, including active participation in multilateral processes and the promotion of international resolutions on water and climate, are of particular importance. The article examines the achievements and challenges of implementing the Agenda until 2030 in Tajikistan and analyzes diplomatic efforts as a key factor in integrating national priorities into the global sustainable development agenda.

Keywords: 2030 Agenda; Sustainable Development Goals (SDGs); National Development Strategy until 2030; environmental diplomacy; climate change; water security; international cooperation.

ТОЧИКИСТОН ВА РЀЗНОМАИ-2030: ВОСИТАҲОИ ДИПЛОМАТИ ДАР ТАТБИҚИ ҲАДАФҲОИ РУШДИ УСТУВОР

Қурбонзода Зулфия Маҳмаднабӣ

доктори илмҳои сиёсӣ, профессор,
муовини директори Институти илмию тадқиқоти рушди
устувор ва иқтисоди сабзи,
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Борбад, 48/5
Тел.: +(992) 979 66 00 10 (м.)
zulkurbonova@gmail.com

Рӯзномаи рушди устувор то соли 2030, ки соли 2015 аз ҷониби Маҷмааи Умумии Созмони Милали Муттаҳид қабул гардид, самтҳои калидии ҷаҳониро дар соҳаи аз байн бурдани камбизоатӣ, таъмини рушди фарогир, ҳифзи экосистемаҳо ва мубориза бар зидди тағйирёбии иқлим муайян менамояд. Ҷумҳурии Тоҷикистон аз солҳои аввали татбиқи ин ҳуҷҷат ирода ва садоқати худро ба принсипҳои рушди устувор изҳор намуда, онҳоро дар доираи Стратегияи миллии рушд то соли 2030 мутобиқ кардааст. Амалӣ намудани Ҳадафҳои рушди устувор дар кишвар ба таври органикӣ бо ташаббусҳои сиёсати хориҷӣ пайванд ёфтааст, ки асосан ба масъалаҳои амнияти об, устувори иқлим ва гузариш ба энергетикаи сабз равона шудаанд. Сиёсати хориҷии Тоҷикистон дар солҳои охир бештар ба дипломатияи экологӣ тамаркуз мекунад, ки ин дар пешбарӣ ва дастгирии ташаббусҳо ва қатъномаҳои байналмилалӣ дар самти об ва иқлим ифода меёбад. Воситаҳои дипломатӣ, аз ҷумла иштироки фаъол дар равандҳои бисёрҷониба ва пешбурди қатъномаҳои байналмилалӣ, барои кишвари мо аҳамияти вижа пайдо мекунанд. Дар мақола дастовардҳо ва мушкилоти татбиқи Рӯзномаи-2030 дар Тоҷикистон баррасӣ гардида, сабъҳои дипломатӣ ҳамчун омилҳои муҳими ҳамгироии афзалиятҳои миллий ба рӯзномаи ҷаҳонии рушди устувор таҳлил мешаванд.

Калидвожаҳо: Рӯзномаи-2030; Ҳадафҳои рушди устувор; Стратегияи миллии рушд то соли 2030; дипломатияи экологӣ, тағйирёбии иқлим; амнияти об; ҳамкорӣ байналмилалӣ.

УДК 32(584.98):321.01(584.98):316.75

**АФГАНИСТАН:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО -ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В
УСЛОВИЯХ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

Саидов Хамид Саидович

доктор политических наук, профессор
кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 000 66 93 93 (м.)
khomid.saidov.53@mail.ru

Наими Исмоил Нурулло

кандидат политических наук, доцент
кафедры дипломатии и международных отношений
Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. С.Носиров, 33
Тел.: (+992) 918 44 75 34 (м.)
naimov_ismoil@list.ru

Вторичный приход к власти в Афганистане 15 августа 2021 года движения «Талибан» вновь привлёк внимание к пуштунам, составляющим основную часть сторонников и участников этой запрещённой во многих странах организации. Талибанизм в третьем десятилетии XXI века, к сожалению, превратился в национальную идею пуштунов. Талибы, по сути, реанимировали идеи геноцида и апартеида (геноцид панджшерских таджиков, женский апартеид). Эти процессы подчёркивает фраза: «Не все пуштуны - талибы, но почти все талибы - пуштуны». Пуштуны продолжают играть важную роль в общественно-политической жизни страны. Ситуация в регионе во многом зависит от действий лидеров пуштунов как в Афганистане, так и в Пакистане. Сохранившаяся племенная структура пуштунов усложняет их интеграцию в Афганистане и Пакистане. Если в Афганистане они составляют почти половину населения, то в Пакистане - крупнейшее меньшинство, численность которого в два раза превышает численность афганских пуштунов. Пуштунизация, или внутренняя колонизация, остаётся главным фактором дезинтеграции Афганистана. Она включает исламизацию (нуристанцев и

дардов), ассимиляцию в племенную структуру, распространение языка пушту и внедрение пуштунвалай. Этот процесс представляет собой форму культурной и языковой ассимиляции, при которой непуштунское население принимает культуру и обычаи пуштунов. Люди, переезжающие в пуштунские районы, как правило, адаптируются, изучая язык и принимая местные традиции. Пуштунизация также охватывает вытеснение обычаев и языков непуштунских народов под влиянием политической власти пуштунов в Афганистане. Это явление продолжает оказывать значительное влияние на этнополитическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: Афганистан; пуштунизация; общественно-политические мысли; политические процессы; этнонациональный вопрос; гуманизация этнической сферы; национальные меньшинства; гармонизация отношений; государственный патернализм; Пакистан; пуштуны; этнодемография; племена; миграция; внутренняя колонизация; полиэтническое общество; этническая группа; микрообщности.

Этнодемографическая картина Афганистана показывает, что численность и доля пуштунов (паштунов), которые традиционно именуют себя «афганцами» в этническом смысле, оцениваются исследователями неоднозначно. Расчёты, как правило, опираются на данные середины 1970-х годов. Так, австрийский исследователь Л. Адабек выводил показатель в 43 % от общей численности населения, что при оценке населения страны примерно в 14 млн человек соответствовало около 6 млн пуштунов [21, с. 100–101]. Американский антрополог Л. Дюпре приводил схожие результаты: 46 % и 6,5 млн человек при сопоставимой оценке общего числа жителей [23, с. 59]. В отечественной традиции ориентировались на официальные афганские сведения, согласно которым пуштуны составляли 55 % населения страны. Если исходить из переписи 1979 года - единственной репрезентативной выборочной переписи в истории Афганистана - население государства в тот момент насчитывало 15,55 млн человек, из них около 2,5 млн вели кочевой или полукочевой образ жизни [10, с. 9]. Однако абсолютного согласия среди специалистов не сложилось. Например, в справочнике по народонаселению под редакцией Б. Ц. Урланиса доля пуштунов на 1970 год оценивалась в 51 %, что при общем населении 17 млн человек давало примерно 8,8 млн представителей этой группы [15, с. 407].

Снижение доли пуштунов в последующие десятилетия связано, судя по всему, с масштабной миграцией, начавшейся ещё в конце 1970-х годов и усилившейся в 1980-е. Главным направлением перемещения стал Пакистан, и именно среди пуштунов доля беженцев была особенно высокой [27]. Значительную часть составляли кочевые группы с востока и юго-востока страны, которые перемещались вместе со стадами или без них. Вторым крупным направлением миграции стал Иран. По данным ООН, к началу 1981 года совокупное число афганских беженцев в этих двух стра-

нах достигло 3,7 млн человек, а к 1992 году - уже 6,7 млн, из которых свыше 5 млн проживали на территории Пакистана [25].

По расчётам Ю. В. Босина, к началу 1990-х годов численность населения Афганистана резко сократилась и составляла порядка 11–12 млн человек. Из этого числа пуштунов оставалось примерно 4,5–5 млн, а таджиков - около 3 млн [6, с. 14–15]. Именно пуштуны, согласно распространённой оценке, понесли наибольшие демографические потери в результате миграции и вооружённых конфликтов 1980-х годов. С этого времени они перестали составлять абсолютное большинство населения и стали лишь относительным большинством - около 42–45 %. Согласно последним статистическим данным, население страны росло чрезвычайно быстро: по сведениям Мировой книги фактов ЦРУ на июль 2021 года оно оценивается в 37,5 млн человек, а по подсчётам ООН на 2019 год - в 38,04 млн. Таким образом, за последнее десятилетие численность увеличилась на 8–9 млн человек, что в годовом исчислении соответствует приросту в 3–4 % [11]. Исходная посылка подобных оценок заключается, по-видимому, в предположении о возвращении значительной части эмигрантов и сохранении высокой рождаемости.

Если отбросить дискуссию о демографическом учёте, то в той же Книге фактов этнические группы перечислены в порядке убывания: пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, нуристанцы, аймаки, киргизы, кызылбаши, гуджары и брагуи [22]. Лингвистическая ситуация отражает историческую роль дари как языка межэтнического общения: им владеют 77 % населения, пушту - 48 %, узбекским пользуются 11 %, английским - 6 %, туркменским и урду - по 3 %, а пашаи, нуристанский, арабский и белуджский языки распространены среди одного процента населения или менее [5, с. 67]

Значительная часть населения Афганистана традиционно использует в повседневной жизни более одного языка, и наибольшее распространение имеют дари и пушту. Такая двуязычность и соотносимые с ней данные по языковым группам позволяют утверждать, что доля пуштунов в современной структуре населения вплотную подходит к половине, тогда как таджикская составляющая стабильно удерживается на уровне не ниже 29 %. Исторически ареал расселения пуштунов складывался постепенно и, начиная примерно с XV–XVI веков, демонстрировал тенденцию к расширению. В устоявшейся племенной традиции выделялось 405 племен, однако в ходе их неоднократного дробления к 1980-м годам насчитывалось уже порядка 1,7 тысячи племен и самостоятельных подразделений (хелей). В их составе преобладали генеалогически подтвержденные родовые группы, но существовали и крупные объединения, сформированные по иным принципам - в частности, называвшиеся по местности проживания, вроде «хости» или

«хостваль». Эти образования представляли собой псевдородовые структуры, возникшие на основе общин соседского типа и не имевшие строгого генеалогического происхождения. [4, с.13].

На фоне вышеуказанных данных следует также рассмотреть политико-историческую концепцию «внутренней колонизации» как попытку пуштунской реставрации Афганистана. Классическое определение этого вопроса в свое время дал выдающийся русский ученый-афгановед И. М. Рейснер: «История афганских племенных отношений является ничем иным, как постоянной кровавой войной за пастбища и землю» [17]. Это особенно ярко проявляется в переселенческой политике, осуществляемой пуштунами. Исследователи называют её политикой «внутреннего колониализма», связанной с одним из важнейших мероприятий в афганском обществе - переселенческой политикой эмира Абдурахманхана (конец XIX века). Эта политика имела двойную задачу: во-первых, таким образом правительство пыталось усилить пуштунский элемент среди непуштунских народов и создать более прочную опору для защиты эмирского режима, поскольку местное население было менее надежным; во-вторых, с помощью переселения пуштунского населения правительство стремилось нейтрализовать и ослабить силы непуштунских племен, выражавших недовольство против централизаторской политики эмирской власти. В качестве иллюстрации можно обратиться к исторической хронике переселенческой политики в Афганистане. Итак, в конце XIX века 10 тысяч гилзайских семей из Газни были размещены между Аму-дарьей и Гиндукушом. Афганские власти надеялись таким образом не только усилить этнический элемент в этих районах, но и ослабить сильное гилзайское племя. Позднее было выселено еще 25 тысяч гилзаев в район Бала-Мургаб. Туда же было выселено 25 тысяч вардакцев. После разгрома восстания хазарейцев в этот район было переселено 20 тысяч вардикцев и 50 тысяч андаров [13, с.234]. Согласно архивным материалам, все афганские чиновники и ханы-переселенцы, чувствуя за собой поддержку эмирской власти, свободно, как колонизаторы, вели себя на покорных землях северных и северо-западных районов Афганистана [9, с.85]. Такая политика распространялась по всей территории страны. Многие безземельные жители Кохистана, Ниджраба, Тагаба, Лагмана, Джалалабада и племени хугяни в Катаганской провинции были освобождены от уплаты всех податей и повинностей. Пуштунские эмиры уделяли большое внимание переселению афганских племен с юга на север. Эмир Хабибуллахан в начале XX века предпринимает меры по переселению жителей окрестностей Кабула. В период с 1904 по 1911 год было переселено 4000 семей в Гератский округ из числа жителей Вардака, Кохдомана, Логара и других окрестностей Кабула, и предполагалось направить туда еще 8000 семей. В Ханабад и его окрестности

успели переселиться до 25 тысяч коренных афганцев, поселившихся в кишлаках партиями [12, с.162].

Периодические выступления Фирузкухцев и Джамшедов стали причиной их переселения в Фарахскую и Кабулскую провинции из Хазараджата. По этой же причине было выселено 12 тысяч хазарейских семей в Мазари-Шарифскую провинцию. Массовая эмиграция наблюдалась с юга страны в пределы Бухарского ханства и Закаспийской области. Для строительства железной дороги до Нового Чамана, осуществляемого англичанами, ежегодно нанимались до 2000 афганских рабочих [14, с.16].

По свидетельству автора труда «Сирадж-ат-таворих», финансовые затруднения афганского правительства, связанные с невозможностью своевременной уплаты налогов, привели к тому, что из Талукана в направлении Мавераннахра вынужденно переселились 658 семей местных жителей [12, с.511]. Характер принудительной политики пуштунских правителей стал одной из причин массовых обращений к внешним властям: в 1892 году приблизительно 40 тысяч выходцев из Маймана, около 16 тысяч жителей Вирзоба и Гурзивана, порядка 13 тысяч семей из Чехчерана и примерно 12 тысяч жителей Сарипула направили коллективную просьбу эмиру Бухарскому и российскому генерал-губернатору Туркестанского края о предоставлении им права постоянного проживания в пределах Бухарского эмирата и Российской империи [14, с.18]. Несколькими годами ранее, в 1886 году, эмир Абдурахманхан распорядился перевести 1363 семьи кочевников из племени дурани в районы Мургаба и Бадгиса; данный указ предусматривал для переселенцев особые условия, включавшие значительные послабления и привилегии [12, с.779].

Другой факт. Начиная с 16 апреля 1902 года, в государственных землях между Окчой, Шибирганом, Сарипулом и Меймене ежегодно переселялись гильзийские племена из Кандагара. Только за пять лет их число достигло 50 тысяч человек. Исторические хроники фиксируют, что после разгрома выступления гильзаев, в котором на стороне правительственных сил под командованием сипахсолора Гулям-Хайдар хана Чархи сражались хазарейские отряды, по распоряжению эмира Абдурахман хана в районе Дарозпушта возвели минарет, сложенный из тысяч обезглавленных тел гильзаев. Подобные карательные действия надолго закрепили в общественной памяти образ жестокости власти и усугубили взаимную неприязнь между основными этноплеменными группами - дурани, гильзаями и хазарейцами, став одним из факторов, посеявших глубокий раскол и усиливших межэтническую рознь внутри Афганистана.

На этом фоне значительная часть населения начала покидать страну. Потоки переселенцев направлялись главным образом из южных областей: часть уходила на земли Бухарского ханства и в Закаспийский регион, а жи-

тели приграничья массово перебирались в Индию. Одновременно с этим в управлении государством широко применялся принцип «разделяй и властвуй» в отношении многочисленных племён и народов, населяющих страну, что отражало влияние британских колониальных практик. Эмиры Афганистана активно играли на исторической враждебности между гильзаями и дурани, а также сознательно противопоставляли афганские племенные группы таджикам, хазарейцам, узбекам и другим общностям, чтобы удерживать политический контроль. Афганский летописец Файз Мухаммад Катиб указывает, что при подавлении восстаний в Хазараджате задействовались не только регулярные войска эмира: к выступлениям также принуждали вооружённые формирования из числа нукеров родов турки и алихел, проживавших восточнее хазарейского рода калан, что ещё более обостряло внутренние противоречия и усиливало напряжённость между общинами. [12, с.789].

Подобных эпизодов в афганской истории зафиксировано немало. На протяжении разных периодов взаимоотношения между многочисленными афганскими племенами неоднократно перерастали в вооружённые столкновения. Вражда охватывала как группы джадран, джаджи, ачикзай и другие афганские роды, так и противостояния между ними и иными этническими общностями. Постоянные трения между джаджи, джадран, гильзаями, ачикзай, нурзай и целым рядом других племенных объединений создавали благоприятную почву для манипуляций со стороны центральной власти, которая искусно направляла одних против других, удерживая племена в состоянии систематической напряженности и взаимного недоверия.

Ситуацию усугубляло и то, что внутри самого афганского этноплеменного массива не существовало равновесия: одни группы находились в более привилегированном положении, другие - в заведомо уязвимом. Это внутреннее неравенство лишь подливало масла в огонь состязательности и провоцировало новые конфликты. Политическая практика того времени демонстрирует, насколько активно религиозный фактор использовался как инструмент подавления социальных и национальных возмущений. Представители правящих кругов в критические моменты сознательно поднимали религиозные настроения, стремясь разобщить потенциальных союзников и обезоружить протесты, направляя их энергию в русло межконфессионального противостояния.

Особенно показательным стал случай с антихазарейскими кампаниями. Против хазарейцев систематически использовалась антишиитская риторика, призванная придать политическим преследованиям религиозную окраску. Эта пропаганда получила широкий резонанс и не осталась незамеченной соседними государствами, прежде всего Ираном. Именно подобные механизмы были задействованы при подавлении хазарейского вос-

стания 1893 года, имевшего характер борьбы за национальное освобождение и ставшего реакцией на жестокие меры афганских властей. Эмир, стремясь подавить масштабное движение, численность которого превышала миллион человек, сделал ставку на религиозные различия и обратился к суннитским племенам с призывом вести «священную войну» против шиитов.

Более того, он подкрепил эти призывы обещаниями материальной выгоды: участникам подавления восстания гарантировалось право на присвоение имущества повстанцев, а также обращение их жён и детей в рабство. Данные обещания были выполнены, и практика рабства была закреплена в государственном порядке. Работоторговцы, проникавшие в Хазараджат, приобретали женщин, девушек и детей по символической цене - зачастую 5–10 рупий за человека, - после чего продавали их в других регионах в десятки раз дороже, по 50–100 рупий. Лишь при Аманулле-хане в 1919–1929 годах рабство было официально отменено, что принесло ему уважение и поддержку со стороны хазарейцев, поскольку смягчило участь народа, долгие годы подвергавшегося наиболее тяжелым формам эксплуатации.

Схожие методы применялись и в отношении политического течения, которое в историографии принято обозначать как «ранние конституционные движения 1906–1910 годов». Участники этого процесса ставили во главу угла идею равноправия всех народов страны в рамках будущего конституционного порядка, подчёркивая необходимость участия в нём представителей разных этнических групп - афганцев, таджиков, хазарейцев, узбеков и других общин. Чтобы сорвать инициативу, правящая верхушка стремилась дискредитировать её, представляя движение как «чужеродное и иранское по духу», а местных шиитов - как носителей нежелательных идей. Тем самым власть вновь задействовала религиозные настроения населения, распространяя антишиитскую пропаганду и направляя сопротивление против собственных политических оппонентов.

Усиление переселения пуштунов в районы, где проживали непуштунские сообщества, привело к перераспределению собственности в пользу переселенцев. После установления контроля над территориями этнических меньшинств происходили массовые изъятия земель и наложение непомерных налогов, в результате чего социальные противоречия тесно переплелись с национальными. Это развитие событий стало одной из причин масштабных миграционных потоков, прежде всего среди чараймаков и хазарейцев. Земли чараймаков передавались пуштунам, вследствие чего их вынуждали покидать родные места и переселяться в сопредельные государства [3, с. 29].

Относительное спокойствие сохранялось в северо-восточных областях страны - на территории, протянувшейся вдоль южных склонов Гиндукуша,

где проживали небольшие по численности народности: кати, вайгали, ашкун, прасун, дамели, пашай, шумшати, ватапури, чавар, калаша, хавар (или читрали), торвали, шина пахалураи и другие. Во многом этому способствовал природный ландшафт: горный рельеф обеспечивал населению возможность автономной защиты, что позволяло удерживать элементы самостоятельности и сохранять этнокультурную специфику. В результате местные общины условно подразделялись на три группы: гальча, которых рассматривали как коренное население; хо и си-яхпуши (включая читральцев и «кафиров»); а также шины. [1, с.64]. Однако, как можно заметить, это благополучие было временным. Уже начиная со второй половины XIX века миграция пуштунов в эти районы происходила интенсивно и носила завоевательный характер. Особенно это относится к Кафиристану - стране кафиров (стране неверных), потомков древнего народа индийского происхождения, населявшего восточную часть Афганистана, которые в XI веке отказались от принятия ислама и эмигрировали в труднодоступные районы. Области, занимаемые кафирами, были завоеваны и подчинены войсками эмира Абдурахманхана в 1886 году. После завоевания кафиры были насильственно обращены в ислам. Область получила название Нуристан (страна света), а жителей стали называть нуристанцами. Захваченные в Кафиристане пленники, обращённые в рабство, поступали главным образом в собственность эмира. Частным лицам за тайное приобретение кафиристанских пленников-рабов угрожал штраф в 3500 рупий. Завоевание привело к большой убыли населения в Кафиристане: число жителей в нём сократилось, видимо, почти в два раза; при переписи осенью 1896 года на его территории насчитывалось 25 тысяч жителей [8, с.207]. В различные годы, спасаясь от притеснений и насилия со стороны афганских правителей, стремившихся подчинить центральной власти различные национальные меньшинства, а также после столкновений с более могущественными афганскими племенами, нуристанцы переходили на территории соседних стран. Политика подчинения непустунских народов и их эксплуатации во многом ослабила ход этно-национального развития неафганского населения. Кроме того, при помощи вновь переселённых пуштунов можно было не только колонизовать земли, но и воспрепятствовать консолидации неафганских народов, так как нарушалась традиционная единство экономических связей, материальной и духовной культуры.

Новая этнодемографическая реальность накладывала отпечаток на социальную организацию отдельных сегментов некоторых народов, этнических групп и квазиэтнических общностей: этноконфессиональных, этнолингвистических, этнокультурных и прочих групп. А с подписанием предательского соглашения Дюранда 12 ноября 1893 года эмиром Абдурахманханом (пуштуном по своему происхождению) начинается этнический

раздел - слишком сложное явление в социальной жизни народов Афганистана. Проявление миграционной политики в форме «внутренней колонизации» полностью противоречило естественному развитию афганского общества, в стране сформировалась несправедливая этнодемографическая ситуация на базе пуштунского национализма. Поэтому уже в третьем десятилетии XX века существует множество мнений относительно роли пуштунского национализма в новейшей истории Афганистана. Как было отмечено, пуштуны получали многочисленные официально закреплённые и неофициальные привилегии: из них и частично таджиков комплектовались госаппарат и офицерский корпус; пуштунские племена освобождались от некоторых налогов, от призыва в армию; пуштунам выделялись лучшие земли, в том числе в районах расселения других этносов. Главным направлением деятельности государства было развитие государственной идеологии на основе пуштунизации.

Процесс культурного и политического доминирования пуштунов над соседними этногруппами, который в научной традиции обозначается как «пуштунизация», включает целый комплекс элементов. К ним относились: распространение ислама среди непуштунских народов (как это происходило, например, у нуристанцев и части дардов); включение инородцев в иерархию пуштунских племён в качестве самостоятельных ветвей; постепенное закрепление языка пушту сначала как второго, а затем нередко и как основного средства общения у народов вроде пашаи, ормури или парачи; а также внедрение кодекса пуштунвалай как нормативной основы поведения и социальной организации. В сущности, пуштунизацию или афганизацию можно определить, как поглощение языковой и культурной специфики непуштунских групп, в результате которого они перенимают мировоззрение, нормы жизни и повседневные практики пуштунов. Переселение представителей других этнических общностей в районы, где доминировали пуштуны, обычно заканчивалось постепенной ассимиляцией - усвоением обычаев, языка и образа жизни коренного населения. Данная форма культурного растворения наиболее характерна для Афганистана и северо-западных территорий современного Пакистана.

Термин «пуштунизация» может обозначать как прямое закрепление присутствия пуштунских племён в регионах проживания непуштунских народов, так и более широкий процесс вытеснения языков, традиций и социальных норм этих народов вследствие политического верховенства пуштунов. Исторические истоки процесса прослеживаются с начала XVII века в Пешаваре, в период династии Сури, когда расширение пуштунского влияния впервые приобрело оформленные очертания. Новый виток этот процесс получил при Ахмад-шахе Дуррани в середине XVIII века: именно его завоевания привели к созданию Дурранийской державы - государства,

в основе которого лежал пуштунский этнополитический элемент. Однако территориальная база, на которой держалось единое пуштунское пространство, была значительно урезана после проведения британцами в 1893 году линии Дюрана, разделившей племена по обе стороны границы. Сегодня эта линия является рубежом между Афганистаном и Пакистаном, и часть пакистанских пуштунов использует в быту дари или урду, а не пушту.

К попыткам закрепить пуштунское доминирование на государственном уровне относились инициативы Мухаммеда Надиршаха в начале XX века, а в более поздние десятилетия - меры, предпринятые движением «Талибан». При этом существовали и случаи добровольного принятия пуштунских норм: часть белуджей Пакистана, проживавшая в непосредственной близости с пуштунскими племенами, сама переняла их обычаи и социальные практики.

В Афганистане пуштунизация сопровождалась усилением роли языка пушту в государственной политике. Несмотря на то, что дари (таджикский язык) традиционно оставался наиболее распространённым средством межкультурного общения, именно пушту был провозглашён единственным национальным языком. Для его развития была создана Академия языка и литературы пушту - Паштуталына. Одновременно велась кампания по созданию исторического нарратива, призванного подкрепить древность пуштунской культуры: в 1958 году вышла в свет книга «Пта хазона» («Закрытые кладбища»), утверждавшая, что письменная традиция пуштунов насчитывает более трёх тысячелетий. Попытка сделать пушту единственным языком школьного обучения не увенчалась успехом, однако знание пушту стало обязательным требованием для служащих государственного аппарата. Владение языком напрямую влияло на оплату труда чиновников - тем, кто демонстрировал хорошее знание пушту, назначались повышенные оклады.

В конце XX – начале XXI века программа реставрации пуштунского национализма и введение пушту в качестве единственного государственного языка стали важными задачами для движения Талибан – 1 и Талибан – 2. Тем не менее, в условиях Афганистана официальными языками остаются пушту и дари, а пушту признан национальным языком. Исполнение национального гимна разрешено только на пушту. Как показывает реальность, в местах, где проживают как пуштуны, так и непуштунские народы, продолжаются конфликты, например, между пуштунами и нуристанцами, пуштунами и хазарейцами, пуштунами и городскими таджиками. В законодательной системе Афганистана существует множество дискриминационных законов по отношению к непуштунским народам. Например, как было отмечено, исполнение государственного гимна возможно только на

языке пушту (песню также написали на пушту). В рамках Министерства по делам национальностей и племен создан консультативный орган – Высший совет племен, который объединяет исключительно пуштунские племена и решает вопросы государственной важности. Однако, несмотря на эти меры, положение непуштунов не меняется. Тем не менее, в стране происходят значительные изменения в национальном самосознании непуштунских народов Афганистана. В результате более чем сорокалетней гражданской войны, в которой основными силами были непуштунские народы, особенно на Севере Афганистана, сформировалось «силовое превосходство Севера над Югом». В последнее время отношение к пушту меняется, и дари становится доминирующим языком, что ставит перед обществом сложный вопрос о «проблеме дариязычных пуштунов». Особенно это актуально в зонах совместного проживания пуштунов и непуштунов, таких как центральные, северные, северо-восточные и западные районы Афганистана, где пуштуны, не получая государственной поддержки в обучении на пушту, чаще всего учат дари. Пушту все больше используется только в бытовом общении. В таких условиях носители пушту часто отдают предпочтение таджикскому языку как «лингва-франка» страны.

Примером отношения к дари на государственном уровне может служить анализ выступлений депутатов Вулуси Джирги в 1987 году, где 65% выступлений было на дари и только 35% – на пушту. Из 24 депутатов, критикующих национальную политику, 88% выступали на дари. Это отражает этническую картину страны, где большинство депутатов, выступавших против национальной политики, представляли северные провинции, исторически населённые этническими меньшинствами. При этом 70% критиков находились на территории, северной части страны, где роль непуштунов была значительной [6, с.145-146].

Современный талибанизм можно рассматривать как проявление пуштуоцентризма, нацеленного на восстановление пуштунского господства в Афганистане. Проявление пуштунской этнической солидарности среди Талибан – 1 и Талибан – 2 после 2021 года также иллюстрирует этот процесс на севере страны.

Одним из сложнейших вопросов в условиях Афганистана является соотношение понятий «национальное большинство» и «национальное меньшинство». Поэтому с позиции современной этнологии и статистики необходимо разобраться в данном вопросе, исходя из этно-демографической реальности, сложившейся в этом государстве. В различных источниках существует мнение, что термин «национальные меньшинства» в отношении таджиков, узбеков, хазарейцев и других этносов – это наследие эпохи пуштунского национализма. В настоящее время его использование некорректно, в первую очередь из-за той роли, которую играют таджики, хаза-

рейцы, узбеки и другие в социально-политической жизни современного Афганистана. Пуштуны даже по официальным документам никогда не составляли абсолютного большинства в этом государстве.

Согласно существующим данным, если рассматривать ситуацию в хронологическом порядке, как уже было отмечено, пуштуны, проживавшие на территории Афганистана в 1920–1930-х годах XX века, составляли в общей сложности не более 300 тыс. семей. Прочие пуштуны проживали на территории Британской Индии и находились под юрисдикцией английской администрации. Остальное, непуштунское население Афганистана – таджики, хазарейцы, узбеки, нуристанцы и другие, подчинённое афганским властям, составляло примерно 5 млн 400 тыс. человек [24]. Таким образом, общее количество населения Афганистана в этот период составляло 5 млн 700 тыс., или около 6 млн граждан афганского подданства [24].

Интересные данные имеются по этническому составу населения Катагана в 1960-х годах и во втором десятилетии XXI века: пуштуны сократились на 53 % к 2016 году. Это означает, что из более 3 млн пуштунов, проживавших в зоне Катагана (Баглан, Пули-Хумри, Кундуз, Ханабад, Таликан), их число уменьшилось до 2 млн. Хотя статистические данные по вопросу общего количества населения Афганистана не всегда отражают полную картину, на основе этих данных можно относительно точно реконструировать этно-демографическую реальность в этой стране.

По данному вопросу важную информацию предоставляет Сурая Бахо, статья которой была опубликована в ноябре 2021 года в одном из авторитетных английских журналов. Согласно данным госпожи Сурай, которая в октябре 1977 года, будучи молодой специалисткой, занимала должность заместителя начальника по сбору данных и прогнозированию в Центральном статистическом управлении (ЦСУ) Афганистана (руководителем которого был Абдулкарим Хакими, пуштун по национальности), в этом году впервые с помощью ООН в истории Афганистана проводилась перепись населения. Основная функция была возложена на ЦСУ. В этой переписи, наряду с индийскими и советскими консультантами, одним из ключевых участников был гражданин Таджикистана Фарход Алиакбаров. Перепись населения проводилась по методике неполного статистического расчёта: за основу бралась одна область, затем уточнялись её границы, определялись пять основных отраслей занятости населения в этой области, после чего подсчитывалась общая численность населения и делилась на цифру пять. Такая методика позволяла получить до 80 % точной информации о структуре населения, его этнолингвистическом составе и занятости.

Вторым ключевым государственным органом, задействованным в переписи, было Министерство планирования Афганистана, которое возглавлял Алиахмад Хуррам, таджик по национальности. Перепись началась с

востока страны (Машрики): провинции Нангархар, Лагман, Кунар, а также такие города и населённые пункты, как Шеваки, Кома, Сурхруд, Джалалабади другие. По результатам переписи было установлено, что пуштуны на востоке страны, которая считалась их основной территорией, согласно предоставленным ими же статистическим данным, составляли всего 35 %. Из них 10 % заявили, что они пуштуны, но не владеют пушту [18].

Самоидентификация в Афганистане осуществляется преимущественно на основе таджикского языка (дари). По итогам переписи населения разразился серьёзный скандал между руководителями двух государственных органов. Итогом этого конфликта стало то, что 16 октября 1977 года министр планирования Афганистана Алиахмад Хуррам был убит в результате террора, организованного пуштунскими националистами. После этого перепись населения была приостановлена. Руководитель Центрального статистического управления (ЦСУ) после апрельской революции 1978 года оказался в тюрьме Пули-Чархи.

Частично перепись была возобновлена в ноябре 1979 года во время правления Хафизуллы Амина, однако из-за различных обстоятельств вновь приостановлена. В процессе переписи было установлено, что в провинции Лагман большинство населения составляют таджики. В центре провинции Пактия, в городе Гардез, также проживает значительное количество таджиков. В центре Кандагара имеется большая община кызылбашей.

По данным 1990 года, опубликованным в американских и международных (ООН) справочниках, доля пуштунов в населении страны составляет менее 40 %. Сокращение их численности связано, очевидно, с миграцией, которая затронула афганское население в 1980-е годы. Среди мигрантов-беженцев доля пуштунов была значительно выше (до 85 %). С учётом беженцев их доля в общем составе афганского населения, согласно оценкам современной литературы, составляет от 43–46 % до 47–49 % [19, с.90].

Эти данные корректируются предположением о значительных потерях среди пуштунов и их высокой доле среди мигрантов, получивших гражданство или вид на жительство за пределами Афганистана [2, с.45-46]. В новейших публикациях указываются следующие показатели численности пуштунов: 44 %, 38 %, 40 % [19, с.95].

Создать этническое равновесие, которого никогда не существовало, невозможно по ряду причин. Во-первых, пуштуны относятся к категории «этнически разделённых наций», а их равнодушие к судьбе афганского государства оставляет процессы его строительства на усмотрение других этнических групп.

Кроме того, между пуштунами отсутствует системное единство. Соперничество между племенными группами, такими как гильзай и дуррани,

вероятно, будет усиливаться. Пуштуны проживают в трёх основных зонах, пересекающих границы Афганистана и Пакистана. Южная зона, расположенная к югу от 32-й параллели, - регион дуррани и какааров. Средняя зона - между 32° и 33° северной широты - гильзайско-вазирская. Северная зона, расположенная к северу от 33-й параллели, состоит из приграничных племён, которые из-за их расселения трудно охватить статистикой.

Ранее сплочённость пуштунов имела большое значение для афганского государства, но к концу XX - началу XXI века эта тенденция изменилась. Пуштунвалай, неписанный кодекс чести пуштунов, утратил своё влияние. Процессы глобализации способствовали детрайбализации, что привело к утрате племенных традиций и обычаев.

Миграция значительной части населения изменила соотношение этнических групп в стране. Победа Северного альянса над талибами - представителями пуштунов - привела к появлению среди непуштунов «комплекса силового превосходства». Это укрепило их стремление добиться широкой автономии и внедрения собственных традиций в повседневную жизнь.

Приведённые в литературе данные о численности населения являются приблизительными:

В 1960-х годах население Афганистана составляло 14 млн человек;

В начале 1970-х годов - около 17 млн;

В 1980-е годы - около 16 млн;

Перепись 1979 года зафиксировала численность населения на уровне 15,54 млн человек (включая 2,5 млн кочевников);

По оценке 2005 года, население Афганистана составляло 29,93 млн человек [19, с.95].

Согласно данным с сайта database.earth по состоянию на 1 июля 2024 года, население Афганистана достигло 42 647 492 человек, из которых 21 532 540 - мужчины и 21 114 952 - женщины. Плотность населения страны составляет 65,6827 человек на квадратный километр [26].

Однако, существуют и другие оценки численности населения Афганистана на 2024 год. Например, согласно информации, опубликованной в марте 2024 года, Национальное управление статистики и информации Афганистана (NSIA) оценивало численность населения в 34,9 млн человек, из которых 51% - мужчины и 49% - женщины [20].

Следует отметить, также что согласно Докладу Генерального секретаря о «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», который отметил, что «по оценкам, в 2024 году в гуманитарной помощи более половины населения (23,7 миллиона человек)» [16]. Из этого можно предположить, что общее население страны, со-

гласно оценке, должно быть более 40 миллионов человек, однако точные данные о численности в документе не приведены.

Таким образом, в контексте данного анализа можно сделать вывод, что оценка населения свыше 40 миллионов логична, особенно если опираться на упомянутые данные.

По поводу мест компактного проживания пуштунов следует отметить, что в наши дни существуют некоторые административно-территориальные единицы, население которых состоит из клана того или иного племени. В этих местах проведение переписи населения практически невозможно. Причина кроется в том, что, исходя из различных политических соображений, численность населения часто оказывается завышенной.

При этом весьма удачно используется участие пакистанских пуштунов во внутренних миграционных процессах, хотя для последних приоритетом остаётся интеграция в структуры пакистанского общества и активное участие в политических процессах этого государства. Пуштуны Афганистана проблему «линии Дюранда» преподносят как существенный элемент в системе пуштунского патриотизма и основу для создания в будущем так называемого государства «Большого Пуштунистана».

Сегодня известно, что практически никакой политико-правовой базы для решения этого вопроса не существует. Эта проблема была решена более ста лет назад на основе всех норм права, существовавших в то время. Таким образом, пуштуны Афганистана не имеют ни морального, ни законного права отказываться от признания «линии Дюранда».

Кроме того, многие наблюдатели отмечают, что в условиях отсутствия государственного договора между Афганистаном и Пакистаном о двойном гражданстве имеются многочисленные факты наличия двух паспортов или удостоверений личности (афганских и пакистанских) среди пограничных племён пуштунов. Это также создаёт дополнительные условия для фальсификации данных, связанных с определением «пуштунского большинства».

Проведённое исследование показало, что ключевым фактором, определяющим эволюцию социально-политического сознания и института государственности Афганистана, является сложная этнодемографическая реальность. Выявлено, что исторические процессы, такие как переселенческая политика эмира Абдурахманхана, миграции и гражданская война, существенно повлияли на баланс этнических групп в стране. Особое внимание уделено пуштунизации, которая рассматривается как инструмент культурного и политического доминирования.

Исследование достигло поставленных целей: удалось проанализировать трансформацию социально-политического сознания и института государственности в условиях исторических и современных вызовов. Были вы-

явлены ключевые факторы, такие как этнополитическая напряжённость, миграционные процессы и влияние внешних сил, которые влияют на эволюцию политической структуры Афганистана.

Среди наиболее значимых аспектов работы можно выделить:

- Анализ этнической динамики и её влияния на формирование политической структуры страны.
- Оценку исторических и современных процессов, таких как влияние Талибана и последствия «линии Дюранда».
- Приведение уникальных статистических данных, включая переписи населения и демографические изменения.

Исследование вносит значимый вклад в изучение этнополитических процессов и трансформации государственности в условиях нестабильности. Результаты могут быть использованы:

- Для разработки стратегий стабилизации политической системы Афганистана.
- В качестве базы для изучения влияния этнополитических процессов в других многонациональных государствах. Практическая значимость заключается в предложении направлений для политических реформ, включая внедрение механизма разделения власти и конституционного закрепления прав этнических меньшинств.

Рекомендации и направления для дальнейших исследований

- Рекомендуется провести дальнейшие исследования по гармонизации межэтнических отношений в Афганистане и внедрению механизмов политического урегулирования.
- Необходимо изучить долгосрочные последствия миграции на социально-политическую стабильность страны.
- Следует уделить внимание анализу новых политических инициатив, направленных на укрепление института государственности и адаптацию общества к современным вызовам.
- Также важно исследовать влияние внешних акторов (Пакистана, Ирана и других стран) на политические процессы в Афганистане.

Таким образом, результаты исследования не только способствуют лучшему пониманию исторических и современных вызовов Афганистана, но и предоставляют научную основу для дальнейшего изучения этнополитических процессов.

Литература

1. Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям: Еда, Идани,

- Хефталы, Хайталы, Яфталы // Русский антропологический журнал. - 1904. - Кн. 19–20. - № 3–4. - С. 1–25.
2. Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 - июнь 2002 г.) / отв. ред. В.Г. Коргун, М.Р. Арунова. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. - 281 с.
 3. Бабаходжаев М.А. Восстание в Хазареджате в 1892–1893 годах // Общественные науки в Узбекистане. - 1963. - № 11. - С. 28–34.
 4. Белокреницкий В.Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В.Я. Белокреницкий, Р.Н. Сикоев. – М.: ИВ РАН, 2016. - 216 с.
 5. Белокреницкий В.Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана - численность и расселение // Вестник Института востоковедения РАН. - 2022. - № 1. - С. 12–24.
 6. Босин Ю.В. Афганистан: полиэтничное общество и государственная власть в историческом контексте / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2002. - 230 с.
 7. Босин Ю.В. Национальные проблемы современного Афганистана: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1992. - 27 с.
 8. Грум-Гржимайло Г.Е. Завоевание Кафиристана // Новый Восток. - 1925. - Кн. 8–9. - С. 206–209.
 9. Давыдов А.Д. Аграрный строй Афганистана: (основные этапы развития) / АН СССР, Ин-т народов Азии. – М.: Наука, 1967. - 182 с.
 10. Демократическая Республика Афганистан: справочник / отв. ред. М.Р. Арунова. – М.: Наука, 1981. - 178 с.
 11. Как изменился Афганистан при Ашрафе Гани // Коммерсантъ: [сайт]. - 2021. - 17 августа. - URL: www.kommersant.ru (дата обращения: 12.08.2025).
 12. Катиб Ф.М. Сирадж ат-таварих: В 3 т. - Т. 3. - Кабул, 1940. - 1240 с. (на перс. яз.).
 13. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. - 528 с.
 14. Назаров Х.Н. К характеристике народных движений конца XIX века в Афганистане / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. - Душанбе: Ирфон, 1968. - 48 с.
 15. Народонаселение стран мира: справочник / В.И. Козлов и др.; под ред. Б.Ц. Урланиса. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статистика, 1978. - 527 с.
 16. Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности: доклад Генерального секретаря: Генеральная Ассамблея, семьдесят восьмая сессия, пункт 36 повестки дня: Совет Безопасности, семьдесят девятый год (A/78/918–S/2024/469). - 2024. - 13 июня. - URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/154/73/pdf/n2415473.pdf> (дата обращения: 22.11.2024).
 17. Рейснер И.М. Афганистан / вступ. ст. Ф.Ф. Раскольников. - 2-е изд. – М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. - 268 с.
 18. Саидов Х.С. Как проходила пуштунизация Афганистана // ASIA-Plus: [сайт]. - 2022. - 15 марта. - URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20220315/kak-prohodila-pushtunizatsiya-afganistana> (дата обращения: 22.11.2024).
 19. Стурейко С.А. Афганистан: этнополитический конфликт и проблемы перемещенных лиц / С.А. Стурейко, В.И. Медяник. - Минск: Тесей, 2009. - 262 с.

20. Численность населения в Афганистане сократилось до 34,9 млн человек // EADaily: [сайт]. - 2024. - 12 марта. - URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/03/12/chislennost-naseleniya-v-afganistane-sokratilos-do-349-mln-chelovek> (дата обращения: 22.11.2024).
21. Adamec L.W. Afghanistan, 1900–1923: A Diplomatic History. - Berkeley; - Los Angeles: University of California Press, 1967. - 245 p.
22. Afghanistan // The World Factbook: [сайт] / Central Intelligence Agency. - 2024. - URL: www.cia.gov (дата обращения: 22.11.2024).
23. Dupree L. Afghanistan. - 2nd ed. - Princeton: Princeton University Press, 1980. - 778 p.
24. Fayz Muḥammad Kātib Hazārah. Afghan Genealogy and Memoir of the Revolution: Supplements to The History of Afghanistan / Fayz Muḥammad Kātib Hazārah; translated and edited by R. D. McChesney, M. M. Khorrami. - Leiden; - Boston: Brill, 2020. - 564 p.
25. Janjua M.Q. In the Shadow of the Durand Line: Security, Stability, and the Future of Pakistan and Afghanistan / Naval Postgraduate School. - Monterey, CA, 2009. - 139 p.
26. Population of Afghanistan // Database.earth: [сайт]. - URL: <https://database.earth/population/afghanistan> (дата обращения: 22.11.2024).
27. Sliwinski M. Afghanistan 1978–87: War, Demography and Society. - Geneva: University of Geneva, 1988. - 25 p. - (Manuscript).

AFGHANISTAN: TRANSFORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE INSTITUTE OF STATEHOOD IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND MODERN CHALLENGES

Saidov Khomid Saidovich

Doctor of Political Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Diplomacy,
Russian-Tajik (Slavonic) University,
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 000 66 93 93 (m.)
khomid.saidov.53@mail.ru

Naimi Ismoil Nurullo

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Diplomacy and International Relations,
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Tajikistan
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. S.Nosirov, 33
Ph.: (+992) 918 44 75 34 (m.)
naimov_ismoil@list.ru

The second coming to power in Afghanistan on August 15, 2021 of the Taliban movement once again drew attention to the Pashtuns, who make up the bulk of the supporters and participants of this organization banned in many countries. Unfortunately, in the third decade of the 21st century, Talibanism has become a national idea of the Pashtuns. The Taliban, in fact, revived the ideas of genocide and apartheid (genocide of the Panjshir Tajiks, female apartheid). These processes are emphasized by the phrase: "Not all Pashtuns are Taliban, but almost all Taliban are Pashtuns." The Pashtuns continue to play an important role in the socio-political life of the country. The situation in the region largely depends on the actions of the Pashtun leaders in both Afghanistan and Pakistan. The preserved tribal structure of the Pashtuns complicates their integration in Afghanistan and Pakistan. While in Afghanistan they make up almost half of the population, in Pakistan they are the largest minority, with twice the number of Afghan Pashtuns. Pashtunization, or internal colonization, remains the main factor in the disintegration of Afghanistan. It includes Islamization (of Nuristanis and Dards), assimilation into the tribal structure, the spread of the Pashto language and the introduction of Pashtunvalai. This process is a form of cultural and linguistic assimilation in which the non-Pashtun population adopts the culture and customs of the Pashtuns. People moving to Pashtun areas tend to adapt by learning the language and adopting local traditions. Pashtunization also encompasses the displacement of the customs and languages of non-Pashtun peoples under the influence of the political power of the Pashtuns in Afghanistan. This phenomenon continues to have a significant impact on the ethno-political situation in the region.

Keywords: Afghanistan; Pashtunization; socio-political thoughts; political processes; ethnonational issue; humanization of the ethnic sphere; national minorities; harmonization of relations; state paternalism; Pakistan; Pashtuns; ethnodemography; tribes; migration; internal colonization; multiethnic society; ethnic group; micro-communities.

АФҒОНИСТОН: ТАҒЙИРЁБИИ ШУУРИ ИҶТИМОИЮ СИЁСӢ ВА ТАШАККУЛИ ДАВЛАТДОРӢ ДАР ШАРОИТИ ЧОЛИШӢОИ ТАЪРИХӢ ВА МУОСИР

Саидов Ҳомид Саидович

доктори илмҳои сиёсӣ, профессори
кафедраи муносибатҳои байналмилалӣ ва дипломатияи,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел: (+992) 000 66 93 93 (м.)
khomid.saidov.53@mail.ru

Наимӣ Исмоил Нурулло

номзади илмҳои сиёсӣ, дотсенти
кафедраи дипломатия ва муносибатҳои байналмилалӣ,

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел: (+992) 918 44 75 34 (м.)
naimov_ismoil@list.ru

Бозгашти дуҷуми ҳаракати «Толибон» ба сари қудрат 15 августи соли 2021 бори дигар диққатро ба пуштунҳо ҷалб кард, зеро онҳо қисмати асосии ҷонибдорон ва иштирокчиёни ин ҳаракатро ташкил медиҳанд, ки дар бисёр кишварҳо мамнӯъ эълон шудааст. Дар даҳаи сеюми асри XXI, мутаассифона, толибонгарой ба андешаи миллии пуштунҳо табдил ёфтааст. Толибон, дар асл, ғояҳои геноцид ва апартеидро эҳё намуданд (геноциди тоҷикони Панҷшер, апартеиди занон). Ин равандро ҷумлаи зерин равшан мекунад: «Ҳамаи пуштунҳо толибон нестанд, аммо қариб ҳамаи толибон пуштунанд». Пуштунҳо то ҳол дар ҳаёти ҷамъиятиву сиёсӣ нақши муҳим бозида истодаанд. Вазъият дар минтақа то андозае аз амалҳои роҳбарони пуштун ҳам дар Афғонистон ва ҳам дар Покистон вобаста мебошад.

Сохтори қабилавии пуштунҳо, ки то имрӯз ҳифз шудааст, раванди ҳамгирии онҳоро дар Афғонистон ва Покистон душвор мегардонад. Агар дар Афғонистон онҳо тақрибан нисфи аҳолиро ташкил диҳанд, дар Покистон бошад, бузургтарин ақаллиятро ташкил мекунанд, ки шумораашон ду маротиба аз пуштунҳои Афғонистон бештар аст. Пуштунисозӣ, ё истеъморгарии дохилӣ, ҳамоно омили асосии таҳриби воҳдат ва дезинтеграцияи Афғонистон боқӣ мемонад. Онро исломисозӣ (нисбат ба нуристонҳо ва дардҳо), ҷалб ба сохтори қабилавӣ, густариши забони пушту ва ҷорӣ намудани қонуни анъанавии пуштунвалай дар бар мегирад.

Ин раванд шакли ассимиляцияи фарҳангӣ ва забонӣ мебошад, ки дар он аҳолии ғайрипуштун фарҳанг ва урфу одатҳои пуштунҳоро қабул мекунанд. Одамоне, ки ба маҳалҳои пуштуннишин кӯч мебаранд, одатан бо омӯхтани забон ва риояи суннатҳои маҳаллӣ мутобиқ мешаванд. Пуштунисозӣ ҳамчунин танг кардани ҷойи урфу одат ва забонҳои мардуми ғайрипуштунро дар шароити нуфузи сиёсӣ маъмурии пуштунҳо дар Афғонистон дар бар мегирад. Ин падида то ҳол ба вазъи этнополитикии минтақа таъсири ҷиддӣ мерасонад.

Калидвожаҳо: Афғонистон; пуштунисозӣ; андешаҳои ҷамъиятиву сиёсӣ; равандҳои сиёсӣ; масъалаи этнонисоналӣ; инсонӣ гардонидани муносибатҳои этникӣ; ақаллиятҳои миллий; ҳамоҳангсозии муносибатҳо; патернализми давлатӣ; Покистон; пуштунҳо; этнодемография; қабилҳо; муҳоҷират; истеъморгарии дохилӣ; ҷомеаи бисеритникӣ; гурӯҳҳои этникӣ; микроҷомеаҳо.

УДК 343.341:663.99(581)

ПРОБЛЕМА АФГАНСКОГО НАРКОТРАФИКА

Негматова Шахноза Рузиевна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 83 44 40 (м.)
negmatova.sh@mail.ru

Статья посвящена анализу угроз, исходящих от афганского наркотрафика, и его влияния на безопасность Центральной Азии, России и Европы. Автор рассматривает Афганистан как крупнейшего мирового производителя опиатов, где на долю страны приходится до 85% мирового объема производства опия. Подчеркивается, что наркопроизводство стало не только социально-экономическим феноменом, обеспечивающим выживание сельского населения, но и стратегическим ресурсом для вооружённых группировок, включая талибов и структуры международного джихадизма. Особое внимание уделяется маршрутам распространения наркотиков: северному (через Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан), балканскому и южному, охватывающему Пакистан, Иран и Ближний Восток. Анализируются последствия наркотрафика: рост наркозависимости, криминализация общества, коррупция, подрыв финансовой стабильности и тесная связь с финансированием терроризма. Отдельно рассмотрены механизмы «отмывания» доходов через офшоры, криптовалюты и глобальные финансовые структуры. Делается вывод о том, что борьба с афганским наркотрафиком требует комплексных усилий на национальном и международном уровнях, включая социально-экономическую стабилизацию Афганистана и реформирование международного финансового контроля. Научная новизна исследования заключается в интерпретации афганского наркотрафика как многоуровневого социального процесса, встроенного в систему глобальных неравенств и постконфликтных трансформаций.

Ключевые слова: афганский наркотрафик; незаконный оборот наркотиков; Центральная Азия; безопасность; терроризм; социально-экономические факторы; анинаркотическая политика; международное сотрудничество.

Афганистан на протяжении последних десятилетий остается крупнейшим мировым производителем опиатов. Согласно данным международных организаций, на его долю приходится до 80–85%

мирового объема производства опиума. Географическое положение страны, слабость государственных институтов и устойчивые позиции вооружённых группировок превращают её в главный центр нелегального наркопроизводства. В условиях политической нестабильности афганский наркотрафик представляет собой не только криминальную, но и многоуровневую транснациональную угрозу безопасности государств Центральной Азии, России и Европы.

Основой афганской наркоэкономики является выращивание опийного мака, сосредоточенного преимущественно в южных и восточных провинциях страны. Сельское население, лишённое альтернативных источников дохода, продолжает использовать наркопроизводство как главный способ выживания. Для вооружённых формирований, включая талибов и группировок, связанных с международным джихадизмом, наркотики стали источником устойчивого финансирования и важным элементом политико-экономического контроля над территориями.

Проникновение наркотиков на территорию стран Центральной Азии ведет к росту наркозависимости, криминализации общества и подрыву трудового потенциала. Наркотрафик способствует развитию коррупции в силовых структурах и государственных органах, снижает доверие к институтам власти. Финансовые потоки от наркобизнеса активно перераспределяются через офшорные схемы и подпитывают «теневую экономику», что создает угрозу финансовой стабильности.

Особое значение имеет связь наркотрафика с терроризмом. Средства, полученные от продажи опиатов, напрямую идут на вооружение, подготовку и содержание радикальных группировок. Таким образом, наркотрафик превращается в стратегический ресурс, который используется для дестабилизации не только Афганистана, но и сопредельных регионов.

Маршруты контрабанды афганских наркотиков

1. Северный маршрут контрабанды афганских наркотиков начал складываться в начале 1990-х годов как следствие распада Советского Союза и связанного с этим разрушения системы контроля на внешних границах бывших республик. На протяжении десятилетий этот маршрут сохраняет свою актуальность, являясь одним из устойчивых каналов транспортировки наркотиков в направлении России и Европы. Согласно оценкам специалистов ООН, через северное направление проходит порядка 20% всего объема афганского наркотрафика, что делает его одним из ключевых маршрутов в транзитной системе наркоперевозок [19, с.77-80].

На первом этапе путь пролегает через территорию Таджикистана, откуда наркотики поступают далее в Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, а затем в Российскую Федерацию. В Кыргызстане наиболее уязвимыми для незаконного трафика считаются Алайский и Чон-Алайский районы Ош-

ской области, а также Баткенский, Лейлекский и Кадамжайский районы Баткенской области. При этом город Ош рассматривается как важнейший логистический узел, откуда наркотики перемещаются в другие государства региона.

В Узбекистане, по данным правоохранительных органов, особое внимание обращено на Сурхандарьинскую область, которая часто фигурирует в сводках в связи с изъятием афганского героина и опия. Именно сюда, согласно оперативной информации, чаще всего поступают наркотики, переправляемые из Таджикистана сухопутными путями.

Одновременно международные эксперты выражают обеспокоенность возможным активным вовлечением Туркменистана в северный маршрут. Опасения связаны с тем, что провинция Бадгис, расположенная в северо-западной части Афганистана и непосредственно граничащая с Туркменистаном, становится одной из основных зон культивирования опийного мака. Протяжённая, слабо охраняемая граница и ограниченный международный мониторинг усиливают риски её использования в интересах наркобизнеса [9, с.93-96].

Северное направление остаётся особенно привлекательным для контрабандистов и по причине низкого уровня координации между пограничными и правоохранительными органами стран СНГ, а также сохраняющейся коррупционной уязвимости в ряде государств региона. Во многих случаях именно личная заинтересованность отдельных чиновников высокого ранга препятствует формированию эффективной системы регионального контроля и обмена информацией между силовыми ведомствами.

Наконец, отдельного внимания заслуживает железнодорожная магистраль Иран - Туркменистан - Казахстан, введённая в эксплуатацию в декабре 2014 года. С её запуском образовался дополнительный потенциальный канал, которым может воспользоваться транснациональная наркосеть. Протяжённость этого маршрута превышает 900 км, он соединяет иранскую станцию Гулистан с казахстанским узлом Узень, открывая прямой коридор через территорию Туркменистана, который может быть использован как для легальных, так и для теневых поставок [11, с.44-46].

2. Балканский маршрут считается наиболее загруженным и широко задействованным в транспортировке наркотических средств из Афганистана в государства Европейского союза. Конечной точкой поставок по данному направлению традиционно называют Нидерланды, которые, согласно экспертным оценкам, служат своеобразным хабом для перераспределения наркотиков по европейским рынкам. Значительную роль в рамках маршрута играют Косово, Албания, Черногория, Сербия, Босния и Герцеговина, Хорватия, выполняющие функции перевалочных пунктов. По разным

оценкам, через указанные страны может проходить до 70–75% общего потока афганского героина, направляющегося на запад Европы [20, с.56-58].

Примечательно, что Балканский маршрут имеет несколько ответвлений, среди которых особую роль играют турецкое и кавказское направления. Если первый включает транзит наркотиков через Турцию с дальнейшим направлением в Балканы, то второй, набирающий популярность, предполагает перемещение через Иран и Южный Кавказ. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), кавказское направление за последние годы стало всё более значимым, чему способствует и усиление миграционного потока беженцев через Турцию. Это способствует маскировке и упрощённому прохождению наркотрафика, учитывая нестабильность приграничного контроля.

Кавказская ветвь предполагает движение наркотиков следующим образом: сначала наркотики переправляются из Афганистана в Иран, затем транзитом проходят через Армению и Азербайджан, откуда попадают в Грузию, с последующей отправкой морским путём через Черноморские порты, преимущественно Одесса (Украина) и Констанца (Румыния). Далее наркотики включаются в традиционные балканские логистические цепочки. Подтверждением этому служат участвовавшие случаи изъятия афганского героина в странах Южного Кавказа и Ирана, при одновременном снижении объёмов конфискации в Турции [9, с.88-91].

Одним из ключевых преимуществ Балканского маршрута остаётся короткое логистическое плечо до рынков сбыта, а также наличие нестабильных территорий, охваченных вооружёнными конфликтами, где нарушена система таможенного и пограничного контроля. Это делает маршрут более привлекательным для организованных преступных сетей, связанных с наркотрафиком.

Таким образом, Балканский маршрут, при всей своей сложности, остаётся наиболее активно используемым направлением в глобальной схеме движения афганских наркотиков, в первую очередь благодаря развитой логистической инфраструктуре, политической нестабильности в ряде транзитных государств и высокой рентабельности операций на данном участке.

3. Южное направление афганского наркотрафика играет ключевую роль в мировой системе незаконной торговли опиатами, уступая по значимости лишь Балканскому маршруту. По различным оценкам, через него проходит от 35 до 38% всего объёма производимого в Афганистане героина [19, с.71-74]. Первые удары по логистике наркотрафика на юге принимают на себя Иран и Пакистан, благодаря своему географическому положению и непосредственной границе с Афганистаном.

Пакистан, имеющий протяжённость границы с Афганистаном свыше 2400 км, отличается сложным ландшафтом: горные хребты, труднодоступ-

ные тропы и пустынные районы делают эту территорию практически неконтролируемой для официальных властей. В результате именно здесь складываются устойчивые маршруты транспортировки наркотиков к портам Карачи и Гвадар, откуда они отправляются морским путём в другие регионы Азии, в Африку, Европу и даже на североамериканский континент.

Исторически именно пакистанская спецслужба ISI (Inter-Services Intelligence), при координации с ЦРУ США, в 1980-е годы создала сеть подпольных лабораторий и способствовала развертыванию масштабного производства наркотиков на территории Афганистана, в том числе вдоль приграничных районов [2, с.49-52]. Уже к середине 1980-х годов Афгано-Пакистанский регион стал лидером мирового героинового экспорта: в 1984 году афганский героин составлял 60% американского и 80% западноевропейского наркорынка.

Иран, в свою очередь, превратился как в транзитную, так и в потребляющую страну. Несмотря на жёсткую антинаркотическую политику и значительные финансовые затраты (более 400 млн долларов ежегодно на обустройство границы с Афганистаном и Пакистаном), страна остаётся уязвимой. На её восточных рубежах построено более 200 КПП, сотни километров бетонных барьеров, траншей, валов и проволочных заграждений, однако ежедневно здесь происходят до четырёх боевых столкновений между наркокурьерами и силовиками [14, с.29-31].

В то же время южный маршрут всё чаще используется для поставок афганских наркотиков в страны Ближнего Востока – Катар, ОАЭ, Саудовскую Аравию и Оман, где героин поступает как морским, так и воздушным транспортом. Некоторые партии доставляются в Индию, откуда они затем направляются в Европу, преимущественно в Германию и Францию. Наблюдается активизация использования Африканского маршрута, включающего транзит через Кению, Танзанию, Занзибар и Мадагаскар. Именно из Африки афганский героин всё чаще поступает в страны ЕС, особенно через Италию, Бельгию, Испанию и Великобританию [12, с.38-42].

Рост значения африканского узла связан также с развитой инфраструктурой грузовых и авиационных перевозок на континенте, позволяющей наркокартелям использовать почтовые отправления, контейнерные перевозки, авиа- и автотранспорт. Контрабанда осуществляется в овощах, бытовой технике, через тайники в морских судах, поездах и самолётах.

Несмотря на активные меры со стороны Ирана и других государств, южный маршрут остаётся наименее контролируемым направлением, особенно в условиях геополитической нестабильности на территории Сирии, Ирака и Йемена, где террористические и криминальные структуры эффективно используют конфликтные зоны для беспрепятственного перемеще-

ния грузов. По сообщениям правоохранительных органов, наркотики из Афганистана регулярно проходят через Сирию и Турцию в Европу, нередко в потоке беженцев и гуманитарной помощи [5, с.90-95].

Резюмируя, южное направление представляет собой высокоадаптивную и диверсифицированную систему маршрутов, постоянно изменяемую в ответ на меры силовых структур. Без регионального и межрегионального сотрудничества, включая согласование усилий между странами Залива, Южной Азии и Восточной Африки, эффективное перекрытие каналов поставки афганских опиатов остаётся крайне затруднительным.

Афганский наркотрафик продолжает оставаться одним из главных вызовов безопасности для государств Центральной Азии и всего Евразийского пространства. Он подрывает основы социальной стабильности, стимулирует рост преступности и служит источником финансирования международного терроризма. Эффективное противодействие возможно только при интеграции усилий национальных государств и международных организаций, а также при условии долгосрочной стабилизации ситуации в самом Афганистане.

Финансовая инфраструктура глобального наркорынка

По мнению ряда аналитиков, финансовые учреждения, контролирующие движение капитала в офшорах, не только осведомлены о происхождении этих средств, но и заинтересованы в их переработке и интеграции в легальную экономику. После прохождения схем «отмывания», капиталы свободно вкладываются в различные секторы экономики – недвижимость, гостиничный бизнес, промышленное производство, спортивные клубы и учреждения сферы услуг, а также направляются в торговлю акциями, сырьевыми товарами, гособлигациями и другими финансовыми активами, включая высокорисковые деривативы.

Современный наркобизнес всё активнее использует цифровые валюты, в том числе криптовалюты, что значительно осложняет работу центральных банков, национальных финансовых разведок и правоохранительных органов. Виртуальные активы, благодаря своей анонимности и децентрализации, предоставляют наркокартелям эффективный инструмент сокрытия происхождения средств и международного перемещения капитала [18, с.13-15].

Несмотря на значительные усилия по борьбе с наркотрафиком, эффективность конфискационных механизмов остаётся крайне низкой. По данным специалистов Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force – FATF), на глобальном уровне перехватывается не более 10–15% от общего объёма наркотических средств, тогда как обнаруженные и изъятые финансовые активы, полученные от наркоторговли, составляют лишь около 0,5% от фактической при-

были[15, с.22] Это свидетельствует о том, что подавляющая часть выручки от торговли наркотиками беспрепятственно интегрируется в легальный оборот и обслуживает интересы как теневой экономики, так и формально легальных международных структур.

Таким образом, финансовая система стала неотъемлемым элементом устойчивости глобального наркорынка, обеспечивая скрытность, легализацию и инвестирование доходов, полученных преступным путём. Противодействие этому требует не только ужесточения международного финансового контроля, но и реформирования принципов регулирования офшорных зон и оборота криптовалют.

Идентификация денежных потоков, связанных с незаконным оборотом наркотиков, представляет собой сложную задачу для международных правоохранительных и финансовых структур. Одной из причин этого является применение разнообразных механизмов маскировки происхождения и назначения средств, направленных на введение в заблуждение контролирующих органов. Наиболее часто используемыми схемами являются фиктивное декларирование товаров и услуг, вовлечение подставных лиц и компаний, использование сложных цепочек транзакций через несколько счетов, организаций и стран, а также применение транснациональных корпоративных структур, не поддающихся единообразному регулированию [17, с.9-13].

Вырученные от сбыта афганских наркотиков средства, как правило, не возвращаются в Афганистан напрямую, а проходят через финансовые узлы в третьих странах, в числе которых часто фигурируют Пакистан, Иран, Объединённые Арабские Эмираты и Китай. Подобные транзакции, как правило, маскируются под расчёты за легальные поставки. Например, платежи могут быть оформлены как закупка фармацевтической продукции из Великобритании, после чего деньги направляются в Дубай или Карачи, где либо переинвестируются, либо переводятся конечным получателям - производителям сырья, например в афганскую провинцию Гильменд. Оставшаяся часть средств может быть использована для приобретения товаров общего назначения, например автомобилей, и ввезена в Афганистан через Герат, что дополнительно усложняет отслеживание происхождения активов.

Кроме банковской системы, широко практикуются нелегальные методы транспортировки наличности. Так, известны случаи, когда в международном аэропорту Дубая задерживались курьеры с чемоданами, набитыми миллионами долларов. Однако отсутствие полноценного обмена информацией между странами, включая Афганистан, Иран, Пакистан и ОАЭ, существенно затрудняет установление законных оснований для ареста лиц

и изъятия средств, даже при наличии подозрений в незаконном происхождении капиталов.

Финансовые потоки, полученные от сбыта героина, масштабно перемещаются через континенты - как в виде наличных денег, так и с использованием различных транспортных каналов. Они доставляются из стран Европы в государства Персидского залива, Пакистан и другие регионы морским и воздушным транспортом, в том числе в грузовых контейнерах. Значительная часть таких средств попадает в Африку и даже в Австралию, откуда уже возвращается к поставщикам опиатов в виде вложений.

Несмотря на активное развитие цифровых валют и финансовых технологий, наличные деньги продолжают доминировать как основной платёжный инструмент в наркобизнесе. Вместе с тем, расширяется спектр альтернативных форм оплаты. Согласно отчетам FАТЕ и других международных структур, расчёты могут вестись в форме бартерных сделок - через товары повседневного спроса, драгоценные камни (например, алмазы, сапфиры, рубины), а также драгоценные металлы, включая золото и платину [15, с.6-8].

Более того, в качестве компенсации за оптовые партии наркотиков всё чаще используются объекты недвижимости, земельные участки, строительная техника, элитные автомобили, яхты и даже воздушные суда. Эти формы оплаты особенно популярны в условиях, когда стороны сделки стремятся избежать следов в банковской системе или наладить долгосрочные нелегальные схемы с элементами лизинга и скрытого финансирования.

Согласно оценке американского историка и профессора Альфреда Маккоя, Афганистан с его уникальным климатом и географией был трансформирован в классическое наркогосударство, где производство и распространение наркотиков проникает во все ключевые сферы - от экономики до внутренней политики [6, с.426-429].

Международные эксперты прогнозируют, что в обозримом будущем ситуация вряд ли претерпит положительные изменения: производство опиума будет только нарастать, а соответственно – расширяться и глобальные маршруты сбыта героина. Для его изготовления потребуются тонны прекурсоров и химических компонентов, которые будут поступать на нелегальные лаборатории из легального химического оборота через механизмы теневой торговли [16, с.104-107].

Преступные и террористические группировки, активно использующие слабость государственных институтов, не намерены отказываться от сверхприбыльных доходов [10, с.82-85].

Проблему наркотрафика, исходящего из Афганистана, невозможно решить исключительно силовыми методами, особенно в условиях глобальной взаимосвязанности, открытых границ и масштабных миграционных

потоков. Необходима комплексная стратегия, основанная на сочетании экономических, правовых, финансовых, оперативных и специальных мероприятий, направленных на подрыв основ наркобизнеса.

Литература

1. Белокреницкий В.Я. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В.Я. Белокреницкий, Р.Н. Сикоев. - Москва: ИВ РАН, 2016. - 216 с.
2. Гусев В.В. Афганистан: терроризм, наркобизнес и геополитика. - М.: КноРус, 2022. - 194 с.
3. Давыдов А.Д. Аграрный строй Афганистана: (основные этапы развития) / АН СССР, Ин-т народов Азии. - М.: Наука, 1967. - 182 с.
4. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. - М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. - 528 с.
5. Курбанов Р.М. Героин и геополитика / Р. М. Курбанов. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. - 234 с.
6. Маккой А. Политика героина: тайная война ЦРУ в Лаосе и Афганистане / Альфред Маккой; [пер. с англ. А. В. Лазарева]. - Москва: Алгоритм, 2019. - 656 с.
7. Саидов, Х. С. Как проходила пуштунизация Афганистана // ASIA-Plus: [сайт]. - 2022. - 15 марта. - URL: asiaplustj.info (дата обращения: 20.11.2025).
8. Adamec L. W. Afghanistan, 1900–1923: A Diplomatic History / L. W. Adamec. - Berkeley: University of California Press, 1967. - 245 p.
9. Afghanistan Opium Survey 2023: Cultivation and Production after the Ban / United Nations Office on Drugs and Crime. - Vienna: UNODC, 2024. - 112 p.
10. Chouvy, P.-A. Opium: Uncovering the Politics of the Poppy / P.-A. Chouvy. - London: I. B. Tauris, 2016. - 256 p.
11. Drug Trafficking Routes / United Nations Office on Drugs and Crime. - Vienna: UNODC, 2024. - 778 p.
12. EU Drug Markets Report 2022 / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction, Europol. - The Hague: European Union Agency for Cooperation, 2022. - 210 p.
13. Fayz Muhammad Kātib Hazārah. Afghan Genealogy and Memoir of the Revolution: Supplements to The History of Afghanistan / translated and edited by R. D. McChesney, M. M. Khorrami. - Leiden; Boston: Brill, 2020. - 564 p.
14. Iran Drug Control Program Report 2023 / United Nations Office on Drugs and Crime, Iran Country Office. - Tehran: UNODC, 2023. - 54 p.
15. Money Laundering and Terrorist Financing Through the Trade in Diamonds / Financial Action Task Force. - Paris: FATF, 2022. - 84 p.
16. Peters, G. Seeds of Terror: How Heroin Is Bankrolling the Taliban and Al Qaeda / G. Peters. - New York: Thomas Dunne Books, 2009. - 320 p.
17. Trade-Based Money Laundering: Trends and Indicators / Financial Action Task Force. - Paris: FATF, 2021. - 68 p.
18. Updated Guidance for a Risk-Based Approach: Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers / Financial Action Task Force. - Paris: FATF, 2021. - 128 p.
19. World Drug Report 2023 / United Nations Office on Drugs and Crime. - Vienna: UNODC, 2023. - 122 p.
20. World Drug Report 2024 / United Nations Office on Drugs and Crime. - Vienna: UNODC, 2024. - 156 p.

THE PROBLEM OF AFGHAN DRUG TRAFFICKING

Negmatova Shakhnoza Ruzievna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of International Relations and Diplomacy,
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 83 44 40 (m.)
negmatova.sh@mail.ru

The article analyzes the threats posed by Afghan drug trafficking and its impact on the security of Central Asia, Russia and Europe. The author considers Afghanistan as the world's largest producer of opiates, where the country accounts for up to 85% of global opium production. It is emphasized that drug production has become not only a socio-economic phenomenon that ensures the survival of the rural population, but also a strategic resource for armed groups, including the Taliban and structures of international jihadism. Special attention is paid to drug distribution routes: the northern (through Tajikistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan), the Balkan and the southern, covering Pakistan, Iran and the Middle East. The consequences of drug trafficking are analyzed: the growth of drug addiction, criminalization of society, corruption, undermining financial stability and close connection with the financing of terrorism. The mechanisms of income laundering through offshore companies, cryptocurrencies and global financial structures are considered separately. It is concluded that the fight against Afghan drug trafficking requires comprehensive efforts at the national and international levels, including the socio-economic stabilization of Afghanistan and the reform of international financial control. The scientific novelty of the research lies in the interpretation of Afghan drug trafficking as a multilevel social process embedded in a system of global inequalities and post-conflict transformations.

Keywords: Afghan drug trafficking; illicit drug trade; Central Asia; security; terrorism; socio-economic factors; anti-drug policy; international cooperation.

ПРОБЛЕМАИ ҚОҶОҚИ МАВОДИ МУХАДДИРИ АФҒОНИСТОН

Негматова Шахноза Рӯзиевна

номзади илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи муносибатҳои байналмилалӣ ва дипломатияи,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 83 44 40 (м.)
negmatova.sh@mail.ru

Мақола ба таҳлили ҳатарҳои нозилшаванда аз қоҷоқи маводи муҳаддири афғонӣ ва таъсири он ба амнияти Осиёи Марказӣ, Русия ва Аврупо бахшида шудааст. Муаллиф Афғонистонро ҳамчун бузургтарин истеҳсолкунандаи маводи муҳаддири дунё, ки то 85% истеҳсоли гулоби ҷаҳонро ба худ ихтисос додааст, баррасӣ менамояд. Таъкид мешавад, ки истеҳсоли маводи муҳаддир на танҳо падидаи иқтисодӣ-иҷтимоӣ ба шумор рафта, барои зинда мондани аҳолии деҳот имконият фароҳам мекунад, балки захираи стратегие барои гурӯҳҳои мусаллаҳ, аз ҷумла толибон ва соҳторҳои ҷиҳодии байналмилалӣ гардидааст. Диққати махсус ба масирҳои интишори маводи муҳаддир: масири шимолӣ (ба воситаи Тоҷикистон, Қирғизистон, Қазоқистон), масири Балкан ва масири ҷанубӣ, ки Покистон, Эрон ва Ховари Миёнаро дарбар мегирад, дода мешавад. Оқибатҳои қоҷоқи маводи муҳаддир таҳлил карда мешаванд: афзоиши маводи муҳаддир, ҷиноятсоз шудани ҷомеа, фасод, заиф кардани устувории молиявӣ ва пайванди зич бо таъминоти молиявии терроризм. Механизмҳои «обшӯрӣ кардани» даромадҳо ба воситаи офшорҳо, криптовалютаҳо ва соҳторҳои молиявии ҷаҳонӣ алоҳида баррасӣ мешаванд. Ба ин ҳулоса омада мешавад, ки мубориза бо қоҷоқи маводи муҳаддири афғонӣ талоши ҷамъониба дар сатҳи миллӣ ва байналмилалӣро, аз ҷумла устуворсозии иқтисодӣ-иҷтимоӣ дар Афғонистон ва ислоҳи назорати молиявии байналмилалӣро тақозо мекунад. Навгониҳои илмӣ тадқиқот дар таъсири гардиши ғайриқонунии маводи муҳаддири Афғонистон ҳамчун раванди иҷтимоии бисёрсатҳа, ки ба низоми нобаробарии ҷаҳонӣ ва тағйироти баъди низоъ дохил карда шудааст, ифода меёбад.

Калидвожаҳо: Гардиши ғайриқонунии маводи муҳаддири Афғонистон; тижорати ғайриқонунии маводи муҳаддир; Осиёи Марказӣ; амният; терроризм; омилҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ; сиёсати зидди маводи муҳаддир; ҳамкориҳои байналмилалӣ.

УДК 94:327(5:47)|653|

**РУССКО-ТАДЖИКСКИЕ ТОРГОВО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: КОСВЕННЫЕ ФОРМЫ КОНТАКТОВ В
ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТРАНСЕВРАЗИЙСКИХ ОБМЕНОВ**

Абдурашитов Фозил Маматович

доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 570 02 05 (м.)
fozil8204@gmail.com

Камолова Гулбахор Насрединовна

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 900 01 92 78 (м.)
kamolova.gulbakhor.78@mail.ru

В статье анализируются особенности формирования и развития русско-таджикских торговых и опосредованных дипломатических контактов в средние века. Несмотря на отсутствие прямых межгосударственных отношений между Русью и государственными образованиями Мавераннахра и Хорасана, обмены осуществлялись через систему транзитных маршрутов Великого Шёлкового пути. Особое внимание уделено моделям косвенных связей, посреднической роли тюркских и иранских государств, а также специфике материально-вещевых и культурных трансферов. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления механизмов межцивилизационной коммуникации вне прямых политических отношений. Косвенные контакты через цепочку посредников отражают общий характер евразийского экономического и культурного обмена, служившего фундаментом для последующего становления уже прямых русско-центральноазиатских отношений в новой и новейшей истории. Исходя из истории прошлого, статья может способствовать формированию истории будущего в российско-таджикских отношениях. Разработка данной проблемы исходит из требования приоритетных направлений научных исследований, как Российской Федерации так

и Республики Таджикистан. В статье даётся глубинный анализ средневековой, новой и новейшей истории России и таджикского народа. Систематизированы и введены в научный оборот новые исторические материалы, ранее не разработанные или не опубликованные. В настоящей статье изучены, проанализированы и обобщены новые материалы архивных центров и других источников, связанные с историей становления и развития русско-таджикских отношений, с историографией средневековой истории и её источниковедческими основами.

Ключевые слова: Русь; Мавераннахр; Таджикистан; Великий Шёлковый путь; средние века; торговля; дипломатия; посредники; косвенные контакты.

Сведения о глубокой древности взаимных культурно-исторических влияний русских и таджикских предков и русско-таджикских связей в самом раннем периоде остаются скудными и отчасти дискретными. В древнейшей истории взаимоотношений между народами, населявшими пространство от Руси до Центральной Азии, прослеживаются элементы общей культурной основы, связанные с календарно-обрядовыми традициями и праздниками обновления природы. Одним из таких общих знаменателей является праздник «Навруз» («Новый день»), приуроченный к весеннему равноденствию. Исторические и этнографические данные показывают, что корни Навруза уходят в глубину и связаны с иранскими (авестийско-иранскими / индо-иранскими) календарно-религиозными традициями. Уже в эпоху Ахеменидов и затем при сасанидской традиции отмечание «нового дня» фиксируется в письменных и археологических источниках как важный ритуальный и придворный праздник.

По мнению ряда современных исследователей, включая академика Ю. Якубова, обзор авестийских календарных представлений позволяет предположить, что ритуалы, связанные с встречей весны и символикой обновления, имели широкое географическое распространение у народов, связанных с арийской (индо-иранской) культурной матрицей. В работах Ю. Якубова [20] отмечается интерпретация, согласно которой традиции празднования Навруза могли присутствовать у племён и сообществ, расселённых вдоль обширной полосы - «от берегов Дуная и Карпат до Урала и далее к Байкалу». В древности, еще с арийской эпохи, согласно авестийскому календарю, Навруз отмечали народы на берегу Дуная, от Урала до Байкала [19, с.3].

Арии (древние иранцы) с очень давних времён - XVII–XVI вв. до н.э., - создали собственный солнечный календарь. Археологические находки на юге России (в районе Урала) в одном из памятников арийских племён, относящемуся к XVII–XVI вв. до н.э., свидетельствуют о том, что они строили свои города и поселения по крестообразному плану. Этот план символизировал колесо Митры - солнечного божества - и отражал смену

времен года. Этот культурный центр арийских племён относится к бронзовому веку и известен под названием **Аркаим**. Он расположен на территории современной Челябинской области России. Исследователи связывают само слово *Аркаим* с этнонимом *арии* («орие»), предполагая, что именно здесь могла находиться легендарная страна **Аирианам Вайджа** («земля ариев»), упомянутая в *Авесте*. Разумеется, эта гипотеза не имеет твёрдых доказательств, однако несомненно, что арии жили на этих землях, и этот район являлся частью их прародины. Круглая форма построек в Аркаиме символизирует солнечную палатку - храм Солнца. Аркаим имеет форму изломанного креста, разделённого на четыре сектора, соответствующих движению Солнца. Считается, что эти четыре части могли обозначать четыре времени года или четыре недели месяца. В каждом секторе креста расположено по семь помещений, что, по-видимому, символизировало семь дней недели [19, с.4].

В IX–X вв. основу связей составляла торговля через посредников (булгары, хазары), а уже с XIII–XV вв. - через монгольское и тимуридское пространство, - формируются более устойчивые контакты, которые постепенно из косвенных переходят в прямые.

Первые косвенные русско-таджикские контакты IX–X вв. упоминаются уже с IX века в источниках, в которых фиксируются **экономические контакты** через серебряные дирхемы, через торговые пути Средней Азии (Самарканд, Бухара, Истаравшан, Пенджикент) в города Волжской Булгарии и Киевской Руси, куда поступали восточные товары: шёлк, пряности, драгоценные камни. Эти маршруты контролировались в том числе таджикскими городами и купеческими центрами. Археологические находки восточных монет (саманидских дирхемов IX–X вв.) на территории Руси (Новгород, Гнёздово, Псков) подтверждают экономические контакты [1, с.345-347].

В X–XI вв. в русских землях широко циркулировали серебряные дирхемы Саманидов (892–999 гг.). Они чеканились в Бухаре и Самарканде и попадали в торговые центры Древней Руси через посредников (булгар, хазар, арабских и еврейских купцов), что свидетельствует о косвенных торговых связях. На территории Руси (Гнёздово, Новгород) находят саманидские дирхемы (чеканка Бухары и Самарканда). В этот период торговые пути связывают Бухару, Самарканд, Пенджикент с Волжской Булгарией и Киевской Русью. В коллекциях Кунсткамеры, наряду с различными памятниками, собирались и саманидские монеты [14, с.24]. В дальнейшем этот музей сыграл значительную роль в деле систематического собирания, сохранения, изучения и публикации саманидских нумизматических памятников. Следует отметить, что в России до Петра I древние находки, особенно

предметы из золота и серебра, в том числе и саманидские монеты, не рассматривались как историческое наследие. После их обнаружения, как правило, их переплавляли для изготовления новых вещей. Это объясняется отсутствием в допетровское время в России традиции или культуры коллекционирования. Именно поэтому, с целью предотвращения уничтожения древних памятников и формирования практики их собирания, 13 февраля 1718 года Пётр I издал специальный указ. Этот документ в определённой мере способствовал сохранению древних артефактов, включая нумизматический материал [10, с.421].

С созданием Союза князя Владимира Святославича с Волжской Булгарией против Хазарского каганата в 985 г. через болгарских посредников усиливаются торговые связи Руси с Центральной Азией, в том числе с таджикскими центрами.

В XI–XII вв. таджикские и среднеазиатские купцы через Волжскую Булгарию поставляли на Русь восточные ткани, ковры, оружие, предметы роскоши. В это же время в Самарканде, Бухаре и других таджикских городах встречались северные меха и воск, поступавшие из русских земель. В русских торговых центрах продолжается массовый оборот восточных монет.

Подтверждением устойчивого обмена товарами служит Великий шёлковый путь. Крупные сухопутные и водные магистрали, связывающие Восток и Запад проходили через Среднюю Азию, которая приобрела статус крупного транзитного пункта. Высокое плодородие и развитое орошение земель в Средней Азии привели к изобилию фруктовых и бахчевых культур. Развивались ремесла, что выдвинуло Среднюю Азию на первый план как крупный торговый центр. Между Востоком и Западом налаживаются частые обмены караванами среднеазиатских купцов с купцами из Древней Руси, Волжской Булгарии [12, с.22-24].

После завоевания монголами в XIII в. (1220-е гг.) Средней Азии, включая Бухару и Самарканд, и созданием единого торгово-политического пространства от Руси до Китая, русские и таджикские земли оказываются в общей системе Монгольской империи [8]. В эпоху Монгольской империи усиливается интеграция торговых путей Евразии. Русские и среднеазиатские купцы могли действовать в едином пространстве, где таджикские города (Самарканд, Бухара) вновь играли важную роль как узловыe центры. Второй период выпал на долю потомков Чингис-хана и имперская система стремилась соединить прерванную нить между Востоком и Западом. Так для Запада открылся путь на Восток. Был восстановлен и возрожден Великий Шелковый путь. С разных концов света торговые караваны, послы,

миссионеры стали съезжать в столицу империи - Кара-Корум и через него следовали как на Восток, так и на Запад.

Торговые пути стали важным компонентом мир-системы Монгольской империи. Великим Шелковым путем распоряжались Великие каганы и под их покровительством создавались условия благоприятные для развития культурных и торговых сношений. Рухнули барьеры между государствами и цивилизациями, открылся путь мощным потокам товаров и идей. Первейшим условием развития международной торговли было создание законодательной базы и обеспечения безопасности. В Великой Ясе Чингис-хана имеются 4 статьи о международных отношениях - 2 статьи о финансовом положении и 2 статьи о торговле. Передвижение между сетью караван-сараев и почтовых станций обеспечивалось под государственной охраной. Государственный деятель А.М. Жувейни сообщает, что после 1206 г. на территории Монголии установился мир и порядок, дороги стали безопасными, торговая деятельность активизировалась [21, с.77].

С XIII–XV вв. появляются косвенные дипломатические и культурные связи Руси и государств Средней Азии через Великий шёлковый путь и монгольское общее пространство. В 1240 г. Волжская Булгария и Русь входят в состав Золотой Орды, а таджикские земли – в состав державы Чагатаидов. Торговый караванный путь направился от Восточной Европы от Тана и Волги до Китая и Индии. Ибн Баттута пишет, что «Лошадей в Кипчакской земле чрезвычайно много... Лошади эти разводятся в страны Индийские, и бывает их в караване по шести тысяч, а иногда и более, так что на каждого торговца приходится по 100 и по 200 коней» [15, с.286].

В результате экономического и культурного общения в XIV–XV вв. не только оседлые и кочевые народы были втянуты в орбиту монгольской мир-системы. Постепенно восстанавливались разрушенные во время войн города, строились новые. В отечественной историографии указано, что в XIV–XV вв. в одном только улусе Джучи, который был частью Золотой орды, было около 200 городов. Кара-Корум, Ханбалгас, Сарай-Бату, Берке-Сарай, Крым, Булгар, Укек, Гулистан, Сыганак стали новыми экономическими и культурными центрами. Портовые города монгольской империи Юань в Китае и Золотой орды на Западе стали соперничать с Венецианскими и Генуэзскими портовыми торговыми городами. Арабский путешественник ибн Батута, венецианский путешественник Марко Поло, Иасофат Барбаро, флорентиец Франческо Пеголотти в своих трудах описывали эти города, поражаясь их удивительному преобразению, хозяйственному быту и жизни горожан, подчёркивая как изменялся средневековый мир в евразийской степи в эпоху монгольского владычества. Всем известно, что главная роль монгольского государства в мировой истории состояла в том,

что при монголах замкнулась цепь международных торговых путей в единый сухопутный и морской комплекс. Впервые, крупнейшие региональные торговые узлы средневековья (Европа, Исламский мир, Индия, Китай, Восточная Россия, Средняя Азия и Дашт-и Кыпчак в составе Золотой Орды) были вовлечены в единое экономическое пространство - в монгольскую мир-систему. Даже после изгнания монголов из Китая (1368 г.) и разгрома Тимуром державы Улуса Джучи, нити международной торговли и культурных связей были крепко связаны [8].

В XIV–XV вв. укрепляются связи между московскими князьями с представителями Средней Азии, закладываются более прямые контакты. Например, в русских летописях встречаются упоминания о «бухарских» и «самаркандских» купцах, что свидетельствует о прямых контактах и торговых связях между регионами. В рассматриваемый период московские князья активно развивали внешние связи, включая торговлю с государствами Средней Азии. Купцы выступили как посредники в культурном обмене, ведь купцы из Бухары и Самарканда не только занимались торговлей, но и служили важными посредниками в культурном обмене между регионами. Всё это в совокупности способствовало обогащению русской культуры и расширению горизонтов Московского княжества [17, с.57, с.105].

Начиная с XV в. Московское княжество устанавливает дипломатические контакты с восточными государственными образованиями, включая государство Тимуридов. Произошло формирование предпосылок для более прямых связей между русскими и таджикскими землями. Одним из первых значимых шагов в установлении связей между Московией и Тимуридским государством стала дипломатическая миссия 1464 года. Посольство, отправленное от имени московского князя, было нацелено наладить официальные отношения с правителями Тимуридов, что свидетельствует о том, что московские князья стремились расширить свои внешнеэкономические и политические связи на Восток. Формирование взаимоотношений в области торговли имели большое значение как для Московского княжества, так и для Тимуридского государства, т.к. активизация дипломатических контактов сопровождалась развитием торговых путей, связывающих Русь с Центральной Азией. Торговля между Московией и регионами, входившими в состав Тимуридского государства, способствовала обмену товарами, знаниями и культурными достижениями. Это взаимовыгодное сотрудничество способствовало укреплению связей между русскими землями и таджикскими регионами, создавая основу для дальнейшего культурного и экономического обмена. Установление дипломатических и торговых отношений русских правителей с восточными государствами, включая Ти-

муридов, стало важным шагом в формировании предпосылок для более прямых связей между ними. Торговые контакты способствовали укреплению политических и экономических позиций Московского княжества на Востоке, а также способствовали культурному обмену и взаимному влиянию между регионами. Таким образом, XV век стал периодом активного расширения внешнеэкономических и дипломатических связей Московского княжества, что послужило базой для более тесного взаимодействия между русскими землями и таджикскими регионами в последующие века [16, с.118-121].

Русско-таджикские отношения XVI–XVII вв. являются переломным периодом. Именно на этом историческом этапе происходит становление торгово-дипломатических связей. В XVI в. Мавераннахр поддерживал торговые и дипломатические отношения с Индией, Ираном, Китаем, Турцией и Россией. По свидетельству английского дипломата, купца и путешественника Энтони Дженкинсона, в Бухаре бывал «ежегодный съезд купцов, приезжающих большими караванами из прилегающих стран» [2, с.184].

В течение 1530-1584 гг. Мавераннахрские послы ездили в Россию с товарами не только от имени главы государства, но и крупных удельных владетелей, членов Шейбанидской династии. В источниках упоминаются ташкентские, балхские послы от Шейбанидских царевичей. В период правления Ивана Грозного (1530-1584 гг.) Москву посетили 5 бухарских посольств, а во второй половине XVI в. её посетили 6 бухарских и 5 хивинских послов [4, с.273-340].

Немаловажный интерес вызывает миссия Э.Дженкинсона. В 1557 г. в Россию Дженкинсон был отправлен с тем, чтобы пробраться оттуда в Бухару и Хиву. Дженкинсон сумел завоевать доверие Ивана IV (Ивана Грозного), который позволил ему объездить Россию и затем отправиться в Мавераннахр. Каспийским морем Дженкинсон отправился в Хиву, а оттуда прибыл в Бухару. Маршрут путешествия английского купца Э. Дженкинсона в 1558–1560 гг. через Россию в Бухару пролегал через Москву, Волгу, Хиву и Бухару, что показывает возможность контактов через русские земли. В Бухару англичанин Э. Дженкинсон прибыл в 1558 г. в качестве посла Ивана IV. Исследователи склонны считать его первым официальным послом России в Средней Азии [13, с.25]. Миссия А. Дженкинсона длилась свыше 20 месяцев (апрель 1558 г. – сентябрь 1559 г.), но она не смогла достичь своей основной цели, т.е. открыть дорогу в Китай через Среднюю Азию. Однако ему удалось собрать немало полезных сведений о географическом, политическом и социально-экономическом положении Хорезма и

Бухарского ханства. «Поездка Дженкинсона активизировала местных правителей в отправке послов к московскому двору» [6, с.104].

Регулярные связи Мавераннахра с Русским государством получили свое развитие с середины XVI в., точнее в 1567 и 1568 гг. после присоединения к России Казанского (1552 г.) и Сибирского (1582 г.) ханств, когда установился Камский торговый путь в Сибирь и казахские степи. К этому времени в Мавераннахре образовались два ханства - Бухарское и Хивинское, а в степях Дашт-и Кипчак казахские ханства. Бухарские и хивинские посольства добивались права свободной торговли в Астрахани, Казани и других городах. Успех торговли в большей степени зависел от отношения официальных кругов. Например, по инициативе Ивана IV в 1567 и 1568 гг. были заключены договоры с бухарским правителем [8, с.43].

Наиболее интенсивная торговля во второй половине XVI в. с участием Мавераннахрских купцов наблюдается в Астрахани, где таджики останавливались и имели специальное место под названием «Бухарское». В Казани в период ее независимости упоминаются таджики, мавераннахрские купцы, одно из урочищ в ее центре называлось таджикским рвом [7, с.538].

Что касается ассортимента товаров, то в этот период из Мавераннахра в Россию поступали главным образом хлопчатобумажные ткани, в торговле которыми активное участие принимали сами узбекские ханы. Из России в Мавераннахр шли кожа, деревянная посуда («щепье»), различные части конского убора и т.д., производился также обмен «поминками» и посольскими дарами, в числе которых были редкие и драгоценные вещи (шелковые ткани в виде парчи, позолоченные чаши, музыкальные инструменты «тулунбасы» и др.), а также запрещенные для вывоза частным лицам товары в виде золота, серебра, кречетов, кольчуг и панцирей (джафшани фаранги). Торговля между Мавераннахром и Московским государством протекала в форме вольного торга частных купцов и в форме ханской торговли через послов. Основным центром вольной торговли была Астрахань, из которой доставляли шубы из соболиного и беличьего меха, тугие луки, стрелы из белой березы, шелковые ткани и другие изделия, а также коней и верблюдов. Активная торговля велась с сибирскими городами – Тобольском, Тюменью, Тарой, куда вывозили хлопчатобумажные ткани, шелк и другие товары, а из Сибири – меха, ремень и т.д. Бухарские торговцы в Тобольске составляли своего рода компанию, члены которой в деловых бумагах обозначались как «тобольские бухарцы» [8, с.44].

Во второй половине XVI в. также оживилась торговля между Мавераннахром и Дашти Кипчак. В Сыгнак привозили товары купцы Туркестана и Хотана. Через Туркестан велась торговля с Дальним Востоком. Из Ки-

тая везли мускус, ремень, атлас и камку, однако, из-за междоусобиц эти связи с Китаем были нерегулярными [6, с.106].

Новый импульс обретают во второй половине XVI в. дипломатические отношения. Отправка посольства в Среднюю Азию в этот период не только способствовала расширению политических и торговых отношений России с Востоком, но также оказывала неоценимую услугу географической науке, обогащая ее замечательными по своей точности для того времени сведениями о Средней Азии [18, с.9].

Таким образом, история русско-таджикских торгово-дипломатических связей демонстрирует длительный и многослойный процесс формирования контактов, проходивший через несколько ключевых этапов - от древнейших календарно-культурных параллелей до средневековых косвенных и последующих прямых торгово-политических взаимодействий. Уже в архаическую эпоху элементы общей культурной матрицы проявлялись в сходстве обрядов, связанных с солнечным календарём и празднованием Навруза. В IX–XII вв. формируются устойчивые экономические контакты, главным образом через посредников - болгар, хазар, арабских и еврейских купцов. Монгольская империя XIII–XIV вв. создала единое трансконтинентальное пространство, обеспечив институциональные и военно-политические условия для активизации русско-таджикских связей. В XIV–XV вв. эти контакты приобрели более прямой и дипломатический характер, что подготовило основу для дальнейшего развития двусторонних отношений в раннее новое время. Это означает, что русско-таджикские связи в эпоху средневековых трансевразийских обменов представляют собой сложную систему многоуровневых экономических, политических и культурных взаимодействий, в которой косвенные формы контактов играли ключевую роль на протяжении столетий.

Литература

1. Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. / Ред. коллегия: ... Б.Г. Гафуров (пред.) и др.; Вступ. статьи И. Петрушевского/ Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. Общие работы по истории Средней Азии. - Т. II. - Ч. 1. - М.: Изд-во вост. лит., 1963-1968. - 1020 с.
2. Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558 – 1560 гг.//Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. /Пер. с англ. Ю.В.Готье. -Л., 1937. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. -Кн. 4. -М., 1884. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.academia.edu/103136406/>.
3. Гуцин А.С. Находки саманидских дирхемов на территории Руси // Вестник древней истории. - 1989. - №1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3650861>.

4. Жуковский С.В. К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII века. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году / Восточный сборник. - Вып. II. - Пг., 1916.
5. История таджикского народа: В 3 т. - Т. II. - Кн. 1. - М.: Изд-во вост. лит., 1964. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005680183?ysclid=mkgtpr7uc2x842867912>.
6. История тажикского народа. - Т. 4. - Душанбе: Дониш, 2011. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://kot.shpl.ru/cgi-bin/fccgi.cgi?w3exec=shpl.w3.reader.ecat&appid=212014749400>.
7. История Узбекской ССР: В 4 т. / Отв. ред. Я. Г. Гулямов / АН УзССР. Ин-т истории и археологии. С древнейших времен до середины XIX века. - Т. I. - Ташкент: Фан, 1967. - 770 с.
8. Кинаятулы З.. Монгольская мир-система и создание свободной торговой зоны в XIII-XV вв. Тува-Азия. / Портал тувиноведения. Новые исследования Тувы. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.tuva.asia/journal/issue_3/461-kinayatuly.html.
9. Коваленко В.П. Клады дирхемов IX-X вв. на территории Восточной Европы. - М., 1996.
10. Костомаров Н.И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. - СПб, 1871.
11. Кочнев Б.Д. Монетное дело Саманидов. - М., 2010.
12. Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихон И.Л. Очерки истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859-1917 гг.: В 2 т./ Императорская археологическая комиссия. - СПб, 2019. - 353 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [https://pureportal.spbu.ru/en/publications/-i-----18591917-\(7b5be0d0-9963-42d0-a8e2-fc9ea2398ff3\)/export.html](https://pureportal.spbu.ru/en/publications/-i-----18591917-(7b5be0d0-9963-42d0-a8e2-fc9ea2398ff3)/export.html).
13. Мухаммадиев Х.Э. Торговые отношения Древней Руси с городами Средней Азии в IX - XII веках : дис. ... канд. историч. наук : 07.00.02. - Казань, 2000. - 222 с.
14. Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии. - Душанбе: Маориф, 2000. - 336 с.
15. Протомузейный период в истории культуры. Возникновение музеев в России (XVIII в.) / Музейное дело России. - М., 2003. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vuzlit.com/529379/protomuzeynyy_period_istorii_kultury_vozniknovenie_muzeev_rossii_xviii.
16. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... / [Соч.] В. Тизенгаузена. - Т. 1. - СПб : изд. на иждивение гр. С.Г. Строганова, 1884. - 23 с. Извлечения из сочинений арабских. - 1884. - IV, XVI, 564 с.
17. Ходжаев М.П. Торговые отношения между Русью и Тимуридским государством: пути и товары. - Душанбе: ЭБ «КиберЛенинка», 2025. - С. 118-121.
18. Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я.С. Лурье, Л.С. Семёнов; [АН СССР]. - Л.: Наука : Ленингр. отд-ние, 1986. - 212 с.
19. Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией // Средняя Азия. Альманах. - Ташкент: Типография военно-народного управления, 1879. - 87 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://abashin.org/2025/04/01/shepelev-a-ocherk-voennyh-i-diplomaticeskikh-snoshenij-rossii-s-srednej-aziej/>.

20. Якубов Ю. Авестийский календарь. - Душанбе, 2024.
21. Juvaini. Genghis Khan. The History of the World-conqueror Ala ad-Din' Ata-Malik Juvaini / Tr. By J.A. Boyle. – Manchester, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/30130106/_Genghis_Khan_The_History_of_the_world_conqueror_.

RUSSIAN -TAJIK TRADE AND DIPLOMATIC INTERACTIONS: INDIRECT FORMS OF CONTACTS IN THE ERA OF MEDIEVAL TRANS-EURASIAN EXCHANGES

Abdurashitov Fozil Mamatovich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzode, 30
Ph.: (+992) 93 570 02 05 (m.)
fozil8204@gmail.com

Kamolova Gulbakhor Nasredinovna

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 900 01 92 78 (m.)
kamolova.gulbakhor.78@mail.ru

The article analyzes the features of the formation and development of Russian-Tajik trade and indirect diplomatic contacts in the Middle Ages. Despite the absence of direct interstate relations between Russia and the state entities of Transoxiana and Khorasan, exchanges were carried out through the transit route system of the Great Silk Road. Special attention is paid to the models of indirect relations, the intermediary role of the Turkic and Iranian states, as well as the specifics of material, clothing and cultural transfers. The relevance of the topic is due to the need to rethink the mechanisms of intercivilizational communication beyond direct political relations. Indirect contacts through a chain of intermediaries reflect the general nature of the Eurasian economic and cultural exchange, which served as the foundation for the subsequent formation of direct Russian-Central Asian relations in modern and modern history. Based on the history of the past, the article can contribute to shaping the history of the fu-

ture in Russian-Tajik relations. The development of this problem proceeds from the requirements of the priority areas of scientific research in both the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The article provides an in-depth analysis of the medieval, modern and recent history of Russia and the Tajik people. New historical materials that had not been previously developed or discovered have been systematized and introduced into scientific circulation. This article examines, analyzes and summarizes new materials from archival centers and other sources related to the history of the formation and development of Russian-Tajik relations, the historiography of medieval history and its source bases.

Keywords: Rus; Maverannahr; Tajikistan; the Great Silk Road; the Middle Ages; trade; diplomacy; intermediaries; indirect contacts.

МУОШИРАТҲОИ ТИҶОРАТӢ ВА ДИПЛОМАТИИ РУСУ ТОЧИК: ШАКЛҲОИ ҒАЙРИМУСТАҚИМИ РОБИТАҲО ДАР ДАВРАИ ТАБОДУЛОТИ АСРИМИЁНАГИИ ТРАНСЕВРООСИЁӢ

Абдурашитов Фозил Маматович

доктори илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 570 02 05 (м.)
fozil8204@gmail.com

Камолова Гулбахор Насрединовна

номзади илмҳои таърих, омӯзгори калони
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 900 01 92 78 (м.)
kamolova.gulbahor.78@mail.ru

Дар мақола хусусиятҳои ташаккул ва рушд ёфтани робитаҳои тиҷоратӣ ва дипломатии ғайри мустақими русу тоҷик дар асрҳои миёна таҳлил карда мешаванд. Ҳарчанд муносибатҳои мустақими байни Русь ва ҳокимиятҳои Мовароуннаҳр ва Хуросон вучуд надоштанд, табодулоти тавассути низоми роҳҳои транзитии Роҳи бузурги абрешим амалӣ мегардид. Таваҷҷӯҳи махсус ба моделҳои робитаҳои ғайримустақим, нақши миёнаравии давлатҳои турк ва эронӣ ва инчунин хусусияти интиқоли моддӣ ва фарҳангӣ дода шудааст. Муҳимияти мавзӯ ба зарурати бознигарии механизмҳои муоширати байниҷаҳонӣ берун аз муносибатҳои мустақими сиёсӣ рабт мегирад.

Робитаҳои ғайримустақим тавассути занҷири миёнаравон хусусияти умумии табодули иқтисодӣ ва фарҳангии Осиё ва Аврупоро инъикос мекунад, ки асоси ташаккули минбаъдаи муносибатҳои мустақими Русъ ва маркази Осиёро дар таърихи нав ва навтарин фароҳам оварданд.

Калидвожаҳо: Рус; Мовароуннаҳр; Тоҷикистон; Роҳи бузурги абрешим; асрҳои миёна; тичорат; дипломатия; миёнаравон; робитаҳои ғайримустақим.

УДК 904 (575.31)

РАННИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В РАЙОНЕ ТАБОШАРА

Абдурашитов Фозил Маматович

доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 570 02 05 (м.)
fozil8204@gmail.com

Камолова Гулбахор Насрединовна

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 900 01 92 78 (м.)
kamolova.gulbakhor.78@mail.ru

В статье рассматривается история ранних поселений и археологических памятников района Табошара (ныне г. Истиклол), являющегося одной из ключевых зон древнего горнорудного Илака на северо-западе Таджикистана. Авторами отмечено, что территория Табошара обладает исключительно богатым археологическим потенциалом. Здесь выявлены следы ранних культур от эпохи бронзы до средневековья, включая древние рудники, замки Тиркаштепа и Каппатепа, могильники Чугзхона и Такмак. На основе анализа полевых исследований, выполненных геологами, археологами и исследовательскими экспедициями с конца XIX до конца XX века, выделены пять основных этапов изучения региона – от первых описаний путешественников до систематических работ Северо-Таджикстанской археологической экспедиции.

Особое внимание уделено историко-географическому положению Табошара на периферии Великого Шёлкового пути, что обусловило тесные экономические и культурные связи с Уструшаной, Худжандом и Ферганой. Авторы подчёркивают, что природно-географические условия, наличие полезных ископаемых и развитая система древних дорог способствовали раннему освоению данной территории человеком. Исследование показывает, что развитие Табошарского региона является частью общей истории Чача–Илака и занимает важное место в изучении материальной культуры и гор-

норудной деятельности Средней Азии. Представленный обзор формирует целостное представление о динамике накопления знаний и подтверждает необходимость дальнейшего комплексного изучения археологических ресурсов района.

Ключевые слова: Табошар; Истиклол; Карамазар; Кураминский хребет; горно-рудный Илак; археологические памятники; ранние поселения; материальная культура; Великий Шёлковый путь.

История этой богатой и важной части Средней Азии до XX века оставалась почти не изученной. Большая заслуга в представлении широкому научному кругу досель малознакомого Табошара принадлежит академику В.В. Бартольд, в работах которого собраны и систематизированы сведения письменных источников [2, с.226]. Однако, на основании только письменных источников трудно судить о всех сторонах жизни Табошара, особенно о материальной культуре. Город Табошар (ныне Истиклол) расположен на высоте 1050 м. от уровня моря, 40°34'08" с. ш. 69°38'25" . Расстояние до центра области г. Худжанд 39 км. Расстояние до г. Душанбе 391 км.

К 1931 г. Табошар был небольшим кишлаком: в 11 хозяйствах проживало 41 человек, а среди окрестных населённых пунктов, да и во всём Карамазаре в этот период наиболее крупным был кишлак Токмак, здесь было 70 хозяйств с населением 315 человек [10, с.12]. В связи с развёртыванием поисковых работ и началом эксплуатации ряда рудников значение кишлака Табошар усилилось, увеличивалось и население. В октябре 1937 г. Табошар получил статус посёлка городского типа с подчинением Чкаловскому горсовету, а с 1992 г. - статус города. Табошар связан с центром области г. Худжанд автомобильной дорогой [11, с. 221].

Посёлок Табошар был основан в 1937 году в составе Исполнительного комитета Совета народных депутатов города Чкалова (ныне - Бустон). Этот период совпадает с активным промышленным развитием северных районов Таджикистана, когда на базе геолого-разведочных работ началось освоение рудных месторождений региона [11, с. 222].

Географически город Табошар (ныне Истиклол) расположен у подножия Кураминских гор. Согласно историческим источникам, название «Курама» впервые встречается в документах в вакфной грамоте среднеазиатского феодала Ходжа Ахрора, датированной 1489 годом. Уже в X веке Великий Шёлковый путь проходил от Худжанда к Охсикату и другим городам Ферганы по правому берегу реки Сырдарья и южным склонам Кураминского хребта [2, с. 218-222].

Кураминский хребет привлёк внимание многих исследователей в области археологии и геологии, среди которых особое место занимал учёный

М.Е. Массон. Под его руководством в 1929 году на склонах этих гор вблизи села Дулона был найден бронзовый нож, относящийся к глубокой древности. Под руководством геологов Г.Д. Романовского, А.Д. Королёва и Б.Н. Наследова в районе Карамазара проводились раскопки, в ходе которых были обнаружены чагатайские дирхемы, монеты эпохи Тимуридов, деревянная мотыга, а также особенно примечательная находка - статуя «Чилдухтарон» («Сорок девушек»). Эти находки свидетельствуют о богатой и многовековой истории данного региона.

Начатые в конце 20-х - начале 30-х годов работы по изучению археологических памятников прерваны началом Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Но в послевоенные годы исследование Табошара развернулось ещё с большим размахом.

Во второй половине 70-х гг. археологические изыскания сотрудников Северо-Таджикистанской археологической экспедиции сконцентрировались в окрестностях Табошара. На протяжении ряда лет изучались разные категории памятников, раскопаны два замка - Тиркаштепа и Каппатепа, могильники Чугзхона и Такмак, обследованы пункты древних выработок [8, с. 4].

Письменных исторических данных по Табошару чрезвычайно мало, что конечно осложняет изучение его истории. Однако район богат памятниками археологии. При таком положении дел роль археологического материала, как основного источника наших знаний, значительно возрастает. Учитывая это обстоятельство, в данной статье мы попытаемся дать обзор процесса накопления знаний по истории окрестностей Табошара.

Необходимость тщательного изучения окрестностей Табошара и всего района Карамазара определяется указаниями письменных источников на значимую роль, которую играл этот район как в истории Таджикистана, так и Средней Азии в целом. Интерес к данной части Средней Азии определяется еще и тем, что эта часть Чач-Илака в какой-то мере отделенная от её основной территории горным хребтом, имела тесные культурно-экономические связи с соседними историко-культурными областями - Уструшаной, Худжандом и Ферганой [8, с. 6].

Исследование района показало, что окрестности Табошара, богатые в археологическом отношении, наряду с Алтын Топканом и Кони Мансуром, являлись важной частью горнорудного Илака. В работах географов IX-XII вв. горнорудному Илаку уделяется значительное место, что было связано с положением этого владения в экономической жизни Средней Азии. В X в. трасса Великого Шёлкового пути пролегла от Худжанда в Ахсыкет и другие города Ферганы по правому берегу р. Сырдарьи, вдоль южных склонов Кураминского хребта. Естественно, благодаря близости этой оживленной

трассы Кармазар был втянут в орбиту международных торгово-экономических связей. Кроме основной дороги вдоль реки, ответвления Великого Шелкового пути меридиально пересекали Кураминский хребет в нескольких местах. Один из них описан Кудамай: «Дорога от Худжанда шла вдоль Сырдарьи (по правому берегу) до развалин, известных под названием «место обсерватории» (Мауди,ал-Мар-сад), оттуда 2 фарсаха до замка Мухинан, находившегося «около устья реки серебряного рудника» [2, с. 226-230].

В начале XIX в., а точнее в 1813-1814 гг., по пути из Ташкента в Коканд, русский офицер Филипп Назаров пересёк Кураминский хребет. В своих путевых записках он упоминает о добыче бирюзы, «древний памятник, имеющий внутри отверстие, посреди коего выкладена каменная могила» [2, с. 231-242]. Положение в некоторой степени изменилось во второй половине XIX века. Сразу же после присоединения этих районов к Российской империи в 1868 г. комендант Худжанда полковник Н. Фавицкий проявил интерес к горам, расположенным севернее Сырдарьи, - Моголтау и Курама. Незамедлительно были начаты поисковые работы. В том же году из Кармазара наёмными рабочими Сангином и Азизом были добыты интересные образцы пород, отправленные в Петербург, в Географическое общество. Через 7 лет (в 1875 г.) месторождения в Кармазаре, откуда были получены эти образцы, посетил «геолог Г.Д. Романовский [5, с. 215]. В эти же годы в Средней Азии работает другой известный геолог И.В. Мушкетов. Тщательное изучение Кураминского хребта дало богатый материал для выяснений геологической картины этого района Средней Азии. В своих трудах, изданных в течение 1875-1878 гг., И.В. Мушкетов впервые выделил юго-западную оконечность Кураминского хребта под названием «горы Кармазара» [7, с. 28].

Вблизи нынешнего Табошара расположено месторождение Канджол («тропа рудников»). Расположение рудных тел определяет Канджолский разлом. Вдоль него непрерывной чередой располагаются более двух тысяч древних рудников. Глубина подземных выработок достигает 200 метров. Это много для технологий того времени и свидетельствует о высоком уровне мастерства местных горняков и инженеров. Возле Канджола нашли остатки печей, магнетитовую руду, каменные орудия, кувалды и молотки из железа. Геолог Виктор Турлычкин, который с 1953 года на протяжении нескольких десятков лет работал в горах Таджикистана, а в 1959-1963 годах осуществлял переоценку запасов Канджола, считает, что именно здесь располагался монетный двор, на котором чеканились местные монеты, а серебро для них добывали на Канджоле и на, до сих пор знаменитом, серебряном руднике Канимансур. Так это или не так - сказать сложно, пото-

му что серебро высокой пробы для монет из местных не столько серебряных, сколько полиметаллических руд, да еще и с примесью мышьяка извлекать было тяжелее, чем из рудников, находившихся в нынешнем Узбекистане и тоже входивших в древний Илак. Но можно предположить, что чеканили здесь другие изделия: утварь, украшения, оружие [6, с. 18].

Интенсивный рост посёлка Табошар затронул и археологические памятники. Поселковый совет народных депутатов принял решение о постройке на холме Актепа, отмеченном археологами при разведках в 1959 г., здания почтового отделения. В связи с этим, в 1972 г. холм и его окрестности осмотрел сотрудник Института истории им. А. Дониша П.Т. Самойлик. На памятник был составлен охранный акт и выделены средства на раскопочные работы [9, с. 293].

В изучении окрестностей Табошара выделяются следующие периоды:

Первый период - с древности до 1925 г. Это время, когда шёл процесс накопления знаний о Кураме: отрывочные и косвенные свидетельства разных путешественников, географов, поздние свидетельства учёных геологов о наличии археологических памятников в указанном районе [9, с. 293].

Второй период (1925-1934 гг.) - это тщательное изучение недр Карамазара геологами. Особый вклад внесли сотрудники Таджикско-Памирской экспедиции. Во время маршрутных поисков геологи фиксировали и археологические памятники, собирали отдельные находки. Во второй половине периода (1929 г.) к геологам присоединился и археолог М.Е. Массон. Результатами работ геологов явились крупные обобщающие работы по геологии Карамазара, в которых содержится также важный материал по истории горнорудного промысла Южного Илака [8, с. 19].

Третий период (1934-1941 гг.). В 1934 г. в составе ТАЭ создаётся отдельный 29-й отряд для изучения памятников археологии в Кураме. В это же время к исследованию Карамазара присоединяются и другие специалисты - историки, сотрудники Музея Северного Таджикистана Т.Г. Оболдуева и А.И. Тереножкин. Готовятся к публикации исследования по истории материальной культуры Южного Илака. Организуются полевые исследования Курамы и Моголтау. Но, изучение Илака было прервано началом войны 1941 - 1945 гг.

Четвертый период (1947-1974 гг.). После окончания войны исследование Южного Илака возобновляется. В этот период ведутся широкомасштабные работы по изучению погребальных сооружений Карамазара. Попутно фиксировались отдельные и случайные находки.

Пятый период - с 1974 г. по настоящее время. Создание СТАКЭ позволило выделить средства и кадры для изучения Южного Илака. Изучение

памятников земледельческой культуры Илака стало отдельной темой исследований. Раскопочные работы в окрестностях Табошара ведут сотрудники Западно-Ферганского, Табошарского и Илакского отрядов СТАКЭ. Среди исследованных в этот период памятников - замки Тиркаштепа, Каппатепа, могильник Чугзхона, отдельные погребальные сооружения [8, с. 20].

Таким образом, история региона, в котором расположен Табошар, уходит в глубокую древность. Согласно историко-археологическим исследованиям, долина вокруг Зерафшана, включая близлежащие районы, была заселена ещё в эрах палеолита и бронзы [12].

Это означает, что сами природно-географические условия были пригодны для хозяйственной деятельности человека: наличие воды, рельефных условий и ресурсов. Несмотря на значимость региона, его прошлое вплоть до XX века оставалось малоизученным, а первые систематические сведения были представлены академиком В.В. Бартольдом на основе письменных источников. Однако письменные данные носят фрагментарный характер, что обусловило необходимость широкого привлечения археологических материалов.

Ныне, уже город Табошар обретает новый современный облик. Благодаря усилиям руководства республики, старый Табошар превращается в цветущий Истиклол. К проведению праздника «Навруз» в городе Истиклол (бывший Табошар) Основатель мира и национального единства - Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон торжественно ввёл в эксплуатацию Музей города Истиклол [3, с. 45].

Здание музея было реконструировано при содействии Исполнительного органа государственной власти Согдийской области и при активном участии отечественных предпринимателей-патриотов, что свидетельствует о гармоничном соединении государственной поддержки и гражданской инициативы. Архитектурное решение объекта основано на принципах национальной самобытности и традиционной таджикской эстетики, что подчёркивает идею преемственности культурных форм [1, с. 52].

Литература

1. Архитектурное наследие Согдийской области. - Худжанд: Нодир, 2022.
2. Бартольд В.В. Сочинения: В 9 т. - Т.1 Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – М.: Изд-во вост. лит., 1963-1968. – 760 с.
3. Джураева М. Традиции и обычаи таджикского народа. – Душанбе: Маърифат, 1999.
4. Истиклол - очаг культуры и истории. - Душанбе: Ирфон, 2023.
5. История таджикского народа / Акад. наук Респ. Таджикистан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша; Под ред. Б.А. Литвинского и В.А.

- Ранова. - Т. 2: Эпоха формирования Таджикского народа / Под ред. Н.Н. Негматова. - 1999. - 791 с.
6. Каримов Ш.А. Древние поселения Средней Азии. - Ташкент: Фан, 1966.
 7. Культурное наследие Таджикистана в XXI веке. - Душанбе: Контраст, 2024.
 8. Массон М.Е. К истории горной промышленности Кара-мазара //Тр. Таджикостанской базы АН СССР. - Т. 4. – М.; - Л., 1935.
 9. Максимов М.М. Очерк о серебре. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Недра, 1981. - 207 с.
 10. Назаров Ф.М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. – М.: Наука, 1968. - 76 с.
 11. Наследов Б.Н. Кара-Мазар / Ред. коллегия: акад. А. Е. Ферсман, Н. П. Горбунов, Д. Щербиков... и др. – Л.: Таджик.-Памирск. экспедиция, 1935. – 402 с.
 12. Рахимов Н. Т. Из истории материальной культуры Таджикистана (замок Каппатепе). – Худжанд, 2001. -149 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/99000929/>.
 13. Ртвеладзе Э.В. Археология и история Северного Таджикистана. - Душанбе: Дониш, 1980.
 14. Салтовская Е.Д. Начало раскопок Тиркаштепе // ГПИБ. - Вып. 18 - Душанбе: Дониш, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1032598/?ysclid=mk137y5zhf50681533.
 15. Саразм 5500. Сайт Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sarazm5500.tj/> (дата обращения: 24 октября 2025г).
 16. Сафоев Р. Социально-культурные процессы в северном Таджикистане (1940–1980-е гг.). – Худжанд, 2004.
 17. Список населённых пунктов Узбекской ССР 1928 года. - Ч. V. Округ Ташкент. – Самарканд: Издание ЦСУ УзССР, 1929. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://files.fm/f/b72v3nkmg/>.
 18. Файзуллоев Ш. Этнографическая мозаика Согда. – Душанбе: Контраст, 2012. – С. 45–61.
 19. Хамраев М.Х. Этногенез узбеков долины Сирдарьи. - Ташкент: Университет, 1984.
 20. Энциклопедия Советии Точик = Таджикская Советская энциклопедия // АН ТаджССР, Гос. ком. ТаджССР по делам изд-в полиграфии и кн. торговли ; Гл. ред. М. С. Асимов. - Душанбе : Гл. науч. ред. Тадж. сов. энцикл., 1978. – 634 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

EARLY SETTLEMENTS AND ARCHAEOLOGICAL FINDS IN THE TABOSHAR AREA

Abdurashitov Fozil Mamatovich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 935 70 02 05 (m.)
fozil8204@gmail.com

Kamolova Gulbakhor Nasredinovna

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 900 01 92 78 (m.)
kamolova.gulbakhor.78@mail.ru

The article examines the history of early settlements and archaeological sites in the Taboshar region (now Istiklol), which is one of the key zones of the ancient mining Ilak in north-western Tajikistan. The authors noted that the territory of Taboshar has an exceptionally rich archaeological potential. Traces of early cultures from the Bronze Age to the Middle Ages have been identified here, including ancient mines, castles of Tirkashtep and Kappatep, burial grounds of Chugzhon and Takmak. Based on the analysis of field studies carried out by geologists, archaeologists and research expeditions from the end of the 19th to the end of the 20th century, five main stages of the study of the region have been identified – from the first descriptions of travelers to the systematic work of the North Tajik archaeological expedition. Special attention is paid to the historical and geographical location of Taboshar on the periphery of the Great Silk Road, which led to close economic and cultural ties with Ustrushan, Khujand and Fergana. The authors emphasize that the natural and geographical conditions, the presence of minerals and the developed system of ancient roads contributed to the early human development of this territory. The study shows that the development of the Taboshar region is part of the general history of Chacha–Ilak and occupies an important place in the study of the material culture and mining activities of Central Asia. The presented review forms a holistic view of the dynamics of knowledge accumulation and confirms the need for further comprehensive study of the archaeological resources of the area.

Keywords: Taboshar; Istiqlol; Karamazar; Kurama Range; mining district of Ilak; archaeological sites; early settlements; material culture; the Great Silk Road.

МАКОНҲОИ ЗИСТИ ПЕШИН ВА БОЗЁФТҲОИ АРХЕОЛОГӢ ДАР НОҲИЯИ ТАБОШАР

Абдурашитов Фозил Маматович

доктори илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 70 02 05 (м.)
fozil8204@gmail.com

Камолова Гулбахор Насрединовна

номзади илмҳои таърих, омӯзгори калони
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 900 01 92 78 (м.)
kamolova.gulbahor.78@mail.ru

Дар мақола таърихи сокинон ва маҳалҳои қадима, инчунин ёдгориҳои бостоншиносии минтақаи Табошар (ҳоло ш. Истиклол), ки яке аз мавзеҳои муҳими минтақаи кӯхистонии маъдани Илак дар шимолу ғарби Тоҷикистон ба ҳисоб меравад, баррасӣ мегардад. Муаллифон нишон медиҳанд, ки ҳудуди Табошар дорои қобилияти бениҳоят ғани бостоншиносӣ мебошад. Дар ин ҷо нишонаҳои фарҳангҳои қадим – аз давраи биринҷ то асрҳои миёна – ошкор шудаанд, аз ҷумла қонҳои қадимаи маъдан, қалъаҳои Тиркаштепа ва Каппатепе, қабристонҳои Чугзхона ва Такмак. Бо таҷлили тадқиқоти саҳроӣ, ки аз ҷониби геологҳо, бостоншиносон ва экспедитсияҳои илмӣ аз охири асри XIX то охири асри XX анҷом дода шудаанд, панҷ марҳалаи асосии омӯзиши минтақа муайян карда мешавад – аз тавсифҳои аввалини саёҳаткорон то қорҳои бонизоми Экспедитсияи бостоншиносии Шимоли Тоҷикистон.

Ба мавқеи таърихӣ-географии Табошар дар ҳошияи Роҳи Бузурги Абрешим тавачҷуҳи махсус зоҳир мегардад, ки он боиси робитаҳои зичи иқтисодӣ ва фарҳангӣ бо Уструшона, Хучанд ва Фарғона гардидааст. Муаллифон таъкид мекунанд, ки шароити табиӣ-географӣ, мавҷудияти канданиҳои фойданок ва низоми тараққикардаи роҳҳои қадимӣ ба азхудкунии барвақтии ин минтақа аз ҷониби инсон мусоидат намудааст.

Тадқиқот нишон медиҳад, ки рушду ташаккули минтақаи Табошар қисми ҷудонашавандаи таърихи умумии Чоч–Илак буда, дар омӯзиши фарҳанги моддӣ ва фаъолияти маъданкории Осиёи Марказӣ ҷойгоҳи муҳими илмӣ дорад. Шарҳи пешниҳодшуда тасавури мукамалро дар бораи динамикаи ҷамъшавии донишҳо фароҳам

оварда, зарурати идомаи омӯзиши ҳамачонибаи захираҳои бостоншиносии минтақаи Табошарро тасдиқ менамояд.

Калидвожаҳо: Табошар; Истиқлол; Карамазар; Қаторакӯҳи Қурама; минтақаи маъданиИ Илак; ёдгориҳои бостоншиносӣ; маҳалҳои қадима; фарҳанги моддӣ; Роҳи Бузурги Абрешим.

УДК 930.2(575.32)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПАМИРА И БАДАХШАНА КОНЦА XIX– НАЧАЛА XX ВВ.

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич

доктор исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 93 527 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

Статья посвящена особенностям административного управления Памира после его присоединения к России. История Памира и Бадахшана, как неотъемлемая часть истории таджикского народа, занимает достойное место в национальной историографии. Данный период сравнительно обстоятельно освещен в официальных документах, в частности в военно-статистических и политических сведениях, представленных начальниками отряда и постов на Памире, хранящихся в архивных фондах Российской Федерации и Республики Узбекистан, а также в работах дореволюционных русских авторов, изучавших данную проблему.

Начало поистине научного изучения истории Памира было положено русскими исследователями накануне и в ходе его добровольного присоединения к России, завершением которого считается заключение англо-русского договора о Памирском разграничении 1895 г.

В конце XIX века, особенно в 80-е и 90-е годы, на фоне обострения военно-политической обстановки в регионе интерес к изучению Памира и Бадахшана значительно возрос. Многочисленные исследования, опубликованные в этот период, описанные учёными, путешественниками и военно-дипломатическими авторами, существенно прояснили средневековую и современную историю Памира и Бадахшана, предоставив ценные сведения о развитии этого региона.

Ключевые слова: Россия; Памир; Вахан; Бадахшан; Шугнан; Рушан; Дарваз; Шаджан; Туркестан; Ош; Мургаб; Аличур; Памирский отряд.

Сведения об административном устройстве Памира после присоединения его к России отражены в трудах русских дореволюционных авторов,

непосредственно участвовавших в этом процессе или ставших его свидетелями по совпадению.

Среди работ, содержащих сведения относительно административной структуры Памира, интерес представляет историко-географический очерк полковника В.Н. Зайцева «Памирская страна – центр Туркестана» [5, с.78]. В годы своей службы в должностях начальника Памирского отряда и «заведующего памирским населением» на правах уездного начальника (1893-1894 гг.) и начальника Ошского уездного полка (1895-1901 гг.), он имел возможность непосредственно наблюдать за ходом событий, связанных с памирским разграничением. В своей работе автор приводит ценные сведения об административном переустройстве Памира после его присоединения к России.

Особую ценность представляют составленные В.Н. Зайцевым статистические таблицы, включённые в качестве приложения к работе. В них приводятся данные об административном делении Восточного Памира, в состав которого входили: 1) Памирская волость с её аминствами (Мургабское, Акташское, Ранкульское и Аличурское) и 2) Оршорская волость с обществами (Оршорское, Ташкурганское, Насурское и Саррезское). То же самое о бекствах Восточного Памира: Ваханское, Шугнанское и Рушанское с их обществами (амлякдарств), которые входили в номинальное подчинение Бухары, но фактически находились под административным управлением Памирского русского отряда [17, с.51-58]. В таблицах автор приводит данные о численности населения и некоторые другие хозяйственные показатели [5, с.76-77]. Что касается левобережной части Памира, несколько ранее оккупированной афганцами, она оставалась за ними. Такое административное деление в целом соответствовало интересам России и исходило из сложившейся политической ситуации того периода.

Среди работ, относящихся к данной проблеме, выделяют обширные комментарии известного востоковеда А.А. Семенова к переведённому им на русский язык небольшого сочинения местного автора Муборак-шоха зо-да «История Шугнана» [23, с.265-288]. Он в частности указывает, что после подписания англо-русского соглашения о памирском разграничении 1895 г. у ряда представителей власти России возникло мнение о том, чтобы снять русские посты и разъезды, находившиеся на Западном Памире. «Когда западные Памиры отошли к Бухаре, - пишет А.А. Семенов, - то бывший Туркестанский генерал-губернатор, барон Вревский, предполагал было снять оттуда все наши посты и разъезды, но военное министерство признало это преждевременным, ибо, по его мнению, наши посты могут быть там полезны для наблюдения за бухарскими властями в смысле выполнения принятых ими на себя обязательств относительно освобождения на три

года от всяких денежных повинностей передаваемого бухарцам обнищавшего населения, которое неизвестно, как отнесётся к бухарскому владычеству... Вследствие этого посты нами были на Бухарских Памирах оставлены» [24, с.285].

Далее приводятся примеры усиления ненависти местного населения к представителям бухарских властей за их излишние поборы и непримиримой религиозной розни. Исходя из этого, командующим войсками Туркестанского военного округа 27 сентября 1902 г. была утверждена инструкция, согласно которой начальник Памирского отряда, проживающий в Хороге, пользуясь правами уездного начальника Памирской и Ошской волостях, непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области и имел право снять и утверждать в должности лиц бухарской администрации. Должность шугнанского бека упразднилась, а вместо него при начальнике отряда назначался бухарский чиновник, представитель гиссарского бека, который находился в прямом подчинении начальника отряда. На этой основе, 12 января 1905 г. Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа генералом Тевяшевым была утверждена «Временная инструкция начальнику Памирского отряда», которая через год была утверждена царём. Таким образом, закреплялось инструктивное управление России на Памире [24, с.286-288].

Будучи и.о. дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе А.А. Семенов в своём уведомлении канцелярии генерал-губернатора об административно-политическом и юридическом положении Западного Памира от 20 мая 1914 г. приводит краткое описание административно-территориального положения Памира после его присоединения к России. В документе в частности пишется, что «Памиры, входящие в сферу русского влияния, разделяются названной пограничной чертой на две части: Западный Памир, юридически принадлежащий Бухаре, и Восточный Памир, принадлежащий нам, состоящий из двух волостей: Памирской, населённой киргизами, и Оршорской, населённой таджиками» [25].

Проблемы, связанные с особенностями административного управления Памира вызывали интерес у военного исследователя-востоковеда А.К. Разгонова. В своей работе «По Восточной Бухаре и Памиру» он в частности писал: «Чтобы сохранить здесь (на Памире – М.П.) официальные признаки бухарского правления, в Хороге держится бухарский чиновник под названием шугнанского бека, фактически с 1905 года подчинённый начальнику Памирского отряда. Для внешнего декорума беку разрешается взимать в свою пользу с купцов зякет и прикладывать свою печать к раз-

ным туземным документам. Негласное присоединение к русскому управлению Западного Памира состоялось в 1905 году» [18, с.96].

В этом плане заметное место также занимает работа полковника Муханова «Памирский район» [13, с.1-112]. Несмотря на то, что он представляется составителем работы, знакомство с её содержанием, убеждает о вполне самостоятельном исследовании, освещающем административное, экономическое и военно-статистическое положение Памира после его присоединения к России. Так как работа была предназначена только для служебного пользования и «не подлежала оглашению», автор имел возможность более свободно изложить своё мнение. Это наблюдается в правдиво-критическом изложении вопросов, касавшихся административного управления и социально-экономического положения Памира конца XIX - начала XX вв. Анализу особенностей административного управления Памира посвящена третья глава книги «Военно-стратегический очерк».

По сравнению с другими авторами, начальник Памирского отряда Туркестанского военного округа А.В. Муханов даёт более детальную структуру административного деления Памира. Согласно его данным, в состав Восточных постов входили Памирская и Оршорская волости. Оршорская волость состояла из 4 аксакальств: Оршорское, Сау-новское, Нисорвское, Сарезское. Хорогский район состоял из Шугнанской и Рушанской волости. В состав Шугнанской волости входили следующие 5 аксакальств - Гунтское, Хорогское, Сучанское, Шахдаринское и Поршневское. Рушанская волость объединяла 19 аксакальств - Калаи-Вамарское, Барзудское, Дерзудское, Баррушанское, Дерушанское, Вамтское, Хидское (Шидзское), Вазнаудское, Раухарвское, Сучанское, Имцское, Баджувское, Раумидское, Сыпунджское, Бигравдское, Басидское, Бар-дарайское, Хуфское и Баджуиское.

Лангарский район состоял из Ваханской волости, в состав которой входили акасакальства: Лангарское, Зунгское, Врангское, Змудское и Шитхарвское. В состав Ишкашимского района входили аксакальства: Намадгутское, Андаробское и Дарморахтское. Во главе административного управления районов стояли офицеры Памирского отряда, которые пользовались правами участковых приставов.

Обязанности главы административного управления были возложены на самого начальника отряда, который одновременно считался начальником Хорогского района. Во главе остальных районов стояли начальники постов. В отличие от Лангарского и Ишкашимского постов, начальник района Восточных постов считался так же и заведующим памирским населением (имеется в виду Восточный Памир – М.П.) [13, с.34-35].

Что касается участия местных представителей в административном управлении Памира, то согласно сведениям А.В. Муханова, они избирались и утверждались начальством Памирского отряда. В должности помощников у начальников памирских районов, служили волостные, казии и аксакалы с арбобами, на Восточных постах – амины и иллик-баши. Кроме казиев, получавших с населения то, что им было положено по шариату, другие без каких-либо официальных жалований служили «на Западных постах только за честь» [13, с.36]. «Хотя номинально, - пишет Муханов, - район Западных постов (Хорогский, Ишкашимский и Лянгарские районы) и считаются во владении эмира Бухарского, тем не менее, бухарская власть там сведена к нулю. Лишь в случае письменных сношений начальника Памирского отряда с пограничными властями сопредельных стран он прикладывает к бумагам свою печать в дополнение к печати начальника Памирского отряда». Деловые бумаги с одной лишь его печатью не считались официальными и не принимались к исполнению.

Другим автором, изучавшим данную проблему, является известный русский востоковед И.И. Зарубин. Но уместно отметить, что учёный, хотя несколько в другой форме, всё же в своей работе [6, с.97-148] повторяет предыдущего автора. Примерно в таком же порядке приводятся описания или же краткие упоминания об административном устройстве Памира после его присоединения к России в работах или сообщениях других очевидцев и современников данного события. Намного подробнее данная проблема отражена в сохранившихся официальных архивных документах, на которые ссылались советские и современные исследователи.

Особенности административного управления Памира после его присоединения к России обстоятельно освещены в официальных документах, в частности в военно-статистических и политических сведениях, представленных начальниками отряда и их постов на Памире, хранившихся в Военно-историческом архиве РФ [21]. Согласно их содержанию на Памире, исходя из реальной обстановки, была создана особая структура управления. Административное управление населением сосредоточилось в руках Памирского отряда, начальник которого пользовался правами начальника уезда, и находилось в непосредственном подчинении военного губернатора Ферганской области. Помощниками начальника отряда по управлению населением являлись: на Восточном Памире – начальник восточных постов, а на Западном Памире – начальник Ишкашимского и Лянгарского постов. В отношении управления населением эти чины пользовались правами участкового пристава и непосредственно подчинялись начальнику отряда.

В административно-территориальном отношении Памир был разделён на следующие административно-управленческие районы:

1. Начальник Памирского отряда ведал через своих помощников (начальников постов) всей территорией Восточного и Западного Памира и, кроме того, непосредственно управлял Шугнанской и Рушанской волостями (бывшими Шугнанским и Рушанским бекствами Бухарского ханства).

2. Начальник Ишкашимского поста управлял Ишкашимским районом.

3. Начальник Лангарского поста управлял Ваханом.

4. Начальник восточных постов управлял населением Восточного Памира.

Судопроизводство проводилось в соответствии с местными обычаями, причём низшими представителями юстиции являлись казии (народные, вернее шариатские судьи). Ни показания, ни приговоры не записывались. Лишь в разделе имущества и утверждения права наследования составлялись письменные приговоры – васики, которые представлялись на утверждение начальнику отряда. Разбор дела, произведённый начальником отряда, считался окончательным, а его решение в высшие инстанции на утверждение не направлялось [21].

В целом деятельность Памирского отряда следует условно разделить на: военно-административное и культурно-просветительное направления. Если первое исходило из официальной обязанности командного состава, представлявшего колониальные интересы русского царизма в крае, то второе осуществлялось в большей степени по личной инициативе, почти на добровольной основе, что справедливо вызывало чувство симпатии и доверительного отношения местного населения к личному составу отряда [15, с.287-323].

В этом отношении особую ценность представляют 8 документов, хранящиеся в Государственном архиве Республики Узбекистан, включённые Н.А. Халфиным в работу «Россия и Бухарский эмират на Западном Памире» в качестве приложения. Они содержат важнейшие сведения, полученные от официальных представителей, прежде всего от Российского политического агента в Бухаре, о специфике административного управления и о социально-экономическом положении Западного Памира после его присоединения к России и введения номинального административного управления Бухарским эмиратом [19, с.77-128].

Уместно отметить, что примером подробного освещения присоединения Памира к России и особенностей его административного управления является содержание копий официальных документов по истории Памира (1883-1931 гг.) из Фонда Российского Политагентства в Бухаре Государ-

ственного архива Узбекистана, которые хранятся в Областном архиве ГБАО [1]. Особый интерес из этой коллекции представляет обширный доклад Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе от 21 июля 1902 г. В нём изложена суть всех важных документов касательно истории договора о памирском разграничении и особенностей административного управления краем [11].

В коллекции документов, хранящихся в Архиве ГБАО, также особый интерес представляет «Инструкция начальнику Памирского отряда», утверждённая командующим войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенантом Ивановым 27 сентября 1902 г. [1]. В ней указан состав Памирского отряда, состоявший из «7 офицеров (включая начальника отряда), 1 врача, 100 человек пехоты, 72 казаков, 4 фельдшеров и некоторого числа отрядных джигитов». Во главе отряда стоял командир, обладающий правами уездного начальника и находящийся в непосредственном подчинении военного губернатора Ферганской области [1].

В вышеупомянутой инструкции определены обязанности начальника отряда, состоящие из 14 пунктов. В частности второй пункт (б) гласит: «Охранять спокойствие и безопасность на территории русского и бухарского Памиров, ограждать местное население как русских подданных, так и бухарских от грабежей и насилия и оберегать границы Памира как от вооружённых шаек в мирное время, так и от вторжения неприятеля в военное время, принимая сообразные с обстановкой меры и донося затем о своих действиях по команде». В следующем пункте (в) написано: «изучать сопредельные страны». Далее автор перечисляет пункты, входящие в круг его обязанностей. В заключительном пункте (о) указано на необходимость частого посещения начальником Памирского отряда, постов, расположенных как на восточном (Памирский, Рангульский и Акташский), так и на Западном Памире (Хорогский, Ишкашимский и Лянгарский), с целью обеспечения постоянной их боеспособности [1]. При этом, в обязанности начальника поста, который пользовался правами ротного командира, а также правами участкового пристава в отношении местного населения, так же входило «знать точно прилегающий район, т.е. населённые пункты и их приблизительное богатство (скот, хлеб, топливо), дороги и их состояние в зависимости от времени года, природу гор и перевалов, прилегающую полосу неприятельской территории и насколько её можно изучить, не переходя границы» [1].

Как явствует из содержания вышеприведённых документов, создание такой своеобразной административной структуры после памирского разграничения, исходило с одной стороны из колониальных интересов цар-

ской России, а с другой - военно-политической обстановкой, связанной с подстрекательскими действиями Англии в регионе.

Сведения об административном устройстве Памира имеют место и в местных сочинениях, связанных с историей Памира и Бадахшана. Такие сведения прослеживаются в упомянутом сочинении «Таърихи Бадахшон» («История Бадахшана») Курбона Мухаммад-зода и Мухаббата Шох-зода [12, с.5-48]. Авторы, будучи наблюдателями событий, происходивших в данный период, сравнительно подробно освещают перемены, происходившие в период владения Западным Памиром после его присоединения к России, который называют «Периодом Николая» (даврай Николай) или «Пришли к повествованию периода Николая» [12, с.115-116]. Хотя в данном сочинении и приводятся ценные сведения, но ввиду недостаточной информации и ограниченности познания политической реалии того периода, авторы не углублялись в анализ причин присоединения Памира к России. Они ограничились лишь описаниями организации постоянного русского поста в Хороге, строительства укрепленного лагеря для русского отряда в 1896 г., деятельности отдельных начальников Памирского отряда, степени участия бухарских чиновников и представителей местного населения в административном управлении Памира в 1895-1917 гг.

После передачи левобережной части Западного Памира Афганистану, как бы прерывается поступление информации об этой части в Русской историографии. Этот недостаток в известной степени восполняет сочинение Кушкеки «Каттаган и Бадахшан». После того, как последний правитель Бадахшана Махмуд-шах, - пишет В.В. Бартольд - «уже в 1873 г. был низложен афганским правительством и увезён в Кабул, где оставался до самой смерти, его владения были присоединены к Афганистану» [2, с.346]. Согласно Кушкеки, «...С тех пор власть в Бадахшане и его округах не переходила больше к местным мирам» [4, с.101]. В данной работе, автор сравнительно подробно приводит административное деление теперь уже афганского Бадахшана, соответственно государственно-административной структуры управления Афганистана. Интерес представляют приводимые автором сведения о Бадахшане с последовательно перечисленными именами хакимов с периода захвата его афганцами. Ценность представляют статистические данные о хозяйственно-экономической жизни каждого района Бадахшанского округа и их селений, а также об их исторически сложившихся народных традициях [4, с.88-146]. Такие же ценные данные в книге имеются по левобережной части Западного Памира, которая с 1883 г. находясь под афганской оккупацией и по итогам Памирского разграничения 1895 г., была передана Афганистану [4, с.186]. Кроме того, приводятся важные статистические данные касательно административного деления,

хозяйственной жизни, а также присущей местному населению культурной традиции по афганской части Западного Памира (Вахан, Шугнан, Рушан) и левобережье Дарваза [4, с.167-197].

В работе известного советского исследователя истории присоединения Средней Азии к России Н.А. Халфина «Россия и Бухарский эмират на Западном Памире» указываются факторы, побудившие российское правительство на решение политико-административного устройства. Н.А. Халфин пишет: «Утвердившись на Памире, царское правительство занялось политическим устройством его территорий. В этом процессе чётко отразились факторы, определявшие общий подход Петербурга к своим азиатским владениям: стремление избегать внешнеполитических осложнений и крупных финансовых затрат, желание поднять и укрепить престиж Российского государства среди народов Средней Азии» [19, с.3]. В этом плане, Н.А. Халфин склонен утверждать особую значимость экономического фактора в решении проблемы. «Ещё в период борьбы за Памир, - пишет он, - царское правительство неоднократно отказывалось от удовлетворения просьб населения Западного Памира о принятии их в русское подданство, не желая затрачивать средств на устройство этого отдалённого и глухого района» [19, с.8-9]. Следует так же отметить, что необходимость передачи правобережной части Западного Памира Афганистану была связана и с тем, что Бухара являлась одним из признанных религиозных центров в Центральной Азии, и с этим нельзя было не считаться. Такое решение могло поднять престиж Афганистана как «самостоятельной» дружественной России страны.

Н.А. Халфин, основываясь на достоверных источниках, довольно ясно характеризует отношение местного населения к эмирским чиновникам Западного Памира. «Памирские таджики, - пишет он, - ни в коей мере не собирались играть роль бессловесных жертв алчности бухарских управителей и терпеть гнет феодальной Бухары. На протяжении всего периода пребывания припамирских бекств в системе Бухарского ханства они использовали все формы борьбы с ненавистным бухарским управлением – от подачи устных и письменных жалоб на беков русским властям на первых порах до открытого вооружённого восстания» [19, с.29].

Следует отметить, что данная проблема была затронута в трудах таких ученых, как Б.И. Искандарова, О. Бокиева, Х. Пирумшоева, К. Эльчибекова, М. Пирумшоева, Т.С. Каландарова и других [7; 8; 9; 3; 14; 26; 16; 10]. Данные ученые, в рамках имеющегося доступа к архивным документальным источникам и материалам, содержащимся в работах русских революционных исследователей, внесли свою заметную лепту в научное изучение административной структуры. На основе сопоставительного ана-

лиза, ученые-исследователи в известной степени освещали её особенности. Но всё же, основная суть проблемы более ёмко и убедительно изложена советским историком Н.А. Халфиним [19; 20].

Таким образом, вышеприведённые факты, имеющиеся в источниках, работах очевидцев событий и трудах последующих поколений исследователей, приводят к заключению о том, что на своеобразные решения административного управления Памира после его присоединения к России повлияли: а) нерешительные действия политического и военно-дипломатического руководства царской России; б) вероятность военной активизации Англии, связанной с опасением оккупационного действия России на подвластных ей территориях, которая вызвала необходимость передачи правого побережья Западного Памира Бухарскому эмирату и этим создала дополнительную буферную зону; в) опасения излишних финансовых расходов по управлению краем.

Литература

1. Архив ГБАО. – Ф. 25- Оп. 3. – Ед. хр. 12. – Лл. 1-167.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Бадахшан / «Энциклопедии ислама» . - Т. III. Работы по исторической географии. – М.: Наука, 1965. – 713 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/3531904/>.
3. Бокиев О. Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и Горного Бадахшана к России. – Душанбе: Ирфон, 1994. – 272 с.
4. Бурхануд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан / пер. с персид. П.П. Введенский, Б.И. Долгополов, Е.В. Левкиевский; под ред., с предисл. и примеч. проф. А.А. Семенова. – Ташкент, 1926. – 248 с.
5. Зайцев В.Н. Памирская страна – центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Т. II. – Вып. 1903. – Новый Маргелан, 1903. – 78 с.
6. Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины Бартанга. Отдельный оттиск из V тома: «Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук». – Пг.: Типография Российской Академии наук, 1917. – С. 97-148.
7. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. – Ч. I. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – 356 с.
8. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. - Ч. II. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – 350 с.
9. Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Ирфон, 1981. – С.53-75.
10. Каландаров Т.С. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). – М., 2004. – 478 с.
11. Копия доклада дипломатического чиновника при Туркестанском Генерал-

- губернаторе от 21 июля 1902 /Туркестан в имперской политике России: Монография в документах / отв. ред. Т. В. Котюкова. - М.: Кучково поле, 2016. - 880 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://igh.ru/system/publications/contents/000/000/091/original/7ef5c7a78a659eb502ef3d134784b19d1b4dec8b.pdf?1484950954>.
12. Курбон Мухаммад-зода (Охун Сулаймон), Мухаббат Шох-зода (Сейид-Футуршо) История Бадахшана/ Изд. текста, примеч. и указ. А.А. Егани; Отв. ред. предисл. Б.И. Искандарова //АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша. - М.: Наука, 1973. - 250 с.
 13. Муханов А.В. Памирский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа/ Сост. Ген. штаба полк. Муханов; Под ред. окр. ген.-квартирмейстера ген.-майора Федяй. - Ташкент: Штаб Туркест. воен. окр., 1912. - 110 с.
 14. Пирумшоев Х., Маликов М. Россия – Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 2009. – 688 с.
 15. Пирумшоев Х. Россия в исторических судьбах таджикского народа: Горный Бадахшан и Русский Памирский пограничный отряд в конце XIX – начале XX веков // Сб.ст. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. – Душанбе; Ирфон, 2014. – С. 287-323.
 16. Пирумшоев М.Х. Памир в русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2012. – 198 с.
 17. Пирумшоев М.Х., Артыков А.А. Первый российский форпост на «Крыше мира» // Историк. - 2022. - №4 (32). - С.51-58.
 18. Разгонов А.К. По Восточной Бухаре и Памиру. – Ташкент, 1910. – 230 с.
 19. Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1975. – 128 с.
 20. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974. – 408 с.
 21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1396. – Оп. 2. – Ед. хр. 1496. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guides.rusarchives.ru/guides/16/14/rossiyskiy-gosudarstvennyu-voenno-istoricheskij-arhiv-putevoditel-tom-2-2006>.
 22. РГВИА. – Ф. 400. – Д. 24. – Л. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guides.rusarchives.ru/guides/16/14/rossiyskiy-gosudarstvennyu-voenno-istoricheskij-arhiv-putevoditel-tom-2-2006>.
 23. Муборакшохзода С.Х. Таърихи мулки Шугнон. – Хоруг: Помир, 1992.
 24. Семенов А.А. История Шугнана (Тарих-и Шугнан): Избранные сочинения / пер. А.А. Семенова. – Душанбе, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20190227192037/http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Sugnan/text.phtml?id=1467>.
 25. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). – Оп. 3. - Д. 535. - Лл. 17-20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yellowpages.uz/kompaniya/centralnyj-gosudarstvennyj-arhiv-respubliki-uzbekistan>.
 26. Элчибеков К. Шугнан и Рушан в исторических источниках. – Душанбе: ЭР-граф, 2020. – 180 с.

**HISTORIOGRAPHY OF PAMIR AND BADAKHSAN
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Pirumshoev Munir Khaidarshoevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 93 527 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of the Pamir administrative management after its accession to Russia. The history of Pamir and Badakhshan, as an integral part of the history of the Tajik people, occupies a worthy place in the national historiography. This period is covered in relative detail in official documents, in particular in military statistical and political information provided by the heads of the detachment and posts in the Pamirs, stored in the archival funds of the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan, as well as in the works of pre-revolutionary Russian authors who studied this problem.

Russian researchers began a truly scientific study of the history of the Pamirs on the eve and during its voluntary accession to Russia, which culminated in the conclusion of the Anglo-Russian Pamir Delimitation Treaty of 1895.

At the end of the 19th century, especially in the 80s and 90s, against the background of the aggravation of the military and political situation in the region, interest in the study of the Pamirs and Badakhshan increased significantly. Numerous studies published during this period, described by scientists, travelers, and military-diplomatic authors, have significantly clarified the medieval and modern history of Pamir and Badakhshan, providing valuable information about the development of this region.

Keywords: Russia; Pamir; Vakhani; Badakhshan; Shugnan; Rushan; Darvaz; Shajan; Turkestan; Osh; Murghab; Alichur; Pamir detachment.

ТАЪРИХНИГОРИИ ПОМИР ВА БАДАХШОН ДАР ОХИРИ АСРИ XIX ВА ИБТИДОИ АСРИ XX

Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич

доктори илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 527 77 37 (м.)
munir.85@mail.ru

Мақола ба хусусиятҳои идоракунии маъмурии Помир пас аз ҳамроҳшавии он ба Русия бахшида шудааст. Таърихи Помир ва Бадахшон ҳамчун қисми таркибии таърихи халқи тоҷик, ҷои шоистаро дар таърихнигории тоҷик ишғол менамояд. Ин давра нисбатан ҷиддӣ дар ҳуҷҷатҳои расмӣ, аз ҷумла Ҳарбӣ-оморӣ ва сиёсӣ ва дар маълумоти пешниҳодкардаи сарлашкарони дидбонгоҳҳои Помир, ки дар бойгонӣ ва фондҳои яқҷояи Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Узбекистон маҳфузанд, инчунин дар қорҳои муаллифони рус, ки ин мавзӯро таҳқиқ кардаанд, дарҷ гардидааст. Оғози омӯзиши илмии таърихи Помир аз ҷониби муҳаққиқони рус дар арафа ва дар ҷараёни ҳамроҳшавии ихтиёрии он ба Русия сар шуда, анҷом расидани он бо бастанӣ шартномаи Англия ва Россия дар бораи марзбандии Помир дар соли 1895 ҳисобида мешавад. Дар охири асри XIX, алахусус дар солҳои 80-ум ва 90-ум, пас аз шиддат гирифтани вазъи Ҳарбӣ-сиёсӣ дар минтақа, таваҷҷӯҳ ба омӯзиши Помир ва Бадахшон хеле афзуд. Тадқиқоти сершумори дар ин давра нашршуда, ки аз ҷониби олимони сайёҳон ва муаллифони Ҳарбӣ-дипломатӣ тасвир шудаанд, таърихи асрҳои миёна ва муосири Помир ва Бадахшонро ба таври назаррас равшан намуда, дар бораи рушди ин минтақа маълумоти арзишманд пешниҳод карданд.

Калидвожаҳо: Русия; Помир; Вахон; Бадахшон; Шугнон; Рушан; Дарвоз; Шаджан; Туркистон; Ош; Мурғоб; Аличур; отряди Помир.

УДК 930.85 (4:575)

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Абдулвохидов Рахматулло Миразорович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 904 01 69 10 (м.)
historia.rtsu@mail.ru

Статья посвящена истории культурных взаимосвязей между народами Европы и Центральной Азии. Актуальность этой темы обусловлена тем, что Центральная Азия на протяжении многих веков представляла собой единую культурно-историческую зону, являясь узлом этногенетических процессов. Сегодня, на фоне активизации двусторонних отношений между государствами Центральной Азии, проблема региональной интеграции вновь становится особенно важной.

В статье рассматривается история, влияние и интересы государств Востока и Запада, а также их культурные взаимодействия. Основные направления влияния включают внедрение западной системы образования, изменение социальных структур и внедрение новых юридических норм. Европейские культурные традиции, такие как литература, изобразительное искусство и музыка, также оказали заметное влияние на местные культурные практики. Особое внимание уделяется историческому процессу таджикского народа во второй половине XIX века, а также влиянию европейской культуры на Среднюю Азию. В то же время, взаимодействие с европейской культурой не обошлось без конфликтов и противоречий, особенно в контексте сохранения традиционных ценностей и идентичности местного населения. Важно отметить, что посредниками в этом процессе являлись представители России.

Данная работа сосредоточена на анализе основных аспектов влияния европейской культуры на Среднюю Азию, включая как положительные, так и отрицательные последствия, что позволяет глубже понять динамику культурного обмена и его значение для развития региона в глобальном контексте.

Ключевые слова: Европа; Азия; культура; политика; отечественная история; сфера влияния; народ; архитектурные сооружения; рукописи; цивилизация; интеграция; взаимодействие; Великий Шелковый путь; город; декорированные скульптуры; рельеф; живопись.

Центральная Азия - это одна из древнейших колыбелей человеческой цивилизации с чрезвычайно богатой историей и ярким культурным наследием.

Юдин В.П. характеризует «Центральную Азию как уникальный узел этногенетических процессов, где племена и народы не только возникали, но и исчезали, часто изменяясь в новом качестве. Эти процессы и связи имели разнообразный и направленный характер, приводя к неоднозначным результатам в различных частях региона. Важно отметить, что Центральная Азия выступает как особый центр - зона интенсивного этногенеза, где переплетались разнообразные культурные, экономические, политические и идеологические связи» [24, с. 3].

В страницах нашей отечественной истории процесс взаимодействия всех сфер культуры в Центральной Азии в первую очередь основывается на ценностях традиционной культуры. Современная культура таджикского народа сформировалась в результате двух исторических периодов. Во-первых, когда регион с таджикским населением находился под влиянием культур и интересов сопредельных восточных государств. Во-вторых, когда таджикская культура сама активно влияла на соседние страны, передавая свои достижения во всех областях культуры.

В средние века Средняя Азия испытывала значительный экономический, политический и культурный кризис, после чего была включена в сферу российских интересов. С установлением Советской власти начался процесс формирования советской культуры. В настоящее время Таджикистан и таджикское население ощущают влияние западной культуры, которое затрагивает все сферы общественной жизни.

Из данного анализа следует отметить, что изучение истории взаимовлияния культур Запада и Востока в современном контексте является крайне актуальным и необходимым. В современной культуре таджикского народа, сформировавшейся под влиянием синтеза различных культур, историкам и этнографам затруднительно выявить самобытные черты, относящиеся к дореволюционному времени. С другой стороны, без исторического анализа прошлого невозможно полноценно понять и оценить масштабные социальные и культурные преобразования, происходящие в Таджикистане в настоящее время. В связи с этим, в данной статье, мы предлагаем краткий обзор взаимовлияния культур народов Запада и Востока с древности до современности.

В статье рассматривается роль народов Востока, их культура и духовный опыт в становлении и развитии европейской цивилизации. Поэтому она состоит из двух разделов. В первом разделе освещается вклад Востока в формирование и эволюцию цивилизации Запада. Во втором разделе

ле акцентируется внимание на влиянии и роли России в распространении и внедрении новой европейской культуры на территории Средней Азии. Следует подчеркнуть, что во втором историческом периоде именно Россия стала важным посредником, способствующим передаче культурных достижений Запада на Восток, в частности, в Среднюю Азию.

Использование терминов «Восток» и «Запад» в исторической науке, а также противопоставление этих понятий в области культуры и цивилизаций остаются актуальными и в современном научном дискурсе. В данной работе мы предлагаем краткое сообщение на эту тему.

В древности существовали представления о Востоке и Западе, которые охватывали географические, политические, идеологические и культурные аспекты. Эти представления формировали определенные стереотипы и образы, которые, в свою очередь, влияли на восприятие различных цивилизаций друг другом.

Историки утверждают, что противопоставление Востока и Запада восходит к древним грекам. Однако многие ученые оспаривают это утверждение, отмечая, что в античной греческой культуре не существовало явного противопоставления двух этих миров. Древнегреческая цивилизация обладала тесными связями и основывалась на культурно-экономических, научных и философских обменах с народами Центральной и Средней Азии. Таким образом, в этот период историки, политики и философы Древней Греции не рассматривали Запад и Восток как противостоящие друг другу [14].

Страбон не использовал понятие «Восток» в том смысле, в котором оно понимается сегодня. Его отношение к народам, населяющим страны Востока, было разнообразным, иногда выражая симпатию, а в других случаях - критическое отношение [20]. Он подчеркивал, что «человеческое могущество и мудрость родились на Востоке и начали завершаться на Западе» [20]. Западные ученые также обсуждают вопрос Востока и Запада, и среди них известное высказывание И.Г. Гете о синтезе культур этих двух регионов, который он рассматривал как равноценный. Эта идея была впервые предложена самим И.Г. Гете [5, с. 97].

В мировой истории особое внимание уделяется греческой цивилизации как основополагающему элементу культурного прогресса Европы. История формирования древней науки у греков во многом связана с их теоретическими и практическими знаниями, заимствованными у восточных народов [1, с. 92]. Поэтому источники возникновения первых цивилизаций следует искать именно на Востоке.

В нашей отечественной истории широко применяется высказывание о таджикском народе, что, как и другие народы мира, он обладает бога-

тейшим культурным наследием, уходящим своими корнями в далекую древность. Всемирно известны ценнейшие памятники материальной и духовной культуры, скульптурные и архитектурные сооружения с настенными росписями, уникальные рукописи, найденные историками и археологами на территории Средней Азии. О них опубликовано множество материалов в самых высоких мировых изданиях, что вызвало большой резонанс и признание [8]. Следует отметить, что любая народная культура основывается на достижениях своих предшественников. Общество не может создать свою новую культуру в отрыве от предыдущих ценностей своих предков.

История доказала, что процесс преемственности является закономерностью развития культуры нового общества. Наша отечественная история показывает, что лучшие достижения духовной и материальной культуры не исчезали с падением старых государств, таких как Древняя Бактрия, Большой Хорезм, Согдиана, Ахеменидская держава, Парфянское и Сасанидское государства, а, напротив, продолжали жить и передаваться от поколения к поколению. Это способствовало становлению и рождению новой цивилизации. Таким образом, важно отметить, что на основе каждой прошлой цивилизации веками формировалась следующая, и появление новой является естественной закономерностью.

Восток всегда представлял собой загадку для Запада, ассоциируясь с волшебной страной и роскошью. В Европе товары из восточных стран, такие как ткани, посуда, пряности и благовония, пользовались исключительно высоким спросом и ценились «на вес золота». Эти товары часто назывались арабскими, поскольку в средние века Арабский халифат охватывал огромную территорию - от Северной Африки и Пиренейского полуострова до Центральной и Передней Азии. Например, в период государства Кушанов среднеазиатская культура слилась с достижениями древневосточной цивилизации искусств Индии и стилями иранских кочевых племен степей Евразии. Кушаны были основателями и архитекторами Великого Шелкового пути, распространителями буддизма в западной части Востока, а также двигателями развития городов и великих архитектурных памятников этой эпохи. Они создавали различные декорированные скульптуры, рельефы и живопись [23, с. 319].

В Согде были обнаружены памятники на согдийском языке, выполненные с использованием арамейской графики. Однако у предков таджикского народа (согдийцев, бактрийцев, саков, хорезмийцев и др.) существовали и другие письменности, такие как бактрийская манихейская, авестийская и хорезмийская, а также использовались греческие письменности. Это свидетельствует о высоком образовательном уровне населения [11, с. 7].

Таким образом, культурные достижения населения Центральной Азии были непосредственно связаны с развитием местных иранских культур - бактрийской, парфянской, согдийской и хорезмийской, хотя они также были частью древней культуры кочевых иранских племен, которые в древности перемещались как в европейской, так и в азиатской частях.

В исторической литературе существует множество публикаций и научных исследований, посвященных влиянию исламской культуры на Европу в средние века. Следует отметить, что в Европе арабские заимствования носили восполняющий характер. На протяжении нескольких веков политика, культура и религия Европы перерабатывались как информация, которая воспринималась, учитывалась, а некоторые элементы арабской культуры и научного знания, которых не хватало в европейской традиции, заимствовались. В будущем этот процесс оказал влияние на характер и развитие культурных процессов и способствовал формированию европейского самосознания.

Этот процесс русский востоковед В.В.Бартольд обозначил как «культурное общение» двух цивилизаций. В средние века европейцы не имели представления о достижениях греческих ученых, и только после перевода трудов арабских философов, которые основывались на трудах Аристотеля и других ученых, эти знания стали общеизвестными и приобрели большую популярность в Европе. Например, Иоанн Испанский перевел труды Ибн-Сины (Авиценны) по логике, метафизике, физике и психологии [2]. Кроме того, вскоре был переведен его «Канон врачебной науки», а также «Основы» Абу-Бакра ар-Рази, что, вместе с арабскими трудами Галена, оказало значительное влияние на развитие медицины в Европе. Доминик Гундисальви, совместно с Иоанном Испанским и иудеем Соломоном, перевели труды Аль-Газали [10].

Как видим, восточная культура и цивилизация развивались не только в пределах своей территории, но и распространялись как на западе, так и на востоке континента, внося значительный вклад в европейский Ренессанс. В XVI - XVII веках Средняя Азия сталкивалась с серьезным экономическим, политическим и научно-культурным кризисом. В этот период наблюдается обратный процесс - влияние и распространение европейской культуры, осуществляемое через завоевания и колонизацию Востока.

Процесс распространения европейской культуры в Средней Азии шёл, в первую очередь, при участии представителей России. Вторая половина XIX века в истории родины характеризуется активным и интенсивным научным изучением Средней Азии - её физической географии, этнографии, истории и культурного наследия её народов. Эти исследования осуществлялись преимущественно в рамках экспедиций или индивидуаль-

ных исследований учёных различных стран, в основном русскими. «Присоединение Средней Азии к России имело объективно положительное значение. Включение среднеазиатского рынка в орбиту капиталистических производственных отношений России подорвало основы феодального деспотизма, в течение многих веков подавлявшего творческие силы народа и держащего его в состоянии нищеты и культурной отсталости. Был положен конец замкнутости и отсталости экономики» [14, с. 3].

Многие историки отмечают, что экономическое и культурное влияние России на хозяйство и быт населения Средней Азии также отразилось на их духовном развитии, о чем можно дискутировать. Тем не менее, этот процесс свидетельствует о прогрессивных последствиях вхождения Средней Азии в состав России.

Историки указывают, что в течение всего колониального периода произошли существенные изменения в жизни народов по сравнению с поздним средневековьем. Однако эти изменения наблюдались в основном в центральных городах и более развитых поселках, тогда как в сельской местности ситуация оставалась стабильной. Следует отметить, что примерно 90% населения Средней Азии проживало в селах. Несмотря на это, заявляется, что среднеазиатский регион полностью утратил свой социально-феодальный экономический базис и начал проникаться элементами капиталистических отношений, хотя они оставались слабыми на тот момент. В этом контексте стоит привести публичное признание последнего генерал-губернатора Туркестана А. Н. Куропаткина (1916-1917 гг.): «Мы держали туземцев в стороне от развития...» [21].

В жизни и экономике населения Средней Азии произошли значительные изменения с введением дорог Среднеазиатской в 1899 году, а также Ферганской, Бухарской и Семиречинской в период с 1910 по 1916 годы. Эти события способствовали быстрому и масштабному вовлечению народного хозяйства в капиталистическую орбиту, что открыло путь к медленному, но устойчивому развитию капиталистических отношений в сельских районах, а также усилило взаимодействие материальной и духовной культуры [13, с. 88].

Русские медики оказали значительную помощь населению в области медицины, особенно в условиях распространения различных заболеваний. В 1868 году в Ташкенте был основан первый военный лазарет, на базе которого в 1870 году был организован военный госпиталь. Аналогичные учреждения были открыты в Джизаке, Самарканде, Хатте-Кургане и других местах. В 1889 году в Бухаре была открыта первая аптека, а в 1890 году - первая больница. В 1911 году была также открыта женская амбулатория с родильным отделением. Согласно архивным данным, в 1912 году

больница в Бухаре приняла 27 983 больных, а женскую амбулаторию посетило 13 500 женщин и детей [15].

Бухарский эмир открыл за свой счет больницы в Корши, Душанбе и Шахрисябзе, которые содержались за счет бухарского правительства. Начало развиваться просвещение, в котором значительную роль сыграла местная интеллигенция – джадиды. Они предложили новый звуковой метод обучения и пытались ввести в учебный процесс, помимо религиозных предметов, изучение родного языка и литературы, математики, истории, географии и других светских наук.

С.А. Айни отмечал о первой новометодной школе, открывшейся в Самарканде в 1903 году – «школе Шакура», основанной муллой Абдукадыром Шакури [1, с. 81]. Джадиды мечтали о народном просвещении и освобождении от духовного застоя. В культурной программе джадида Махмуда Ходжа Бекбуди ставились такие задачи: дети должны знать тюркский (узбекский) язык быта и семьи, форси (таджикский) для развития языка поэзии и культуры, арабский язык для изучения религии, русский – для развития экономики, а также один из европейских языков (английский, немецкий или французский) для выхода на международный уровень [18, с. 68].

Таким образом, благодаря проведенным преобразованиям в системе традиционных условий жизни среднеазиатского населения и культурно-хозяйственным изменениям в Туркестане, были созданы государственная система здравоохранения и новая система народного образования, учитывающие интересы культурного обновления коренного населения. Эти преобразования оказали значительное влияние на население современного Северного Таджикистана, в состав которого входил Ходжендский уезд.

Строительство внутренних дорог и сообщений дало толчок к развитию и преобразованию натурального хозяйства в товарно-денежное, а также способствовало приобщению региона к российской капиталистической экономике. В этом процессе значительную роль сыграло строительство железных дорог, которые способствовали развитию хлопководства в Средней Азии, продукция которого отправлялась в Россию.

Начали строиться хлопкоочистительные заводы и маслобойные предприятия, расширялась нефтедобыча, угледобыча, а также добыча соли, серы, золота и меди. Развивались кожевенная, мыловаренная, мукомольная, винодельческая и другие отрасли промышленности.

Подводя итоги по вопросу о влиянии европейской культуры на Среднюю Азию, можно выделить несколько ключевых этапов:

Во-первых, восточные и западные культуры и цивилизации не могли развиваться исключительно в пределах своих территорий. Они распро-

странялись как на запад, так и на восток континента, внося значительный вклад в мировой ренессанс.

Во-вторых, в XVI-XVII веках Средняя Азия переживала экономический, политический и научно-культурный кризис. В этот период влияние европейской культуры стало проявляться в завоевательской и колонизаторской формах, особенно со стороны России.

В-третьих, во второй половине XIX века в истории региона наблюдается активное научное изучение Средней Азии. Произошли значительные изменения в экономике и сельском хозяйстве, что способствовало интеграции народного хозяйства в капиталистическую систему. Открывались больницы, реформировалось образование: в школах начали вводить новые дисциплины, такие как родной язык и литература, математика, история, география и другие светские науки.

Литература

1. Айни С. История Бухарской революции. - Душанбе: Адиб, 1987.
2. Бартольд В.В. Место иранцев, Ирана и иранской культуры в мировой истории. - Ч.1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hojjanusreddin.livejournal.com/1893212.html> (дата обращения: 23.10.2025).
3. Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). - М.: Институт востоковедения РАН, 2005. - 312 с.
4. Вахабов М.Г. О социально-экономических предпосылках восстания 1916 года в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. - 1982. - № 1. - С. 12–21.
5. Гете И.В. Западно-восточный диван/ Литературные памятники. - М.: Наука, 1988. - 566 с.
6. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. - М.: Искусство, 1972. - 318 с.
7. Деяния франков и прочих иерусалимцев: перевод на русский язык и комментарий: учебно-методическое пособие / Т.Г. Мясин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. - Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2010. - С. 32.
8. Древности Таджикистана: каталог выставки / Акад. наук Тадж. ССР, Гос. Эрмитаж; отв. ред. Е.В. Зеймаль. - Душанбе: Дониш, 1985. - 343 с.
9. Зияева Д.Х. Восстание 1916 года в Туркестане в современной англо-американской буржуазной историографии // Общественные науки в Узбекистане. - 1986. - № 7. - С. 48–54.
10. Иовенко В.А. Школа переводчиков в Толедо, или откуда корни нашей профессии // Мосты: журнал переводчиков. - 2008. - № 4 (20). - С. 60–65.
11. История всемирной литературы: в 9 т. / Согдийская литература; под ред. И.С. Брагинского и др. - М.: Наука, 1983–1984. - Т. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.textologia.ru/literature/istor-liter-centr-zapad-azii/literatura-zapadnoj-azii/sogdiyskaya-literatura/4246/?q=471&n=4246> (дата обращения: 23.10.2025)
12. Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии. - Самарканд: МИЦАИ, 2022. - 248 с.

13. Ковалев П.А., Рахматов М. Страницы строительства Бухарской железной дороги в 1914–1916 годах // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Вып. 142. - Ташкент: САГУ, 1958. - С. 79-90.
14. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию: материалы к истории изучения Средней Азии. - Ч. II: 1856–1869 гг. - Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. - 135 с.
15. Пославская О.А., Мандельштам С.Л. Обзор десятилетней (1883–1894) деятельности амбулаторной лечебницы для женщин и детей в Ташкенте. - Ташкент, 1894. - 35 с.
16. Пославская О.А., Мандельштам С.Л. Успехи русской медицины среди туземцев // Туркестанский курьер. - 1909. - № 172; - № 173.
17. Рашидов И., Мырза-Ахмедов М. К изучению джадидского движения // Общественные науки в Узбекистане. - Ташкент, 1990. - № 7. - С. 58–61.
18. Садыков А.С. Некоторые вопросы освободительного движения в Хивинском ханстве в конце XIX в. // История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX - начала XX века в Средней Азии и Казахстане: итоги, поиски, перспективы изучения: сборник статей. - Ташкент: Фан, 1989. - С. 68–75.
19. Согдийский сборник: сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. - Л.: Изд-во АН СССР, 1934. - 122 с.
20. Страбон. География: в 17 кн. / Классики науки; пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко. - Л.: Наука, 1964. - 944 с.
21. Турсунов Х.Т. Восстание 1916 года в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. - 1976. - № 8. - С. 3–11.
22. Умняков И.И. К истории новометодной школы в Бухаре. - Ташкент, 1927. - С. 81–99.
23. Центральная Азия в кушанскую эпоху: труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (г. Душанбе, 27 сентябрь - 6 октябрь 1968 г.) / Ред. коллегия: Б.Г. Гафуров и др. // АН СССР. Ин-т востоковедения. - Т. 1. - М.: Наука, 1974. - 354 с.
24. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. - Алматы: Дайк-Пресс, 2001. - 384 с.
25. Юсупов Э.Ю., Зияев Х.З. О характере восстания 1916 года в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. - 1981. - № 4. - С. 16–28.

THE INFLUENCE OF EUROPEAN CULTURE ON CENTRAL ASIA

Abdulvohidov Rakhmatullo Mirazorovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

Ph.: (+992) 904 01 69 10 (m.)
historia.rtsu@mail.ru

This article is devoted to the history of cultural ties between the peoples of Europe and Central Asia. The relevance of this topic stems from the fact that Central Asia has represented a unified cultural and historical zone for many centuries, serving as a hub for ethnogenetic processes. Today, against the backdrop of intensifying bilateral relations between the states of Central Asia, the issue of regional integration is becoming particularly important once again.

This article examines the history, influence, and interests of Eastern and Western states, as well as their cultural interactions. Key areas of influence include the introduction of Western education systems, changes in social structures, and the introduction of new legal norms. European cultural traditions, such as literature, fine arts, and music, also had a significant influence on local cultural practices. Particular attention is paid to the historical development of the Tajik people in the second half of the 19th century, as well as the influence of European culture on Central Asia. At the same time, interaction with European culture was not without conflicts and contradictions, particularly in the context of preserving traditional values and the identity of the local population. It is important to note that representatives of Russia served as intermediaries in this process.

This article focuses on the analysis of the main aspects of the influence of European culture on Central Asia, including both positive and negative consequences, which allows for a deeper understanding of the dynamics of cultural exchange and its significance for the development of the region in a global context.

Keywords: Europe; Asia; culture; politics; national history; sphere of influence; people; architectural structures; manuscripts; civilization; integration; interaction; Great Silk Road; city; decorated sculptures; relief; painting.

ТАЪСИРИ ФАРҲАНГИ АВРУПОЙ БА ОСИЁИ МАРКАЗӢ

Абдулвоҳидов Раҳматулло Миразорович

номзади илмҳои таърих, дотсенти
кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 904 01 69 10 (м.)
historia.rtsu@mail.ru

Мақола ба таърихи робитаҳои фарҳангии байни халқҳои Аврупо ва Осиеи Марказӣ бахшида шудааст. Аҳамияти ин мавзӯ ба он вобаста аст, ки Осиеи Марказӣ дар тӯли асрҳо як минтақаи ягонаи фарҳангӣ ва таърихӣ буд, ки гиреҳи равандҳои этногенетикӣ буд. Имрӯз, дар пасманзари густариши муносибатҳои дуҷонибаи Байни Давлатҳои Осиеи Марказӣ, масъалаи ҳамгирии минтақавӣ боз ҳам муҳимтар мегардад.

Дар мақола таърих, таъсир ва манфиатҳои давлатҳои Шарқ ва Ғарб, инчунин ҳамкориҳои фарҳангии онҳо баррасӣ карда мешавад. Самтҳои асосии таъсир татбиқи системаи маорифи ғарбӣ, тағир додани сохторҳои иҷтимоӣ ва татбиқи меъёрҳои нави ҳуқуқӣ мебошанд. Анъанаҳои фарҳангии аврупоӣ, аз қабилӣ адабиёт, санъати тасвирӣ ва мусиқӣ низ ба амалияҳои фарҳангии маҳаллӣ таъсири назаррас гузоштанд. Ба раванди таърихии халқи тоҷик дар нимаи дуюми асри XIX, инчунин ба таъсири фарҳанги аврупоӣ ба Осиеи Миена диққати махсус дода мешавад. Дар айни замон, ҳамкорӣ бо фарҳанги аврупоӣ бидуни низоъ ва ихтилофҳо, алахусус дар заминаи ҳифзи арзишҳои анъанавӣ ва ҳувияти аҳолии маҳаллӣ сураат нагирифт. Бояд қайд кард, ки миенаравҳо дар ин раванд намоёндогони Русия буданд.

Ин кор ба таҳлили ҷанбаҳои асосии таъсири фарҳанги аврупоӣ ба Осиеи Миена, аз ҷумла оқибатҳои мусбат ва манфӣ, ки ба фаҳмиши амиқи динамикаи мубодилаи фарҳангӣ ва аҳамияти он барои рушди минтақа дар заминаи ҷаҳонӣ имкон медиҳад, равона карда шудааст.

Калидвожаҳо: Аврупо; Осие; фарҳанг; сиёсат; таърихи ватанӣ; соҳаи таъсир; халқ; иншооти меъморий; дастхатҳо; тамаддун; ҳамгирӣ; ҳамкорӣ; роҳи Бузурги Абрешим; шаҳр; ҳайкалҳои ороишефта; рельеф; рассомӣ.

УДК 377.12:[008+7.01](091)(575.3)

РАЗВИТИЕ СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА (1950-1980 гг.)

Аллоева Халима Ходжиевна

преподаватель

кафедры всеобщей и отечественной истории,

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 907 78 83 50 (м.)

В статье на основе архивных источников раскрывается процесс развития в 1950-1980-е годы в республике сети средних специальных учебных заведений в сфере культуры и искусства, направленных на подготовку кадров. Эти квалифицированные кадры были направлены в различные города и районы республики с целью повышения качества культурного образования.

На протяжении с 1950-х годов до конца 1980-х годов в сфере искусства чувствовалась острая нехватка специалистов среднего звена. По мере того, как улучшалась материально-техническая оснащённость учебных заведений в сфере культуры, расширялась их сеть и рос общий уровень образования в обществе, возрастала и потребность в квалифицированных кадрах.

Автор анализирует, что с конца 1950-х годов и до начала 1990-х годов система средних специальных учебных заведений в области культуры и искусства в Таджикистане претерпела изменения по нескольким направлениям: расширился перечень специальностей, по которым осуществлялась подготовка специалистов среднего звена; изменялась численность поступающих; существенно трансформировалось соотношение специалистов с различным уровнем образования.

В указанный период подготовкой специалистов для культурно-художественной сферы по-прежнему занимались музыкальные училища Сталинабада и Ленинабада, а также Республиканское художественное и Республиканское культурно-просветительное училища. В разных городах и районах республики были открыты восемь новых музыкальных школ. Благодаря этому в последующие десятилетия система среднего специального образования в области культуры заметно изменилась как количественно, так и качественно.

Ключевые слова: искусство; культура; специалисты; среднее; художественное училище; музыкальное училище; культурно-просветительное училище.

В 50-е годы сфера культуры Советского Таджикистана начала совершенствовать свою деятельность. В том числе и средние специальные учебные заведения стали готовить кадры для различных областей общественной жизни страны, и в дальнейшем часть из них сыграла огромную роль в развитии культуры и искусства Таджикистана.

Сталинабадское художественное училище им. М. Олимова, продолжая заложенные ранее традиции, смогло добиться значительного совершенствования качества преподавания, а также укрепления связи учебного процесса с производственной практикой. Основное внимание при этом уделялось конечной цели – подготовке высококвалифицированных специалистов. Преподаватели последовательно работали над совершенствованием учебно-воспитательной работы, повышением уровня профессиональной подготовки, формированием у студентов трудолюбия и устойчивых идеологических взглядов.

Во время Великой Отечественной Войны Сталинабадское художественное училище было закрыто, но после войны оно снова возобновило свою деятельность, и в 1950, 1951 и 1952 годах состоялось 3 выпуска учащихся художественно-педагогического направления подготовки с присвоением им квалификации «преподаватель рисования и черчения средней школы» - всего 43 человека, из них 18 человек местной национальности. В 1953 году в училище уже обучались 103 человека, из них 19 человек местной национальности [13; 14].

Таблица 1

**Контингент учащихся
Сталинабадского художественного училища в 1953 году**

№		1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс	Всего
1	Всего учащихся	39	22	15	12	15	103
2	Таджики	8	4	2	-	5	19
3	Узбеки	1	4	-	-	1	6
4	Бухарские евреи	2	-	2	1	-	5
5	Девушки	10	2	3	2	-	17
6	Девушки местной национальности	-	1	-	-	-	1
7	Русские	13	10	7	7	8	45
8	Прочие	5	1	1	2	1	10

Согласно приведённым в таблице 1 данным, в 1953 году в Сталинибадском художественном училище обучались 103 человека, из них: 19 - таджики, 6 были узбеками и бухарскими евреями, 17 учащихся - девушки. Таким образом, основную часть студентов составляли представители

местных национальностей. Из 103 человек было выпущено 15 человек. Из них местной национальности – 6 человек.

Художественное училище в 1953 году полностью было обеспечено специалистами. В это число входили Н.И. Дрегалин и В.П. Кранцевич, которые окончили Московский и Ленинградский художественные институты. Остальные преподаватели имели среднее художественно-педагогическое образование [10, с. 88].

Таблица 2

Выпускники Сталинабадского художественного училища с 1941 по 1953 гг.

Год выпуска	Всего учащихся	Количество выпускников	Из них местной национальности
1941	50	10	4
1950	70	13	5
1951	80	11	1
1952	92	10	1
1953	88	15	6

Национальный состав и количество учащихся по курсам Сталинибадского художественного училища по состоянию на 1 ноября 1954 г. показывает, что из 90 учащихся ровно половину составляли русские, и на втором месте - другие национальности, из числа местных таджиков училось 17 человек.

Таблица 3.

Национальный состав и количество учащихся по курсам Сталинибадского художественного училища по состоянию на 1 ноября 1954 г.

Наименование курса	Всего	в том числе национальность			
		таджики	узбеки	русские	прочие
1-й курс	13	2	-	6	5
2-й курс	38	12	3	15	8
3-й курс	17	2	4	10	1
4-й курс	11	1	-	7	3
5-й курс	11	-	-	7	4
Всего по училищу	90	17	7	45	21

На 1955-1956 учебный год было запланировано принять только 25 человек, однако, с целью довести число учащихся до установленного контингента за счет отсева студентов, было принято 55 человек, но со следующего учебного года подобный приём должен был прекращен [15, с.42-45].

Руководство Министерства культуры республики стали искать пути оптимизации подготовки кадров данных сфер деятельности. В 50-е гг. проблема подготовки кадров путем привлечения работников культурно-

просветительских учреждений на заочные отделения стала очень важной и актуальной. По данным на 1 октября 1954 года на заочное отделение Республиканской 3-х годичной школы было привлечено 216 человек, а в 1955 году их количество составило 236 человек, из них: мужчины – 34 человека, женщины – 202 человека. С 1953-1954 уч.г. был введен 4-х летний срок обучения на заочном отделении, а граждан, имеющих среднее образование, принимали сразу на 2-й курс и обучались они всего 3 года. В июне 1955 года был утверждён новый учебный план с двумя вариантами срока обучения: двухлетним и четырёхлетним. Согласно этим изменениям, выпускники с полным средним образованием проходили обучение в течение двух лет, тогда как те, кто имел семилетнее образование, учились четыре года [1].

В период с 1950 по 1955 гг. прослеживается значительный рост учащихся заочных отделений (121 человек - в 1950 г., 236 человек - в 1955 г.) [2]. Из 236 учащихся всего лишь 111 человек являлись работниками системы культурно-просветительных учреждений [6]. Увеличение количества учащихся заочных отделений обеспечивалось, к сожалению, не за счет системы культурно-просветительных учреждений. В те годы работники библиотек, клубов и культурно-просветительных учреждений были слабо охвачены системой заочного обучения, хотя среди них было много тех, кто не имел среднего специального образования. Областные управления культуры, а также городские и районные отделы культуры уделяли недостаточно внимания привлечению этих специалистов к заочному обучению. Министерство культуры Таджикской ССР регулярно отмечало это как серьёзный пробел в подготовке кадров и предлагало принять меры, чтобы обеспечить выполнение плана набора заочников, в первую очередь, за счёт работников библиотек, клубов и других учреждений культуры и просвещения.

Стоит отметить, что заочные и вечерние отделения были организованы практически при всех техникумах и училищах, что было связано с рядом постановлений, принятых в 1959 году. Так, в июле 1959 года Совет Министров СССР утвердил постановление о предоставлении льгот для студентов, обучающихся без отрыва от производства. Согласно этому документу, к ежегодному отпуску добавлялся дополнительный отпуск: для учащихся младших курсов вечерних отделений – 10 дней, для студентов заочных отделений – 1 месяц. Старшекурсники вечерних отделений получали уже 20 дней дополнительного отпуска, а заочники – 40 дней. Кроме того, на период подготовки дипломных проектов студентам предоставлялся двухмесячный освобожденный от работы отпуск, при этом заработная плата по месту работы сохранялась [11].

Подготовка музыкальных кадров имела свои особенности. Чтобы решить проблему нехватки специалистов средней квалификации из числа местных жителей, Министерство культуры Таджикской ССР планировало с 1963–1964 учебного года открыть при Душанбинском и Ленинабадском музыкальных училищах подготовительные отделения. В каждом из них планировалось принимать по 50 человек на двухлетнее обучение по таким направлениям, как народные инструменты, хоровое дирижирование, струнные и духовые инструменты.

В 1962 году из 150 выпускников Душанбинского музыкального училища 57 человек были представители местной национальности. Большинство из них продолжили работать в республике – в Театре оперы и балета имени С. Айни, в Государственной филармонии, а также в детских музыкальных и общеобразовательных школах. За весь период работы училища в консерваторию страны поступило 80 человек, и уже в 1962 году около 50 выпускников продолжили там обучение. В то время училище включало восемь отделений: фортепианное, теоретико-композиторское, дирижерско-хоровое, вокальное, отделение народных инструментов, духовых инструментов, струнное, а также класс баяна и актерское отделение. В общей сложности на этих отделениях обучалось 264 студента, из них 135 человек местной национальности. Педагогический коллектив насчитывал 82 преподавателя, из которых 42 имели высшее профессиональное образование [7, с.235].

Следующим учебным заведением, готовившим кадры для сферы культуры и искусства, было Республиканское культурно-просветительное училище. В 1962 году здесь работало только два курса, куда в целом было зачислено 225 человек. Заочно учились 125 студентов, которых готовили стать организаторами клубных мероприятий и библиотечными работниками.

В дневном отделении на базе неполного среднего образования обучали будущих специалистов в области библиотечного дела, театра, хорового дирижирования, танцевального искусства и работы в оркестре. По мере того, как в разных сферах культуры возникала потребность в новых кадрах, состав училища пополнялся новыми направлениями. Так, в 1963 году открылось отделение хореографии.

Квоты на учебу рассылались практически по всем районам республики, а именно в девятнадцать районов. Однако, к 1966 году из 1002 работников клубов и библиотек только 781 человек имел профильное образование, что составляет 78% от общего количества. При этом лишь 269 из них учились на заочном отделении вузов и техникумов. Учитывая эту ситуацию, министр культуры распорядился увеличить план набора на 1966

год до 150 человек вместо прежних 90 [8, с.385]. Главной задачей Республиканского культурно-просветительного училища оставалась подготовка кадров для библиотек и клубов, особенно в сельской местности.

Недостаточное внимание в музыкальных училищах обращалось на обучение девушек местной национальности. Например, в Сталинабадском музыкальном училище из 283 студентов, местной национальности было всего лишь 13 девушек. Несколько лучше, но тоже недостаточно, велась работа в Ленинабадском музыкальном училище.

Таким образом, в системе Управления искусств функционировало 3 средних учебных заведения – музыкальные училища в городах Сталинабад и Ленинабад и Художественное училище с одиннадцатью отделениями в городе Сталинабад. В 1960-1961 учебном году в них будет вновь принято 205 студентов, выпущено 112 молодых специалистов. Контингент студентов составит 695 человек, что на 47 человек больше, чем в текущем учебном году. Кроме того, при Художественном училище намечается открытие вечерних учебных классов, а при Ленинабадском и Сталинабадском музыкальных училищах - вечерних и заочных отделений и подготовительных курсов.

Например, если в 1957 году контингент музучилища составил 372 человека, то в 1960 году он увеличился до 487 чел., т.е. наблюдалась положительная динамика и увеличение контингента на 115 человек [18, с.45].

Таблица 4.

Развитие училищ и школ подготовки работников искусств

	1957 г.		1958 г.		1959 г.		1960 г.	
	Сеть	Контингент	Сеть	Контингент	Сеть	Контингент	Сеть	Контингент
Музучилище	2	372	2	411	2	462	2	487
Художественное училище	1	174	1	170	1	190	1	208
Всего по училищам	3	546	3	581	3	652	3	695

Ежегодно, по внеконкурсному приему на специально выделенные места, республика направляла на обучение в высшие и средние специальные учебные заведения культуры и искусства страны от 40 до 50 человек. В итоге, за период с 1958 по 1991 годы музыкальные училища Сталинабада и Ленинабада, включая дневную, вечернюю и заочную формы обуче-

ния, подготовили около четырёх тысяч специалистов в области музыки [17; 24].

Средние специальные учебные заведения представляли собой одно из ключевых звеньев системы подготовки кадров для различных сфер общественной жизни, в том числе культуры и искусства. На протяжении 1960-х – конца 1980-х годов проблема обеспечения сферы искусства специалистами со средним образованием сохраняла свою актуальность. С развитием материально-технической базы учреждений культуры, расширением их сети, а также ростом общего уровня образования населения потребность в квалифицированных кадрах неуклонно увеличивалась. В этот период подготовку специалистов в области искусства и культуры в республике осуществляли музыкальные училища в городах Сталинабад и Ленинабад, Республиканское художественное училище, а также Республиканское культурно-просветительное училище.

Таблица 5.

**Прием в ССУЗы сферы культуры и искусства по видам обучения
(без дневных отделений)**

	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.
На вечернее отделение	110	148	32	-
На заочное отделение	125	174	221	278

Согласно данным, представленным в таблице, зафиксировано лишь незначительное увеличение числа студентов, зачисленных на вечерние отделения, а в 1980-х годах даже отмечается спад. В то же время количество учащихся, принятых на заочную форму обучения, с 1960 по 1990 годы возросло почти в полтора раза. Сокращение приема на вечерние отделения можно объяснить уменьшением числа выпускников полных средних школ в 1980 году, поскольку именно они составляли основную часть абитуриентов, поступавших на вечернюю форму обучения в средние специальные учебные заведения республики [3].

Таким образом, специалисты средней квалификации по культуре и искусству готовились в республиканских музыкальных и художественных училищах и других средних специальных учебных заведениях республики. Только в 1973 году в городах и районах республики было распределено более 660 выпускников средних специальных учебных заведений системы Министерства культуры. В этом же году на первые курсы этих учебных заведений было принято 1020 учащихся [13, с.31].

Иным способом подготовки специалистов для учреждения искусств и культуры являлось направление юношей и девушек в вузы братских рес-

публик по внеконкурсному приему. Число предоставляемых республике мест ежегодно увеличивалось: если в 1971 г. на учебу было послано 23 человека, то в 1973 г. – 39 чел. [9, с.400]. Вместе с тем, коллегия Министерства культуры Таджикской ССР, проанализировав в июле 1975 г. состояние подготовки творческих кадров, признала, что республика не всегда в полной мере использует предоставляемые места в вузах страны для обучения таджикской молодежи. В связи с этим ощущается острая нехватка специалистов различных профилей, в частности квалифицированных музыкантов и певцов.

Постановлением Центрального комитета КП Таджикистана и Совета министров Таджикской ССР от 18 июня 1975 г., учитывая большие заслуги народного художника Таджикской ССР Мирзорахмата Олимова в развитии изобразительного искусства и в подготовке и воспитании молодых специалистов в республике, Республиканскому художественному училищу присвоили имя народного художника Таджикской ССР М.Олимова и переименовали его на Республиканское художественное училище имени М.Олимова.

В целом, за период с 1958 по 1989 годы Душанбинское музыкальное училище подготовило около 2000 специалистов в области музыки, включая выпускников дневного, заочного и вечернего отделений [17, с. 396].

Для организации набора учащихся в Республиканское культурно-просветительное училище на 1981-1982 учебный год по приказу дирекции в мае 1981 года группа преподавателей была командирована в бывшие Кулябскую и Курган-Тюбинскую области и Гармскую группу районов. Уделяя особое внимание набору абитуриентов в русские группы (ввиду постоянного недобора), в том же году дирекция училища командировала всех женщин-педагогов русских групп в Гиссар, Турсунзаде, Ордженикидзе-абад, Нурек, Яван, Ленинабадскую, Курган-Тюбинскую области и в Куйбышевский район [4].

Количество заявлений, количество допущенных абитуриентов к сдаче вступительных экзаменов и сами результаты сдачи вступительных экзаменов были очень впечатляющими по сравнению предыдущими учебными годами. Так, например, на библиотечное отделение дневного обучения: на базе 8 классов (при плане 40 человек) поступило 38 заявлений, как и в прошлом году; на базе 10 классов (план 40) подано 78 заявлений - на 10 человек больше по сравнению с прошлым годом. На клубное отделение, готовившее руководителей самодеятельного оркестра народных инструментов: на базе 8 классов (план 20) поступило 59 заявлений; на базе 10 классов (план 25) поступило 99 заявлений. В группы руководителей само-

деятельного драматического коллектива: на базе 8 классов (план 20) подано 30 заявлений; на базе 10 классов (план 25) подали 71 заявление [4].

По заочному обучению на библиотечное отделение при плане 75 чел. подано 97 заявлений, а на клубное отделение, где план составлял 25 чел, подано 44 заявления [21, с.315].

Всего по дневному обучению подано 365 заявлений, что составляет 2,14 ч. на одно место, как и в прошлом году. Из них, 100 человек по дневному и заочному отделению - девушки местной национальности. Всего по заочному отделению при плане 100 человек было подано 141 заявление - 1,44 чел. как и в прошлом году. Всего, по общей сводной ведомости, поступило заявлений от абитуриентов из 43 районов и областей республики. Особенно много абитуриентов было из Кулябской области - 96 человек, ГБАО – 51 человек, Курган-Тюбинской области - 41 человек. Это стало подтверждением, что преподаватели, командированные в эти группы районов: Т.Собиров, З.Хайдаров, А.Каримов, К.Сарфарозов отнеслись к своим обязанностям ответственно.

Однако следует отметить, что преподаватели русских групп, командированные для набора учащихся, отнеслись к своим обязанностям недостаточно серьезно и не на должном уровне. Такой вывод напрашивается, исходя из очень замедленного, вялого поступления заявлений в русские группы. В результате, ни о каком конкурсе в эти группы речи не было. Были приняты все, кто подал заявление. В русскую группу библиотечного отделения на базе 10 классов было зачислено 10 человек таджиков, не прошедших по конкурсу на клубное отделение. С каждым из них было проведено собеседование с целью выявления практического владения русским языком. На 1 курс библиотечного отделения на базе 8 классов было подано 18 заявлений [5].

С конца 1950-х годов и до начала 1990-х в системе среднего специального образования в области культуры Таджикистана произошло много изменений: изменилось число преподавателей, сократилось количество тех, кто работал по совместительству, увеличилось число учащихся, видоизменился состав специальностей и так далее. Если в 1958 году штатных педагогов с высшим образованием было 216 человек, то к 1991 году их стало уже 310. Одновременно с этим, общее число студентов выросло с 450 до примерно 2000 человек [19, с.36].

Начиная с конца 1950-х годов и вплоть до начала 1990-х, система средних специальных учебных заведений в области культуры и искусства в Таджикистане изменилась по нескольким направлениям. Во-первых, увеличился список специальностей, по которым готовили специалистов сред-

него звена: если в 1958 году таких направлений было 11, то к 1990 году их стало 26.

Второе изменение касалось количества новых поступающих. Если в 1960 году в ССУЗы приходило около 200 человек, то к 1970 году этот показатель вырос до 570. Однако к 1990 году число вновь зачисленных немного снизилось и составило около 490 человек. При этом, за эти три десятилетия заметно увеличилось количество абитуриентов-заочников.

Такие изменения количества абитуриентов и учащихся на вечерних отделениях можно объяснить несколькими причинами. В 1970-е годы среди работающих людей, не имеющих полного среднего образования, было много тех, кто стремился без отрыва от производства получить среднее специальное образование. Именно эти люди (те, кто работал и учился параллельно) составляли более половины всех поступающих в художественное училище, культпросветучилище и музыкальные училища на вечерние и заочные отделения. В 1970 году их доля достигала 53 % от общего числа абитуриентов. Но уже к середине 1980-х годов таких работающих студентов стало значительно меньше, и поэтому на вечерние отделения стали поступать лишь единицы.

Третье важное изменение касалось соотношения специалистов с разными уровнями образования. В 1960 году на одного человека с высшим образованием в сфере культуры республики приходилось примерно 1,6 человека со средним специальным образованием. Однако, к концу 1970-х годов потребность производства была такова, что соотношение должно было приблизиться к 1:4, то есть на каждого высшего специалиста приходилось бы четыре средних. Именно поэтому в 1970-ые и в начале 1980-х годов сети ССУЗов активно стали наращивать выпуск специалистов со средним образованием. Тем не менее, даже к 1989 году добиться соотношения 1:4 не удалось.

В целом, за анализируемый период (1970-1989 годы) удельный вес специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве республики вырос с 35,9 % до 43,3 %, в то время как доля кадров со средним специальным образованием снизилась с 64,1 % до 56,7 %. Эти цифры наглядно показывают, что к концу 1980-х годов республике всё ещё не хватало специалистов среднего звена, хотя подготовка таких специалистов была в активной стадии развития [19, с. 26].

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1974 году приняли постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию руководства средними специальными учебными заведениями и по улучшению качества подготовки специалистов со средним специальным образованием», на основании которого руководство техникумами и училищами сосредоточилось в

меньшем числе министерств и ведомств, и средние специальные учебные заведения специализировались по отраслевому принципу с учетом необходимой кооперации в подготовке специалистов. При Министерстве высшего и среднего специального образования СССР были созданы Совет по среднему специальному образованию и Государственная инспекция [12].

На протяжении 1960-х до конца 1980-х годов острая нехватка специалистов среднего звена в сфере искусства не исчезла. По мере того как улучшалась материально-техническая оснащённость учреждений культуры, расширялась их сеть и рос общий уровень образования в обществе, росла и потребность в квалифицированных кадрах. В этот период подготовкой специалистов для культурно-художественной сферы по-прежнему занимались музыкальные училища Сталинабада и Ленинабада, а также Республиканское художественное и Республиканское культурно-просветительное училища.

В 1950-1960 годах Министерство культуры Таджикской ССР открыло 8 новых музыкальных школ в разных городах и районах республики. Благодаря этому в последующие десятилетия система среднего специального образования в области культуры заметно изменилась, как количественно, так и качественно. Изменилась численность преподавателей, число совместителей сократилось, возросло общее количество учащихся, появились новые специальности, и некоторые устаревшие направления ушли в прошлое.

Литература

1. Годовой отчет 1955 г. О работе Республиканской 3-х годичной школы по подготовке культурно-просветительных работников в 1955 г. // ТАМК РТ. Папка отчеты 1955 г. лл. 40-43 .
2. Годовой отчет 1958 г. Справка о подготовке кадров культурнопросветительных учреждений за 1956-1958 гг. // ТАМК РТ. Папка отчеты лл. 1-12.
3. Годовой отчет 1970 г. Справка о состоянии подготовки кадров высшей и специальной квалификации по системе Министерства культуры Таджикской ССР. // ТАМК РТ. Папка отчеты лл. 1-20.
4. Годовой отчет 1982 г. Текстовый отчет о работе приемной комиссии Республиканского культурно-просветительного училища в 1981-1982 учебном году. // ТАМК РТ. Папка отчеты лл. 1-25.
5. Годовой отчет 1982 г. Текстовый отчет о работе Республиканского культурно-просветительного училища в 1981-1982 учебном году. // ТАМК РТ. Папка отчеты лл. 1-10.
6. Годовой отчет 1985 г. Текстовый отчет о проведении сессии студентов заочного отделения Республиканской 3-х годичной школы по подготовке культурно-просветительных работников. // ТАМК РТ. Папка отчеты лл. 21-25.

7. История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.). - Т.2. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.235.
8. История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.). - Т.2. – Душанбе: Дониш, 1983. – С.385.
9. История культурного строительства в Таджикистане (1917-1977 гг.). - Т.2. - С. 400.
10. Мухиддинов С.Р. Русские художники в Таджикистане: (вторая половина XIX - 80-х гг. XX века). – Душанбе: изд-во РТСУ, 2012. – С.88.
11. Постановление Совмина СССР от 02.07.1959г, №720 «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений» [Электронный ресурс]. - URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5424.htm (дата обращения: 07.09.2017 г.).
12. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22.08.1974г., №656 «О мерах по дальнейшему совершенствованию руководства средними специальными учебными заведениями и об улучшении качества подготовки специалистов со средним специальным образованием» [Электронный ресурс]. - URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8396.htm (дата обращения: 15.09.2017 г.).
13. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 105. - Л. 31.
14. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 106. - Л. 19.
15. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 166. - Л. 42-45.
16. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 396.
17. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 557. - Л. 24.
18. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 557. - Л. 45.
19. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 4 ед. хр. - № 246. - Л. 36.
20. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 4 ед. хр. - № 256. - Л. 26.
21. ЦГА РТ. Ф. №1483 оп. № 1 ед. хр. - № 315.

DEVELOPMENT OF SECONDARY SPECIALIZED EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND TRAINING OF PERSONNEL IN THE FIELD OF CULTURE AND ART (1950-1980)

Alloeva Khalima Khodzhievna

Lecturer

of the Department of General and National History,
Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 907 78 83 50 (m.)

Based on archival sources, the article reveals the development process in the 1950s and 1980s in the republic of a network of secondary specialized educational institutions in the field of culture and art aimed at training personnel. These qualified personnel were sent to

various cities and districts of the republic in order to improve the quality of cultural education. From the 1950s to the end of the 1980s, there was an acute shortage of mid-level specialists in the field of art. As the material and technical equipment of educational institutions in the field of culture improved, their network expanded and the general level of education in society increased, the need for qualified personnel also increased. The author analyzes that from the late 1950s to the early 1990s, the system of secondary specialized educational institutions in the field of culture and art in Tajikistan underwent changes in several directions: the list of specialties in which mid-level specialists were trained expanded; the number of applicants changed; the ratio significantly changed specialists with different levels of education. During this period, the music schools of Stalinabad and Leninabad, as well as the Republican Art and Republican Cultural and Educational Schools, continued to train specialists in the cultural and artistic sphere. Eight new music schools were opened in different cities and districts of the republic. As a result, in the following decades, the system of secondary specialized education in the field of culture has significantly changed both quantitatively and qualitatively

Keywords: art; culture; specialists; secondary; art school; music school; cultural and educational college.

РУШДИ МУАССИСАҲОИ ТАҲСИЛОТИ МИЕНАИ МАҲСУС ВА ТАЙЕР КАРДАНИ КАДРҲОИ СОҲАИ ФАРҲАНГ ВА САНЪАТ (1950-1980)

Аллоева Халима Ходжиевна

омӯзгори

кафедраи таърихи умумӣ ва ватании,

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 907 78 83 50 (м.)

Дар мақола дар асоси манбаъҳои бойгонӣ раванди рушди солҳои 1950-1980 дар ҷумҳурӣ шабакаи муассисаҳои таҳсилоти миенаи махсус дар соҳаи фарҳанг ва санъат, ки ба тайер кардани кадрҳо равона шудаанд, ошкор карда мешавад. Ин кадрҳои соҳибхтисос бо мақсади баланд бардоштани сифати таҳсилоти фарҳангӣ ба шахру ноҳияҳои гуногуни ҷумҳурӣ фиристода шуданд. Дар тӯли солҳои 1950-ум то охири солҳои 1980-ум дар соҳаи санъат норасоии шадиди мутахассисони дараҷаи миена эҳсос мешуд. Бо бехтар шудани таҷҳизоти моддию техникаи муассисаҳои таълимӣ дар соҳаи фарҳанг, шабакаи онҳо васеъ шуд ва сатҳи умумии таҳсилот дар ҷомеа афзоиш ёфт, талабот ба кадрҳои баландхтисос низ афзоиш ёфт. Муаллиф таҳлил мекунад, ки аз охири солҳои 1950-ум то аввали солҳои 1990-ум низоми муассисаҳои таҳсилоти миенаи махсус дар соҳаи фарҳанг ва санъат дар Тоҷикистон дар якҷанд самт тағйирот ба амал овард: номгӯи ихтисосҳое, ки аз рӯи онҳо мутахассисони зинаи миена тайер карда мешуданд, васеъ гардид; шумораи дохилшавандагон тағйир ёфт; таносуби мутахассисон бо сатҳҳои гуногуни таҳсилот ба таври назаррас тағйир ёфт. Дар ин

давра, оmodасозии мутахассисон барои соҳаи фарҳангӣ-бадеӣ ҳанӯз ҳам аз ҷониби мактабҳои Музикии Сталинобод ва Ленинобод, инчунин Мактабҳои ҷумҳуриявии бадеӣ ва ҷумҳуриявии фарҳангӣ-маърифатӣ идома дошт. Дар шаҳру ноҳияҳои гуногуни ҷумҳурӣ ҳафт мактаби нави музикаӣ кушода шуд. Ба шарофати ин, дар даҳсолаҳои минбаъда системаи таҳсилоти миенаи махсус дар соҳаи фарҳанг ҳам аз ҷиҳати миқдорӣ ва ҳам аз ҷиҳати сифатӣ ба таври назаррас тағйир ефт.

Калидвожаҳо: санъат; фарҳанг; мутахассисон; мактаби миена; мактаби санъат; мактаби музикаӣ; мактаби фарҳангӣ-маърифатӣ

УДК 168.5

КРАТКИЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ К СИСТЕМНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЗНАНИЙ И НАУК

Музаффари Мухаммад Али

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент,
директор Центра антропологии,
Национальная академия наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33
Тел.: (+992) 900 51 26 93 (м.)

В статье осуществлён философско-методологический анализ проблемы системной классификации знаний и наук как одной из ключевых задач современного науковедения. Автор рассматривает классификацию наук не только как инструмент упорядочивания научного знания, но и как фундаментальное основание для выявления логических, онтологических и гносеологических взаимосвязей между различными областями познания. Особое внимание уделяется историческим формам классификации наук, представленным в трудах Платона, Аристотеля, аль-Фараби, Ф. Бэкона, Г. В. Ф. Гегеля, О. Конта и Б. М. Кедрова, что позволяет проследить эволюцию принципов систематизации знаний в контексте развития философской и научной мысли Востока и Запада.

В работе обосновывается исходная роль онтологии и гносеологии как базовых наук, из которых вытекают общие и частные фундаментальные онтологические и гносеологические дисциплины. Предлагается разграничение априорных и апостериорных наук, а также анализируется место математики и логики как универсальных априорных инструментов научного познания. Существенное внимание уделено антропологии как системообразующему звену, объединяющему различные уровни научного знания и обеспечивающему целостность классификации наук. В заключение подчёркивается значение системной классификации для организации научных исследований, образовательного процесса и формирования номенклатуры научных специальностей

Ключевые слова: системная классификация знаний; классификация наук; онтология; гносеология; априорные и апостериорные науки; философия науки; антропология; методология научного познания; иерархия наук; науковедение.

Классификация наук - это исследовательское направление в области науковедения. Она рассматривает вопросы раскрытия взаимной связи наук на основе определённых принципов (объективных, субъективных, координи-

нации, субординации и т.д), выявляет их связь в виде логически обоснованного расположения наук. В классификации наук значительную роль играют методы их формального представления, такие как табличные и графические формы. Классификация наук имеет важное значение для организации научной и учебно-педагогической деятельности. Она является представляет собой фундамент для формирования номенклатуры научных специальностей, в рамках которых осуществляется присуждение ученых степеней.

Основанием для современной классификации наук являются существующие исторические форма классификации наук. Для иллюстрации исторических форм классификации наук приведем примеры классификаций, предложенные известными мыслителями, занимавшимися данной темой. Кроме того для создания системной классификации знаний и наук необходимо определить место философии в ней. Определенность места философии в классификации позволяет систематизировать онтологические и гносеологические науки в строго логическом порядке и выделить априорные науки от апостериорных.

Образцы из истории классификации наук

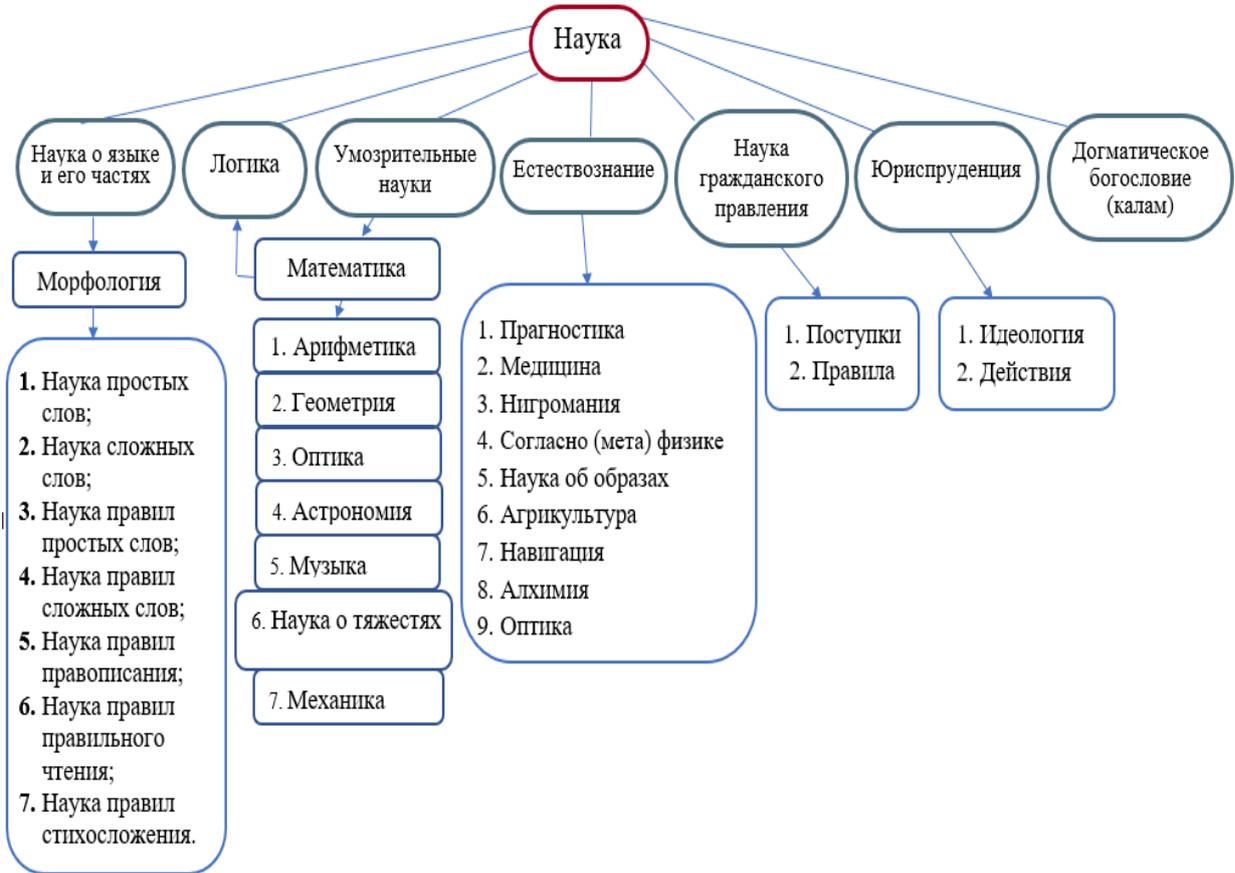
Классификация наук по Платону и Аристотелю [4; 19].

Классификация наук по Гегелю [8].

Классификация наук по Фараби [1].

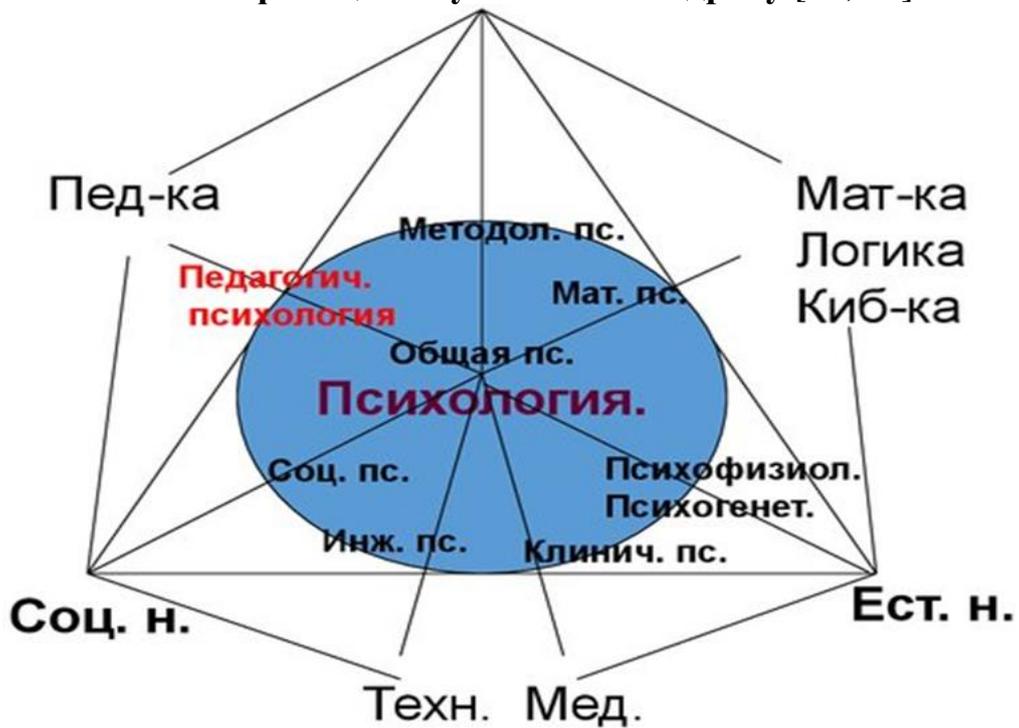
Классификация наук по Ф. Бекону [6].

Классификация наук по О. Конту [16].

Классификация наук по Б.М. Кедрову [14; 15].

Таким образом, критериями для создания системной классификации могут быть:

- а) наличие (определенность) объекта и предмета науки;
- б) соблюдение принципов общелогических методов, а также, принципа координации и субординации в изложении научных фактов;
- г) учет достижения в области классификации наук;

Онтология и гносеология являются исходными (изначальными) научными знаниями в градации наук вообще. Данное утверждение подтверждается историей развития знаний и наук в Древней Греции, а также содержанием Вед, Авесты и произведений известных мыслителей как Запада, так и Востока.

Объект онтологии - бытие, предмет - формы бытия. Объект гносеологии - знание, предмет - формы знания. Обычно объект науки бывает шире, чем её предмет. Поскольку онтология и гносеология являются исходными науками, содержание объема, объекта и предмета онтологии и гносеологии идентичны. Объект и предмет других наук, кроме онтологии и гносеологии, по объему и содержанию являются различными.

Космологические, антропологические, социологические, технологические и сельскохозяйственные науки относятся к категории общих апостериорно-онтологических наук. На основании их принципов и выводов можно выделить априорно-гносеологические науки, которые осуществляют познание на основе предшествующих знаний и теоретических предпосылок.

Из исходных наук, таких как онтология и гносеология, вытекают общие фундаментальные онтологические науки, к которым относятся космология, антропология, социология, технология и агрономия. В свою очередь, к фундаментальным гносеологическим наукам можно отнести геометрию, математику, диалектическую логику, психолингвистику, интуиционистику и текстологию.

К частным фундаментальным наукам в области космологии можно отнести следующие дисциплины: астрономия, физика, механика, география, гидрология, энергетика, биология, экзобиология, генетика, ботаника, химия, зоология, паразитология, вирусология, метеорология, радиология, экология и эфирология.

К частным фундаментальным наукам из антропологических наук можно отнести следующие: антропогенез, нусология, психолингвистика, биохимия человека, соматология, морфология, физиология, анатомия, аксиология, этика, эстетика, характерология, сотериология, кармалогия, та-

натология. Из социологических наук: этнология, палеонтология, культурология, археология, этногенез, история стран и народов мира, история природы, юриспруденция, политология, экономика, этнопсихоллингвистика.

Математика, как априорная наука, обладает сходством с рядом других научных областей, включая логику, психоллингвистику, интуиционистику и текстологию. Она представляет собой инструмент количественной оценки разнообразных познавательных процессов, выполняя измерительную функцию. В качестве гносеологической науки, математика служит универсальным измерительным средством для всех наук. Необходимо отметить, что математика является имманентной частью более широкой сферы естественных и прикладных наук, таких как физика, астрофизика, биохимия, геология, метеорология, эфирология, технологии и экономика. В каждом из этих направлений математика обеспечивает необходимый количественный и качественный анализ, что подчеркивает её неотъемлемую роль как в теоретических разработках, так и в практическом применении научных знаний.

Логика, являясь наукой о правильных формах мышления и мыслительных процессах, служит аксиологическим инструментом для всех наук. Таким образом, логика, как и математика, представляет собой всеобъемлющую априорную науку.

Метафизика представляет собой специализированную область знаний, посвящённую исследованию информационного поля пространственно-временного континуума. Неопределённость границ метафизики способствовала возникновению мифологических, религиозных и богословских представлений о мире. Кроме того, эта неопределённость послужила основой для развития философских и философско-метафизических знаний.

Космология является общей апостериорно-гносеологической наукой.

Антропология является общей апостериорно-гносеологической и апостериорно-онтологической наукой. Антропология в её системной форме, то есть системная антропология, является связующим звеном между науками и объединяет общие и частные фундаментальные науки в единое целое. Объектом антропологии является человек. Он выступает, как объект этой науки и одновременно, как субъект всех наук без исключения.

Существуют методы антропологического подхода для изучения социальных, исторических и культурологических вопросов и проблем. В конце XX века на Западе формировались научные антропологические направления в социологии, культурологии и других гуманитарных науках,

такие как социальная, культурная, юридическая, политическая, медицинская антропология и др. Эти области знания в совокупности образуют систему отраслевых антропологий. Определить объект и предмет вышеупомянутых наук представляется невозможным.

В связи с этим они не могут быть отнесены к разряду общих и частных фундаментальных наук. В этой связи, они не могут быть включены в разряд общих и частных фундаментальных наук.

Среди перечисленных научных направлений антропология тесно связана с медициной, педагогикой и криминалистикой. Эта связь обусловлена тем, что человек является объектом изучения как в медицине, так и в педагогике и криминалистике.

Таким образом, из отраслевых антропологий «медицинская», «педагогическая» и «криминалистическая» антропологии являются как формально, так и содержательно ближе к антропологии, чем к другим гуманитарным наукам.

Социология представляет собой апостериорно-онтологическую науку, объединяющую все социальные науки, включая исторические и культурологические научные направления.

Методология представляет собой науку, направленную на изучение форм познания, таких как рассудочная, рациональная, интуитивная и текстологическая. Она сформировалась из познавательной потребности человека, исходящей из различных форм познания. Таким образом, методология может быть определена как гносеологическая наука.

Науки, изучающие пять великих элементов мироздания, занимают особое место в системе наук о природе. К таким наукам относятся: геология (земля), гидрология (вода), энергетика (огонь), метеорология (воздух) и эфириология (эфир).

Литература

1. Аль-Фараби. О разуме и науке: [пер. с араб.] / Вступ. статья А.Х. Касымжанова, с. V-XXI/ Примеч. Б.Я. Ошеревич, Е.Д. Харенко// АН КазССР. Ин-т философии и права. - Алма-Ата : Наука, 1975. - 113 с.
2. Аль-Фараби. Логические трактаты: [пер. с араб.] / Вступ. статья А.Х. Касымжанова. - Алма-Ата: Наука, 1975. - 671 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. [пер. с древнегреч.]. - Т. 2. - М.: Мысль, 1976–1984. - (Филос. наследие).
4. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. [пер. с древнегреч.]. - М.: Мысль. 1976-1984. - (Филос. наследие).
5. Баград М.В. Общая классификация наук и её связь с библиотечной

- классификацией / Латв. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. П. Стучки. - Рига: Звайгзне, 1967. - 169 с.
6. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. - Т. 1. - М.: Мысль, 1977. - 567 с.
 7. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. - Т.2. - М.: Мысль, 1978. - 575 с.
 8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Философское наследие. АН СССР. Ин-т философии. - Т. 1- М.: Мысль, 1974-1977. - 451 с.
 9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Отв. ред. Е.П. Ситковский; Ред. коллегия: Б.М. Кедров и др. // Философское наследие АН СССР. Ин-т философии. Философия духа. - Т. 3. - М.: Мысль, 1977. - 471 с.
 10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Отв. ред. Е.П. Ситковский; Ред. коллегия: Б.М. Кедров, М.М. Розенталь // Философское наследие. АН СССР. Институт философии. Философия природы. - Т. 2. - М.: Мысль, 1975. - 695 с.
 11. Гражданников Е.Д. Метод построения системной классификации наук / Отв. ред. О.С. Разумовский//АН СССР, Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. - Новосибирск: Наука, 1987. - 118 с.
 12. Джахая Л.Г. Классификация наук как философская и науковедческая проблема. - Сухуми: Алашара, 1969. - 256 с.
 13. Ибн-Сина. Даниш-намэ: Книга знания / пер. и предисл. акад. д-ра философ. наук проф. А.М. Богоутдинова// Академия наук Таджик. ССР. Таджик. гос. ун-т. Декада таджик. литературы и искусства. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. - 286 с.
 14. Кедров Б.М. Классификация наук: в 3 кн. - М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. - Кн. 1: Энгельс и его предшественники, 1961. - 472 с.
 15. Кедров Б.М. Классификация наук: в 3 кн.. - М.: Мысль, 1965. - Кн. 2: От Ленина до наших дней, 1965. - 543 с.
 16. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / Огюст Конт; пер. с фр. И.А. Шапиро, с предисл. проф. М. Ковалевского. - СПбг: «Вестник знания», 1910. - 76 с.
 17. Конт О. Курс положительной философии: в 6 т. / полный пер. с последнего 5-го фр. изд. под ред., с прим. и ст. С.Е. Савича [и др.]. - М.: Посредник, 1900. - Т. 1: Философия математики. - 302 с.
 18. Леднев В.С. Классификация наук / Мат-лы по проблеме «Перспективы развития сов. школы на ближайшие 30 лет» / Науч.-исслед. ин-т общей педагогики Акад. пед. наук СССР. - М., 1971. - 94 с.
 19. Платон. Сочинения в 3 т.: пер. с древнегреч. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Серия: Философское наследие. - Т. 2. - М.: Мысль, 1970. - 611 с.
 20. Платон. Сочинения в 3 т.: пер. с древнегреч. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Серия: Философское наследие. - Т. 3. - Ч. 1. - М.: Мысль, 1968–1972. - 685 с.
 21. Спенсер Г. Классификация наук: Со ст.: О причинах разногласия с философией Конта / Пер. и предисл. Н.Л. Тиблена. - СПб: Н.Л. Тиблен, 1866. - 64 с.
 22. Хайруллаев М.М. Учение Фараби классификации наук // Доклады на первой Среднеазиатской конференции по истории науки и техники. - Душанбе, 1967. - С. 12-18.

**BRIEF EXPLANATIONS OF THE SYSTEM
CLASSIFICATION OF KNOWLEDGE AND SCIENCES**

Muzaffari Muhammad Ali

Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member,
Director of the Center of Anthropology,
National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
Ph.: (+992) 900 51 26 93 (m.)

The article provides a philosophical and methodological analysis of the problem of systematic classification of knowledge and sciences as one of the key tasks of modern science. The author considers the classification of sciences not only as a tool for organizing scientific knowledge, but also as a fundamental basis for identifying logical, ontological and epistemological relationships between different fields of knowledge. Special attention is paid to the historical forms of classification of sciences presented in the works of Plato, Aristotle, al-Farabi, F. Bacon, G. V. F. Hegel, O. Comte and B. M. This makes it possible to trace the evolution of the principles of knowledge systematization in the context of the development of philosophical and scientific thought in the East and West. The article substantiates the initial role of ontology and epistemology as basic sciences, from which general and particular fundamental ontological and epistemological disciplines follow. A distinction is proposed between a priori and a posteriori sciences, and the place of mathematics and logic as universal a priori tools of scientific knowledge is analyzed. Significant attention is paid to anthropology as a system-forming link that unites various levels of scientific knowledge and ensures the integrity of the classification of sciences. In conclusion, the importance of systematic classification for the organization of scientific research, the educational process and the formation of a nomenclature of scientific specialties is emphasized.

Keywords: system classification of knowledge; classification of sciences; ontology; epistemology; a priori and a posteriori sciences; philosophy of science; anthropology; methodology of scientific knowledge; hierarchy of sciences; science studies.

ШАРҲИ МУХТАСАР БА ТАСНИФИ СИСТЕМАВИИ ДОНИШ ВА ИЛМҲО

Музаффарӣ Муҳаммад Али

доктори илмҳои фалсафа, профессор, аъзо-корреспондент,
директори Маркази антропологияи,
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33
Тел.: (+992) 900 51 26 93 (м.)

Дар мақола таҳлили фалсафӣ-методологияи мушкилоти таснифи системавии дониш ва илмҳо ҳамчун яке аз вазифаҳои калидии илмшиносии муосир амалӣ карда шудааст. Муаллиф таснифи илмҳоро на танҳо ҳамчун воситаи тартиб додани дониши илмӣ, балки ҳамчун асоси бунедии ошкор кардани робитаҳои мантиқӣ, онтологӣ ва гносеологӣ байни соҳаҳои гуногуни дониш меҳисобад. Ба шаклҳои таърихӣ таснифи илмҳо, ки дар асарҳои Платон, Аристотел, ал-Фарабӣ, Ф.Бэкон, Г.В.Ф. Гегел, О.Конт ва Б.М. Кедров пешниҳод шудаанд, диққати махсус дода мешавад, ки ин имкон медиҳад, ки таҳаввули принципҳои системасозии донишҳо дар заминаи рушди афкори фалсафӣ ва илмии Шарқ ва Ғарб пайгирӣ карда шавад.

Дар қор нақши ибтидоии онтология ва гносеология ҳамчун илмҳои асосӣ инъикос ёфтааст, ки аз онҳо фанҳои бунедии онтологӣ ва гносеологияи умумӣ ва хусусӣ бармеоянд. Фарқияти илмҳои априорӣ ва апостериорӣ пешниҳод карда мешавад, инчунин ҷои математика ва мантиқ ҳамчун асбобҳои универсалии априории дониши илмӣ таҳлил карда мешавад. Ба антропология ҳамчун пайванди системасоз, ки сатҳҳои гуногуни дониши илмиро муттаҳид мекунад ва тамомияти таснифи илмҳоро таъмин мекунад, диққати ҷиддӣ дода шудааст. Хулоса, аҳамияти таснифи системавӣ барои ташкили тадқиқоти илмӣ, раванди таълим ва ташаккули номенклатураи ихтисосҳои илмӣ таъкид карда мешавад.

Калидвожаҳо: таснифи системавии дониш; таснифи илмҳо; онтология; гносеология; илмҳои априорӣ ва апостериорӣ; фалсафаи илм; антропология; методологияи дониши илмӣ; иерархияи илмҳо; илмшиносӣ.

УДК 1(091)(092)(575.3)

**ОБ «ИНТЕРКУЛЬТУРНОЙ ФИЛОСОФИИ», «НАЦИОНАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ», «НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ
ТРАДИЦИИ» НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОСТИ И
НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ ИБН СИНЫ**

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории философии
Институт философии, политологии и права
имени А.М. Баховаддинова,
Национальная академия наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33
Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

В статье анализируются современные тенденции в философии, возникновение новых подходов и методов, отражающих объективную реальность, а именно новое осмысление историко-цивилизационных процессов, значимость культурных, философских традиций, формирующих бытие нации. Автор показывает, что интеркультурная философия, возникшая как реакция на кризис универсалистских претензий модерна, декларирует равенство философских традиций, однако на практике сталкивается с рядом методологических и аксиологических противоречий, связанных с неизбежностью оценочного подхода в философском познании. Постмодернизм, выступив против ценностей модернизма породил интеркультурную философию, в связи с чем в статье кратко анализируется содержание понятий «интеркультурной философии», «национальной философии», «национальной философской традиции». Констатируется факт того, что среди философов нет единого мнения относительно данных понятий, но процесс рефлексии и саморефлексии относительно этих понятий не менее важен для развития современной философской мысли. На примере личности и философского наследия Ибн Сино обосновывается тезис о возможности органического сочетания национальной философской идентичности с универсальным, мировым значением философского учения. Делается вывод о том, что признание Ибн Сино философом мирового масштаба не противоречит его принадлежности к таджикской национальной философской традиции, а напротив, подтверждает продуктивность интеркультурного диалога философских культур в рамках мирового историко-философского процесса

Ключевые слова: интеркультурная философия; национальная философия; национальная философская традиция; методология; Ибн Сино; мировая философия.

Современная философия, отражая тенденции современного мира во всех сферах, формируя новые ценностно-мировоззренческие ориентиры способствует адекватному пониманию мира, в том числе, опираясь на междисциплинарные связи и когнитивные науки. Развивается новая научная картина мира, пытающаяся выявить новые законы и закономерности существования мира, человека, его сознания и мышления в новых реалиях, основу которых составляет цифровизация, искусственный интеллект и т.д., обуславливающие формирование новых методов и подходов в различных науках, в том числе гуманитарных и, в частности, в философии. В данных условиях актуализируются проблемы историко-культурно-цивилизационного развития обществ и народов, осмысление своего историко-культурного прошлого с целью осмысления своего Я, взаимоотношений в рамках Я – другой, Я – чужой, Я и искусственный интеллект и т.д. К примеру, синергетический подход, сформировавшийся на основе синергетики – междисциплинарного направления науки, объясняющего образование и самоорганизацию моделей и структур в открытых системах, далеких от термодинамического равновесия. Таким образом, синергетический подход как метод познания даёт возможность проанализировать сущность изменения и развития культурных процессов. Он позволяет обращаться к одному из сложных социально-философских вопросов – проблеме воздействия на эволюцию случайных факторов. Хотим мы того или нет, объективно, независимо от нас, происходят процессы взаимовлияния и взаимодействия культур, а это значит взаимодействие и взаимовлияние и духовной сфере - науке, искусстве, системе ценностей. Эпоха постмодернизма породила интеркультурную философию и метод, которые декларируют равенство всех культур, в том числе философских традиций, и о причинах появления которого Ботева-Рихтер Б. говорит: «Эти две характеристики - способность менять точку зрения и творческий подход - в сочетании с нацеленностью на международное взаимодействие особенно характерны для нового направления мысли: интеркультурной философии. Это философское течение является международным, использует подходы, разработанные во всех регионах мира, и последовательно придерживается тезиса о равенстве различных философских традиций и их достижений» [4]. Мы в своих предыдущих публикациях высказали свою точку зрения по этому вопросу, суть которой заключается в том, что необходимо серьезнее относиться к понятию «равенство различных традиций и их достижений» [8]. Говоря о равенстве различных философских традиций, что философы бу-

дуг иметь ввиду? Смогут ли они – различные культуры и философские традиции отказаться в действительности от претензий на первенство, исключительность своей философской традиции? Главное – готовы ли они принять иную философскую традицию равной своей? Ведь процесс ознакомления, изучения, осмысления, сравнения, интерпретации философских доктрин и концепций различных культур и народов это не только процесс взаимообогащения и взаимовлияния; этот процесс неминуемо приводит к оцениванию особенностей, характерных черт, результатов и достижений этих философских традиций. Можно утверждать, что суть интеркультурного метода и интеркультурной философии, а также признания принципа равенства всех философских традиций заключается именно в отказе от оценочного подхода. Но, на мой взгляд, это выглядит утопично, ибо сама философия отличается от точных и естественных наук своей аксиологичностью, то есть оценочным подходом к результатам философского познания. Поэтому как теоретическая концепция интеркультурная философия, возможно и безупречна, но будет ли на практике ожидаемый и обещанный результат? Цели интеркультурной философии достаточно четко определил А.С. Колесников в своей статье «Возможна ли интеркультурная философия?»: «В опыте творцов этой философии обнаруживаем: возрождение страны и общества; актуализацию забытых и поруганных *идеалов, ценностей и принципов своей цивилизации*; рациональное изучение своего философского, социокультурного и исторического наследия, освоение опыта Запада, их сравнение и тем самым обогащение собственного опыта; сферы действия интеркультурной философии – религия, философия, социальное реформаторство, образование и наука, политика, культура. Эпистемологический аспект интеркультурности как практики – это *противостояние геополитической гегемонии знания*. Интеркультурность не сводима к культурной политике или политике идентичностей, характерной для западного мультикультурализма. Вместо этого она предлагает иные пути мышления и позиционирования с точки зрения колониального различия, необходимые для конструирования более справедливого мироустройства. Интеркультурность ставит под сомнение социополитическую реальность неокOLONIALИЗМА, как она отражается в существующих моделях государства, демократии и нации, и предлагает свой вариант понимания демократии как антикапиталистической, антиколониалистской, антиимпериалистской и антисегрегационной, которая бы обеспечила возможно более полное участие коренных народов в принятии решений и осуществлении политической власти в плюринациональном государстве» [9].

Российская исследовательница Н.И. Петякшева в своей статье «Компаративистика как основа интеркультурности?» так же развивает эту тему: «Перспективы развития национальных философий связывают сегодня с пересмотром философского проекта модерна, с децентрацией европейской модели историко-философского процесса. На пути децентрированного развития современной философии различие между философскими культурами представляется таким же существенным, как и их единство» [13]. Автор также задается вопросами: как сегодня можно понимать единство мирового историко-философского процесса? какие характеристики философских культур можно считать универсальными? где границы, разделяющие универсальное и региональное в мировой философии, по каким основаниям они проходят?

Отсюда следует вывод о том, что в настоящее время мы наблюдаем больше вопросов, на которые нет ясных и четких ответов относительно интеркультурной философии или философии полилога, что дает нам основание думать о том, что эти рассуждения будут еще долго длиться и вряд ли найдут свое окончательное решение. Кстати, используя метод сомнения, хотелось задать еще один вопрос, возможно, провокационный лозунг о равнозначности всех культурных и философских традиций является очередной европейско-американской манипуляцией, преследующей определенные цели. Ведь понятно, что понятие равенства - это некая абстракция, но, с другой стороны, философской полемике часто важен процесс рефлексии, постановка вопросов и проблем, а не их однозначное решение. В любом случае на данный момент мы осмыслили и утвердили идею о том, что в философской мысли, в мировом историко-философском процессе нет места никакому «центризму» и как бы это не звучало высокопарно и утопически необходим равноправный диалог различных философских культур. Для более полного понимания интеркультурализма или интеркультурной философии необходимо разобраться в таких понятиях как «национальная философия» и «национальная философская традиция». Попробуем разобраться в них на примере личности Ибн Сино как ученого и философа, а также его философии.

Ибн Сино является философом мирового значения, но что мы понимаем под этим понятием? По каким критериям можно относить ту или иную личность к *«имеющим мировое значение»*?

Во-первых, понятно, что эта оценка, которую дают в данном случае, творчеству философа, и которая демонстрирует историческую и культурную значимость его учения.

Во-вторых, «философ мирового значения» тот, кто создал учение, которое вышло за рамки локальной традиции и имеет универсальное значение. Его идеи формируют новую парадигму мышления, влияя или изменяя существующие представления о чем-либо.

В-третьих, идеи философа мирового значения оказывают влияние на будущие эпохи, и в частности, на различные сферы знания и науки.

В-четвертых, учение философа мирового значения находит отклик в разных культурных и языковых контекстах, а не только в стране происхождения. Видимо поэтому многие современные государства пытаются присвоить себе гений Авиценны.

В-пятых, учению философа мирового значения присуща долговечность. Идеи продолжают изучаться, осмысляться и переосмысляться по настоящее время.

Таким образом, можно сказать, что *философ мирового значения – это тот, чьи идеи перестают принадлежать одной культуре и становятся частью общего интеллектуального наследия. Более того, это необходимость признания того, что этот философ в свою эпоху дал науке и философии больше, чем его многие современники во всех уголках земли.* Даже беглое знакомство с наследием Ибн Сино, объективно отвечает всем этим критериям, укрепляя его статус как философа мирового значения. Что касается Ибн Сины как представителя таджикской философии, таджикской национальной философии, таджикской философской традиции, необходимо разобраться в этих понятиях. Понятие «национальной философии» появилось в XIX веке, когда начали активно формироваться национальные государства, возникла идея национальной идентичности. Это была эпоха становления национализма. Это означало, во-первых, что философия стала осмысливаться не как универсальное учение, а как отражение духа народа. Во-вторых, стала утверждаться точка зрения о том, что философия не просто логика и универсальные категории, но и выражение уникального исторического, языкового, культурного опыта конкретного народа (немецкая, французская, русская философия). О легитимности использования понятия национальной философии писали Гегель (писал о национальном характере философии). Гердер – говорил о значении языка, традиции и культуры в формировании мышления народа. Он один из первых кто связал философию и национальный дух. Дильтей считал философию выражением исторического и культурного опыта. Среди русских философов эту точку зрения выражали Хомяков, Киреевский, Соловьев, Бердяев. Из современных философов это утверждают и обосновывают Поль, Рикер, Чарльз Тейлор.

Таким образом, *национальная философия – это философская система, сформировавшаяся внутри определенного народа и отражающая его мировоззрение, историко-культурные особенности, менталитет, религиозные и социальные установки. Отсюда следует, что национальная философия – это определенный продукт, порожденный национальной культурой.*

Далее попытаемся раскрыть понятие «национальной философской традиции». *Национальная философская традиция – это процесс, контекст и наследие развития философской мысли в пределах определенной нации.* Это включает: передаваемые философские школы и идеи; систему образования философов; способы мышления, характерные для этой культуры. Исходя из этого, философская традиция включает: древние верования и мифологию; религиозно-философские системы; способы передачи знаний. На основе этого можно сказать, что *философская традиция – это почва, на которой развивается национальная философия.*

Таким образом, интеркультурная философия и методология, декларируя идею взаимодействия и равенства всех философских традиций, а именно национальных философских традиций, признает региональные особенности и специфику национальных философских традиций и их представителей, но при этом не отрицает их вклад в развитие мировой философской мысли. Примером этому и является личность Ибн Сины – философа мирового масштаба и значения и его научное и философское наследие, внесшее вклад в развитие мировой философии и науки.

Литература

1. Бажов С.И. Проблемы методологии историко-философского исследования // Гуманитарные научные исследования. - 2012. - №10 [Электронный ресурс]. - URL: <http://human.snauka.ru> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии [Текст] / Богоутдинов А.М. - Душанбе: Таджикгосиздат, 1961. - 332 с.
3. Болтаев М.Н. Вопросы гносеологии и логики в произведениях Ибн-Сины и его школы / под ред. акад. д-ра философ. наук, проф. А.М. Богоутдинова; Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - Душанбе: Ирфон, 1965. - 600 с.
4. Ботева-Рихтер Б. «Интер-» как метаморфоза мышления – метод Т. Вацудзи и его применимость в современном интеркультурном дискурсе// Философский полилог. - 2020. - № 2. - С. 11-27.
5. Васильев В.А. Методология философии постмодернизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. - 2017. - №6 (777). - С. 370–380.
6. Диноршоев М. Философия Ибн Сины. - Душанбе, 2020.

7. Диноршоев М. Натурфилософия Ибн Сины / отв. ред. М. С. Асимов. - Душанбе: Дониш, 1985. - 255 с.
8. Диноршоева З.М. Влияние постмодернизма на методологию историко-философских исследований // Ученые записки. Серия социально-гуманитарных наук. – Душанбе: РТСУ - 2025. - № 1(5). – С.109-118.
9. Колесников А.С. Возможна ли интеркультурная философия? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. - 2009. - №3. - С.59–70.
10. Кротов А.А. Методология современных историко-философских исследований во Франции // Вопросы философии. - 2017. - № 6. - С. 52–62.
11. Малинов А.В., Оболевич Т. О «новых» методах изучения истории русской философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. - 2019. - Т. 35. - Вып. 2. - С. 285–296.
12. Осмонова Н.И. Теоретические проблемы изучения национальной философии // Вестник КРСУ. - 2009. - Т. 9. - № 6. - С. 149–154.
13. Петякшева Н.И. Компаративистика как основа интеркультурности? // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. - СПб., 2003. - С. 16–21.
14. Ратников В.П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. - 2002. - №4 (29). - С. 120–132.
15. Серебряков С.Б. Трактат Ибн Сины (Авиценны) о любви [Текст] / АН ГССР, Ин-т истории груз. литературы им. Шота Руставели. - Тбилиси: Мецниереба, 1976. - 176 с.
16. Соколов А.В., Яковлева Л. Е. Национальная философия и взаимодействие философских традиций // Вестник Московского университета. -Сер. 7. Философия. - 2003. - №6. - С. 34–52.
17. Соколов В.В. Средневековая философия: учеб. пособие для вузов. - М.: Высш. шк., 1979. - 448 с.
18. Степанянц М.Т. Суфийские элементы в философии Ибн Сино // Торжество разума: Материалы Междунар. сес., посвящ. 1000-летию со дня рождения Абуали ибн Сино (Авиценны) / отв. ред. Г.А. Ашуров, М.С. Султанов. - Душанбе: Дониш, 1988. – 392 с.
19. Суходуб Т.Д. Интеркультурная философия: возможные пределы и пределы возможности» // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред.: А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. - СПб.: Интерсоцис, 2020. - С. 34–36.
20. Тимошук Е.А. Феноменология в интеркультурном полилоге // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. - СПб.: Интерсоцис, 2020. - С. 67–68.
21. Fakhry Majid. A History of Islamic Philosophy. - New York: Cambridge University Press, 1970.
22. Schimmel A. Mystical Dimensions of Islam. – Chapel Hill, 1975.

ABOUT «INTERCULTURAL PHILOSOPHY», «NATIONAL PHILOSOPHY» AND «NATIONAL PHILOSOPHICAL TRADITION» ON THE EXAMPLE OF IBN SINA'S PERSONALITY AND SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL HERITAGE

Dinorshoeva Zarina Musoevna

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the Department of the History of Philosophy
the Institute of Philosophy, Political Science and Law
after A.M. Bakhovaddinov,
National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
Ph.: (+992) 902 22 28 86 (m.)

The article analyzes current trends in philosophy, the emergence of new approaches and methods reflecting objective reality, namely a new understanding of historical and civilizational processes, the importance of cultural and philosophical traditions that shape the existence of a nation. The author shows that intercultural philosophy, which arose as a reaction to the crisis of universalist claims of modernity, declares the equality of philosophical traditions, but in practice it faces a number of methodological and axiological contradictions associated with the inevitability of an evaluative approach in philosophical cognition. Postmodernism, opposing the values of modernism, gave rise to intercultural philosophy, in connection with which the article briefly analyzes the content of the concepts of "intercultural philosophy", "national philosophy", "national philosophical tradition". It is stated that there is no consensus among philosophers on these concepts, but the process of reflection and self-reflection on these concepts is no less important for the development of modern philosophical thought. Using the example of Ibn Sino's personality and philosophical heritage, the thesis on the possibility of an organic combination of national philosophical identity with the universal, worldwide significance of philosophical teaching is substantiated. It is concluded that the recognition of Ibn Sino as a world-class philosopher, does not contradict his belonging to the Tajik national philosophical tradition, but on the contrary, confirms the productivity of the intercultural dialogue of philosophical cultures within the framework of the world historical and philosophical process.

Keywords: intercultural philosophy; national philosophy; national philosophical tradition; methodology; Ibn Sino; world philosophy.

ДАР БОРАИ «ФАЛСАФАИ БАЙНИФАРҲАНГӢ», «ФАЛСАФАИ МИЛЛӢ», «АНЪАНАҲОИ ФАЛСАФИИ МИЛЛӢ» ДАР МИСОЛИ ШАХСИЯТ ВА ОСОРИ ИЛМӢ-ФАЛСАФИИ ИБНИ СИНО

Диноршоева Зарина Мусоевна

доктори илмҳои фалсафа, профессор,
сарходими Шӯъбаи таърихи фалсафаи
Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи
ба номи А.М. Баховаддинов,
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33
Тел.: (+992) 902 22 28 86 (м.)

Дар мақола тамоюлҳои муосири фалсафа, пайдоиши равишҳо ва усулҳои нав, ки воқеияти объективиро инъикос мекунад, яъне тафаккури нави равандҳои таърихӣ-тамаддунӣ, аҳамияти анъанаҳои фарҳангӣ, фалсафӣ, ки мавҷудияти миллатро ташаккул медиҳанд, таҳлил карда мешаванд. Муаллиф нишон медиҳад, ки фалсафаи байнифарҳангӣ, ки ҳамчун воқуниш ба бӯҳрони даъвоҳои универсалистии модерн ба вучуд омадааст, баробарии анъанаҳои фалсафиро эълон мекунад, аммо дар амал бо як қатор зиддиятҳои методологӣ ва аксиологӣ, ки бо ногузирии муносибати арзёбӣ дар дониши фалсафӣ алоқаманданд, рӯ ба рӯ мешавад. Постмодернизм, ки бар зидди арзишҳои модернизм баромад кард, фалсафаи байнифарҳангиро ба вучуд овард, ки дар робита ба он дар мақола мундариҷаи мафҳумҳои фалсафаи байнифарҳангӣ, фалсафаи миллии, анъанавии миллии фалсафӣ мухтасар таҳлил карда мешавад. Дар байни файласуфон дар бораи ин мафҳумҳо ақидаи ягона вучуд надорад, аммо раванди таҳлил ва дарки ин мафҳумҳо барои рушди афкори муосири фалсафӣ низ муҳим аст. Дар мисоли шахсият ва мероси фалсафии Ибни Сино ақида дар бораи имконияти омезиши хувияти миллии фалсафӣ бо аҳамияти умумичаҳонии таълимоти фалсафӣ дарҷ ёфтааст. Хулоса бароварда мешавад, ки эътирофи Ибни Сино ҳамчун файласуфи миқеси ҷаҳонӣ ҳилофи мансубияти ӯ ба анъанавии миллии фалсафии тоҷикон нест, балки баръакс, самарайи муколамаи байнифарҳангии фалсафиро дар доираи раванди таърихӣ-фалсафии ҷаҳонӣ тасдиқ мекунад.

Калидвожаҳо: фалсафаи байнифарҳангӣ; фалсафаи миллии; анъанавии миллии фалсафӣ; методология; Ибни Сино; фалсафаи ҷаҳонӣ.

УДК 165.7(092)(5)

РАЗУМ КАК ЗЕРКАЛО ИСТИНЫ: ФИЛОСОФСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ БЕДИЛЯ

Содики Насиба Нуруллозода

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела истории философии
Института философии, политологии и права
имени А.М. Баховаддинова,
Национальная академия наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 33
Тел.: (+992) 935 98 59 99 (м.)
bedil68@mail.ru

Статья посвящена философско-эпистемологическому анализу учения Мирзо Абдулқодир Бедил (1644–1720), выдающегося мыслителя индийско-персидской интеллектуальной традиции, чьё философское наследие представляет собой оригинальный синтез суфийской метафизики, исламской философии и рационалистической эпистемологии. Центральным предметом исследования выступает категория разума ('акл), интерпретируемая Бедилем как «зеркало истины», отражающее бытие при условии духовного очищения и преодоления иллюзий чувственного и эгоцентрического сознания.

В статье раскрывается концепция единства чувственного, рационального и иррационального уровней познания, в рамках которой разум выполняет медиативную функцию между материальным и духовным мирами. Показано, что Бедил, не отрицая значение чувственного опыта и логического мышления, подчёркивает их ограниченность в постижении Абсолютной истины и дополняет рациональное познание интуитивным прозрением, откровением (кашф) и любовью как гносеологической категорией. Особое внимание уделяется роли самопознания как необходимого условия богопознания, а также символично-аллегорическому методу интерпретации, заимствованному из суфийской традиции.

Автор приходит к выводу, что философская эпистемология Бедил преодолевает жёсткую дихотомию субъекта и объекта познания, рассматривая истину не как внешнюю данность, а как внутреннее раскрытие бытия в очищенном разуме. Тем самым философия Бедил демонстрирует актуальность для современной сравнительной философии, философии познания и исследования восточных интеллектуальных традиций.

Ключевые слова: Бедил; философская эпистемология; разум; истина; суфизм; рациональное и иррациональное познание; самопознание; любовь; исламская философия; индийско-персидская мысль.

Мирзо Абдулкодир Бедил (1644–1720), выдающийся поэт, философ и мыслитель индийско-персидской традиции, занимает особое место в интеллектуальной истории Востока. Бедил принадлежит к числу выдающихся мыслителей, чьи идеи определили развитие целого направления общественно-философской мысли. Его творчество оказало значительное воздействие на формирование синтеза мусульманской и индийской интеллектуальной традиций, что нашло глубокое отражение в философии и литературе народов Центральной Азии - прежде всего таджикского, узбекского, пакистанского и афганского.

Философская система Бедила представляет собой синтез элементов суфийской метафизики, исламской теологии и рационалистической эпистемологии. В центре его философского мышления находится категория 'акл, или разума, который Бедил интерпретирует не только как средство логического познания, но и как отражение высшей истины.

Согласно Бедилю, разум служит «зеркалом», позволяющим отразить реальность бытия, при условии его очищения от иллюзий, страстей и ограничений чувственного опыта. В данной статье исследуются ключевые аспекты философской эпистемологии Бедила, а также его понимание природы разума и его роли в процессе постижения истины.

Философия Бедила формировалась в эпоху интеллектуального синтеза, когда исламская мысль Могольской Индии сталкивалась с персидской мистикой, греческой философией (через арабо-исламскую традицию) и индийской метафизикой.

Бедил унаследовал и переработал идеи суфийских мыслителей, таких как Ибн Араби, Руми, Аттор, Санои и Мулла Садра, но при этом стремился рационально осмыслить путь познания Бога и бытия. Он признавал ценность разума как универсального орудия понимания, однако подчеркивал, что разум способен познать истину лишь тогда, когда освобожден от иллюзии самости (нафс).

У Бедила познание материального мира занимает подчинённое и второстепенное положение в рамках его философской системы. Хотя мыслитель прямо не формулирует логического определения рационального познания, его подход во многом созвучен трактовке, предложенной Ибн Сино. Согласно этому пониманию, рациональное познание представляет со-

бой специфически человеческую форму познавательной деятельности, основанную на разумной способности человека. Оно выражается в отражении в уме всеобщих, отвлечённых образов. Если сами эти образы обладают абстрактной природой, то рациональное познание сводится к их непосредственному запечатлению в разуме.

Если же образы не являются абстрактными по своей природе, то рациональное познание, по Ибн Сино, «представляет собой процесс полного абстрагирования этих образов от материи и её привходящих свойств с последующим их отражением в разуме» [7, с.113]. Одним из отличий философии Бедиля от учения Ибн Сины является то, что он признаёт связь чувственного и рационального уровней познания. Через органы чувств человек воспринимает явления, а разум осмысливает их сущность, раскрывая тайны не только материального, но и духовного мира. Поскольку чувственное восприятие тесно связано с телесной природой человека, разум, по мысли Бедиля, утрачивает активность вместе с телом субъекта. Тем самым философ подчёркивает взаимозависимость чувственного и рационального познания: без чувственного восприятия невозможен сам процесс мышления и, следовательно, познания в целом.

Отличие позиции Бедиля заключается в том, что он не рассматривает образы как изначально абстрактные. Для него источником ощущений, представлений, понятий и самого разума является природа - материальный мир. Хотя мыслитель постоянно подчёркивал исключительную роль мышления и разума в познавательном процессе, в вопросах богопознания его взгляды порой кажутся непоследовательными, что свидетельствует о влиянии суфийской традиции.

Согласно Бедилю, цель сотворения человека заключается в том, чтобы через него Бог познал самого Себя - Свою сущность, качества и атрибуты. При этом важнейшее место мыслитель отводит самопознанию: познание человеком самого себя открывает путь к познанию Бога. В этом процессе участвуют как внешние, так и внутренние силы человеческого познания.

Согласно суфийскому учению, постичь сокровенную истину с помощью одних только органов чувств и рассудка невозможно. Тем не менее, чувственное и рациональное познание не отвергаются полностью - они рассматриваются как направляющие средства на пути к постижению всеобщей истины. В суфизме различаются два уровня знания - экзотерическое (внешнее) и эзотерическое (внутреннее). Для их объяснения широко использовались аяты и суры Корана, поскольку, как известно, в них усматривается как явное, так и скрытое содержание.

Аллегорическое (тафсирное) толкование текста Корана предоставляло мыслителям возможность свободного философского размышления. Этот метод был распространён ещё до возникновения суфизма, в частности среди исмаилитов, которые развивали учение о «батин» - внутреннем, сокровенном смысле Откровения. Познание этого внутреннего смысла считалось высшей формой постижения истины.

Бедил широко использует коранические образы и сюжеты в своих поэмах, что во многом объясняет труднодоступность его языка. Без знания содержания Корана и символики исламской мистики понять его рассуждения о Боге и познании Абсолюта чрезвычайно трудно. В его теории познания метод аллегорического толкования занимает центральное место, особенно в вопросах богопознания.

Бедил нередко обращается к идее необходимости стремления к познанию Абсолютной истины, но одновременно утверждает, что она уже заключена в самом человеке: «познав себя, ты познаешь Бога». Этот дуализм внутреннего и внешнего познания отражён и в его поэзии, где мыслитель говорит:

Висоландешай, аз хеш бигзар,
 Зи кам фориг шаву аз беш бигзар [3, с.196].
*(Если стремишься к соединению - откажись от себя,
 Избавься и от малого, и от большего.)*

Доминирующее место в философии Бедиля занимает познание Абсолютного бытия - Божественного мира. Под этим понятием мыслитель понимает бытие Бога в трёх взаимосвязанных состояниях: до акта эманации, в процессе излияния Божественной сущности в мир и в её растворении в подлунной сфере.

Таким образом, Бедил анализирует не только феномен существования, но и саму природу Божественного знания, его сущность и формы проявления.

Ба рафъи кулфати бегонаги кӯш,
 Хирад вахм аст, дар девонаги кӯш [3, с.194].
*(Старайся устранить бремя отчуждения,
 Разум лишь догадка - стремись к безумию.)*

Эти строки отражают суфийскую установку Бедиля: рациональное познание имеет границы, и истинное постижение Божественного требует выхода за пределы рассудка, в состояние духовного экстаза - «безумия».

Тем не менее, в его гносеологии наряду с познанием материального мира через чувственный опыт рассматриваются пути и средства постиже-

ния Божественной сущности и роль разума как посредника между материальным и духовным мирами.

Бедил утверждает, что любое познание, включая чувственное, пронизано элементами мышления, поскольку процесс познания всегда связан с деятельностью разума. Чувственное познание, по его мнению, является основой познавательного акта, но знание становится возможным лишь в результате рационального осмысления.

Бедил рассматривает чувственное и рациональное познание в их единстве, при этом отдаёт приоритет разуму. Рациональное познание он называет сугубо человеческой формой постижения, основанной на способности мыслить и осознавать. Разум, согласно Бедилю, - это источник Истины, свет, освещающий все формы познания.

Нахуст аз акл сомон кун губоре,

Ки чавлоне тавон сар кард боре [3, с.101].

(Сначала запасись хотя бы пылью Разума,

Чтобы хоть раз начать сиять в движении бытия.)

Разум, по мысли философа, является источником света и мерилom истины. Все остальные формы познания вторичны по отношению к нему. Значение разума огромно не только в осмыслении материального мира, но и в постижении Божественных атрибутов.

В гносеологии Бедиля разум обладает как объективными, так и субъективными свойствами. В отличие от иррационализма ряда суфийских мыслителей, Бедил утверждает, что разум способен не только объяснять прошлое и настоящее, но и предвосхищать будущее.

В суфийской философии значительная роль отводится иррациональному познанию, рассматриваемому как особая форма достижения Истины. У Бедиля иррациональная форма познания проявляется прежде всего в процессе постижения Абсолютной Истины. В отличие от многих суфийских мыслителей, которые отрицают значение чувственных и рациональных форм познания, Бедил утверждает, что знания, приобретённые с их помощью, расширяют возможности субъекта, подготавливая его к стадии кашф - устранению завес и преград, через которые открывается таинственная Истина.

Кроме откровения как формы иррационального познания, важнейшим средством постижения Истины, по мнению Бедиля, является любовь. Любовь, как гносеологическая категория, имеет несколько стадий: умеренная стадия - мухаббат, высшая эмоциональная степень - ишк. Высшая стадия любви, ишк, в понимании Бедиля, символизирует переход к ирра-

циональному познанию. Любовь здесь полностью отражает суфийское понимание этой категории как способа постижения Божественного.

Анализ взглядов классиков суфизма, например, Аль-Худжвири, показывает определённые различия с концепцией Бедия. Аль-Худжвири [1, с.310] разделяет взгляды на страстную любовь (ишк) к Богу:

- Одни считают её допустимой, но не исходящей от Бога;
- Другие утверждают, что Бог не может быть объектом страстного чувства, так как любовь предполагает пределы, а у Бога их нет;
- Третьи полагают, что пылкая любовь возможна лишь к сущности, доступной восприятию, тогда как сущность Бога недостижима, поэтому ишк применим не к Богу, а к более доступным объектам.

Бедил же, напротив, считает, что сущность Абсолютной истины достижима через познание самого человека и через любовь к нему. Для познания человека необходимо сначала его полюбить. Современные исследования о любви как пути познания подтверждают эту идею Бедия: любовь представляет собой религиозное восприятие человека, видение в нём божественного начала [5, с.170].

В «Энциклопедии суфизма» [10, с.270] любовь во имя Аллаха определяется как священная связь - рабита, средство достижения цели. Суть любви, по мнению авторов энциклопедии, заключается в стремлении человека к объекту, который ему дорог, будь то эстетическое удовольствие, духовное знание или пример праведников [10, с.266]. Бедил рассматривает любовь как исцеление и духовное освобождение: ветер любви помогает человеку обрести свободу и приблизиться к постижению Истины.

Таким образом, в гносеологии Бедия иррациональное познание и любовь играют не вспомогательную роль, а являются органической частью пути к Абсолютной истине, сочетая рациональное, чувственное и эмоциональное в единую систему познания.

Любовь у Бедия рассматривается как одно из конечных состояний сознания, символизирующее избранность и чистейшее откровение, а также выступает источником жизни. Этим Бедил указывает на эманацию Абсолютной истины: термин мухаббат происходит от слова хиббун - «семена, упавшие в землю пустыни», что метафорически обозначает проявление Божественного в мире.

Философ трактует любовь человека к Абсолютной истине как качество сердца, как внутреннее состояние, направляющее сознание к Божественному. Желание угодить своей возлюбленной в символическом понимании превращается в стремление человека к постижению Истины: оно

побуждает к действиям, освобождает от мирской суеты и направляет к осознанию [14, с.35] Абсолютного через Его атрибуты. Таким образом, любовь у Бедия становится не только эмоциональной, но и гносеологической категорией, соединяющей чувство и познание.

Рациональное познание имеет способность достижения высшей стадии, в зависимости от познавательной способности людей, которая основывается на базе разума, или в зависимости от степени усмотрения истины без всякой помощи.

Таким образом, в теории познания Бедия, рациональное познание осуществляется в форме абстрагирования, суждения, взаимодействия разума и рассудка.

Чувственное познание не ограничивается только указанными в предыдущем параграфе формами, Бедил иногда отмечает и роль эмоции в познании. В силу своих представлений, когда Бедил был маджзубом, то часто подвергался галлюцинациям, наверное, поэтому считал, что особый мир психических состояний, связанных с инстинктами, потребностями оказывают значительное влияние на восприятие и познание человеком окружающего мира. Мыслитель под чувствами понимает еще такие важные для человека эмоции, как переживания, страсть, гнев, страх, любовь, ненависть и т.п., которые по форме выражения, и по сути, зависят от темперамента человека. Выражаясь в форме переживаний, страха, радости, удовлетворенности или неудовлетворенности они являются важным фактором познавательной деятельности человека. Эмоции зависят от чувственной организации отдельного человека и его темперамента.

Краткий анализ соотношения чувственного и рационального познания в учении Бедия свидетельствует о том, что в основном эти формы являются взаимодополняющими формами познавательной деятельности человека. В процессе познания материального мира роль внешних и внутренних сил одинакова, а в процессе познания Истины приоритет отдается рациональному познанию. Познание Истины же в основном проходит через познание самого себя, т.е. познание человека самого себя. В процессе богопознания в учении Бедия огромную роль играет и иррациональное, интуитивное познание.

Таким образом, для Бедия разум ('акл) - это не просто когнитивная способность, а онтологическая сила, связующая человека с Абсолютом. Он писал, что разум - «тень света истины», отражающая Божественный разум в человеческом сознании.

Разум в своей сущности способен к истине, но его отражающая способность искажается, если он обращён к внешним формам и страстям. Следовательно, задача философа и мистика - очистить разум, превратив его в «зеркало», способное отразить истинную реальность.

Такое понимание сближает Бедиля с платоновской и неоплатонической традицией, где познание рассматривается как воспоминание (анамнезис), а также с исламским ирфаном, где познание тождественно духовному прозрению.

Рациональное познание и границы логического мышления. Хотя Бедил высоко ценил рациональное мышление, он различал два уровня разума:

- 1) Разум рассудочный инструмент логического анализа и аргументации;
- 2) Разум созерцательный - интуитивное постижение истины через внутренний свет.

Бедил критиковал односторонний рационализм, который ограничивается логикой и внешними доказательствами. Истинное познание, по его мнению, требует синтеза разума и интуиции. Логика без духовного прозрения порождает лишь «тени истины», тогда как очищенный разум становится зеркалом, отражающим сущность бытия.

Истина (хакикат) в философии Бедиля не является внешним объектом познания, а внутренним раскрытием реальности в сознании человека. Разум, будучи зеркалом, не создаёт истину, а лишь позволяет ей проявиться.

Тем самым Бедил преодолевает противопоставление субъекта и объекта познания: истина не находится «вне» человека, она проявляется в акте внутреннего созерцания, когда разум становится прозрачным для бытия.

Философская эпистемология Бедиля представляет собой уникальный синтез рационализма и мистицизма. Его идея разума как «зеркала истины» раскрывает особое понимание познания как духовного очищения и онтологического единения с истиной. Для Бедиля познать - значит стать прозрачным для бытия, устранить иллюзорные границы между субъектом и объектом, между разумом и истиной. Такой подход делает его философию актуальной не только в контексте исламской мысли, но и в более широком горизонте сравнительной философии.

Литература

1. Аль-Худжвири, Али ибн Усман. Раскрытие скрытого: старейший персидский трактат по суфизму. – М.: Единство, 2004. - 481 с.
2. Ашуров Г. Философия эпохи Саманидов. - Душанбе, 2006. - 220 с.

3. Бедиль М.А. Осор. Маснавиҳо. - Т. 5. - Душанбе, 1993. - 672 с. (на тадж. языке).
4. Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1961. - 331 с.
5. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философская антропология: учеб. пособие для вузов. - СПб.; - М.: Унив. кн., Пер сэ, 2000. - 235, с. - ISBN 5-7914-0023-3.
6. Гулямов М. Шанкара Бедил-Шопенгауэр // История философии и современность. - Душанбе, 1988.
7. Диноршоев М. Зажегший свет разума и посеявший семена знания // Абу Али ибн Сина (Авиценна). Сочинения / Ответ, редактор и автор вступ. статьи М. Диноршоев. - Т. 1. - Душанбе: Дониш, 2005. - С. 7–154.
8. Жуковский В.А. Человек и познание у персидских мистиков: Речь, чит. на годич. акте Имп. С.-Петербур. ун-та 8 февр. 1895 г. / В.А. Жуковский. - СПб: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1895. - 32 с.
9. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии [Текст]: Латинская патристика. - М.: Мысль, 1979. – 431 с.
10. Мухаммад Ю.Х. Энциклопедия суфизма / [пер. с араб. Р. Адыгамов]. Серия: Истина Ислама. – М.: Ансар, 2005; - Пермь: ИПК Звезда. - 479 с. - ISBN 5-98443-016-9.
11. Олимов К. Баррасиҳо дар тасаввуф. - Душанбе, 1999. - 140 с. (на тадж. языке).
12. Радхакришнан С. Индийская философия. - Т.1. - М., 1956. - 623 с.
13. Радхакришнан С. Индийская философия. - Т.2. - М., 1957. - 713 с.
14. Садикова Н.Н. (Содики Н.Н.) Философская антропология Бедили: дис... канд. философ. наук: 09.00.03 - История философии. - Душанбе, 2000. - 161 с.
15. Садикова Н.Н. (Содики Н.Н.) Влияние Бедили на индийскую и мусульманскую культуру // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: Философия и правоведения. - 1995. - № 2. - С. 14-21.
16. Садикова Н.Н. (Содики Н.Н.). Онтология и гносеология Бедили // Известия АН Республики Таджикистан. Серия: Философия и правоведение. - Душанбе, 1999. - №1-4. - С.19-31.
17. Средневековая арабская философия: проблемы и решения / отв. ред. Е.А. Фролова. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – 526 с. (История восточной философии / РАН, Ин-т философии). - ISBN 5-02-018009-2.
18. Степанянц М.Т. Мир Востока. Философия: прошлое, настоящее, будущее: монография / Ин-т философии. – М.: Восточная литература, 2005. - 375 с. - ISBN 5-02-018467-5.
19. Степанянц М.Т. Исторические судьбы суфизма // Вопросы философии. - 1980. - № 6. - С.101-112.
20. Суфизм в контексте мусульманской культуры: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т востоковедения. Науч. совет по истории мировой культуры при президиуме АН СССР; [Отв. ред. и авт. введ. Н.И. Пригарина]. – М.: Наука, 1989. – 337 с. - ISBN 5-02-016695-2.

**THE MIND AS A MIRROR OF TRUTH:
BEDIL'S PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY**

Sodiki Nasiba Nurullozoda

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the Department of the History of Philosophy
of the Institute of Philosophy, Political Science and Law
after A.M. Bakhovaddinov,
National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
Ph.: (+992) 935 98 59 99 (m.)
bedil68@mail.ru

The article is devoted to a philosophical and epistemological analysis of the teachings of Mirzo Abdulkodir Bedil (1644-1720), an outstanding thinker of the Indian-Persian intellectual tradition, whose philosophical legacy is an original synthesis of Sufi metaphysics, Islamic philosophy and rationalistic epistemology. The central subject of the study is the category of reason (acl), interpreted by Bedil as a "mirror of truth" reflecting existence under the condition of spiritual purification and overcoming the illusions of sensual and egocentric consciousness. The article reveals the concept of the unity of sensory, rational and irrational levels of cognition, in which the mind performs a mediative function between the material and spiritual worlds. It is shown that Bedil, without denying the importance of sensory experience and logical thinking, emphasizes their limitations in comprehending the Absolute Truth and complements rational cognition with intuitive insight, revelation (kashf) and love as an epistemological category. Special attention is paid to the role of self-knowledge as a necessary condition for the knowledge of God, as well as the symbolic and allegorical method of interpretation borrowed from the Sufi tradition. The author comes to the conclusion that Bedil's philosophical epistemology overcomes the rigid dichotomy of subject and object of knowledge, considering truth not as an external reality, but as an inner revelation of being in a purified mind. Thus, Bedil's philosophy demonstrates its relevance to modern comparative philosophy, philosophy of cognition, and the study of Eastern intellectual traditions.

Keywords: Bedil; philosophical epistemology; reason; truth; Sufism; rational and irrational knowledge; self-knowledge; love; Islamic philosophy; Indian-Persian thought.

АҚЛ ҲАМЧУН ОИНАИ ҲАҚИҚАТ: ГНОСЕОЛОГИЯИ ФАЛСАФИИ БЕДИЛ

Содиқи Насиби Нуруллозода

доктори илмҳои фалсафа, профессори
сарходими Шӯъбаи таърихи фалсафаи
Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи
ба номи А.М. Баҳовадинов,
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33
Тел: (+992) 935 98 59 99 (м.)
bedil68@mail.ru

Мақола ба таҳлили фалсафӣ-эпистемологияи таълимоти Мирзо Абдулқодир Бедил (1644-1720), мутафаккири барҷастаи анъанаи зехнии ҳиндӣ-форсӣ, ки мероси фалсафии ӯ синтези аслии метафизикаи тасаввуф, фалсафаи исломӣ ва эпистемологияи рационалистӣ мебошад, бахшида шудааст. Мавзӯи марказии тадқиқот категорияи ақл ('ақл) мебошад, ки онро Бедил ҳамчун «ойнаи ҳақиқат» тафсир мекунад, ки дар ҳолати покшавии рӯҳонӣ ва баргараф кардани иллюзияҳои шуури эҳсосӣ ва эгоцентрикӣ буданро инъикос мекунад.

Дар мақола концепсияи ягонагии сатҳҳои ҳиссиёт, ақлонӣ ва ғайриақлонӣ будани дониш ошкор карда мешавад, ки дар доираи он ақл вазифаи медиативиро байни ҷаҳони моддӣ ва маънавӣ иҷро мекунад. Нишон дода шудааст, ки Бедил, бе рад кардани аҳамияти таҷрибаи эҳсосӣ ва тафаккури мантикӣ, маҳдудияти онҳоро дар дарки Ҳақиқати Муғлақ таъкид мекунад ва дониши ақлониро бо эпифанияи интуитивӣ, ваҳӣ (кашфиёт) ва муҳаббат ҳамчун категорияи гносеологӣ пурра мекунад. Ба нақши худшиносӣ ҳамчун шарти зарурии худошиносӣ, инчунин ба усули тафсири рамзӣ-аллегорикӣ, ки аз анъанаи тасаввуф гирифта шудааст, диққати махсус дода мешавад.

Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки эпистемологияи фалсафии Бедил дихотомияи шадиди субъект ва объект донишро паси сар мекунад, ки ҳақиқатро на ҳамчун маълумоти беруна, балки ҳамчун ошкорсозии дохилии мавҷудият дар ақли тозашуда меҳисобад. Ҳамин тариқ, фалсафаи Бедил барои фалсафаи муқоисавии муосир, фалсафаи дониш ва таҳқиқи анъанаҳои зехнии фалсафаи Шарқ аҳамият дорад.

Калидвожаҳо: Бедил; эпистемологияи фалсафӣ; ақл; ҳақиқат; тасаввуф; дониши ақлонӣ ва ғайриақлӣ; худшиносӣ; муҳаббат; фалсафаи исломӣ; фалсафаи ҳинду форсӣ.

УДК 316.812:140.8 – 053.81(575.3)

**ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ
МОЛОДЕЖИ ТАДЖИКИСТАНА**

Хотамова Мухайё Гафуровна

кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры государственного языка и общественных наук,
Худжандский политехнический институт
Таджикского технического университета
имени академика М.С. Осими в г. Худжанде
735700, Республика Таджикистан, г.Худжанд, пр. И.Сомони, 226
www.11a.tg@mail.ru

В статье исследуется влияние института семьи на формирование мировоззренческих предпочтений молодежи Таджикистана. Автор подчеркивает, что семья является ключевым институтом, играющим основополагающую роль в формировании мировоззренческой системы личности. Фундамент мировоззренческих предпочтений ребёнка закладывается именно в семье, и он продолжает развиваться на протяжении всей его жизни. Таким образом, семья может оказывать значительное влияние на дальнейшую жизнь ребёнка, формируя его мировоззренческие предпочтения. Для глубокого раскрытия темы автор статьи провел анализ различных форм семьи. По сравнению с другими социальными институтами семья занимает ключевую роль в формировании мировоззрения и приоритетов личности. Ни один другой реальный социальный институт не может превзойти по значимости роль семьи. В то же время в статье проводится анализ положения женщин в обществе. Статус женщины в обществе оказывает значительное влияние на укрепление семьи, а также на её взгляды относительно семейной жизни и воспитания детей. В современных условиях статус семьи относительно ослаб. Одна из причин этого явления во многом связана с трудовой миграцией.

Ключевые слова: мировоззрение; институт семьи; молодёжь; воспитание; современный мир; государство; социально-психологические отношения.

Одним из основных социальных институтов, который влияет на формирование мировоззренческих предпочтений молодёжи, является институт семьи. Семья с древних времён является опорой для ребёнка, и в

процессе его развития она играет очень важную роль. В толковом словаре Д.Н. Ушакова семья определяется как союз людей, в который входят родители, дети, внуки и ближайшие родственники, проживающие совместно и преследующие общие цели [19].

Современная социология определяет понятие «семья» как один из первых исторических типов социальной общности и общественных отношений, а также как ячейку общества. Семью можно рассматривать как древнюю человеческую систему, которая имеет исторически конкретную и изменяющуюся форму взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, а также родственниками. В семейном устройстве социологи выделяют следующие формы: нуклеарные, включающие родителей и детей, и расширенные, в составе которых проживают несколько поколений. К воспроизводящему виду семьи относятся такие члены, как родители и несовершеннолетние дети.

Социальный институт семья выполняет ряд функций, среди которых можно выделить следующие:

1. Репродуктивная функция – обеспечение продолжения рода.
2. Воспитательная функция – формирование личностных и социальных качеств у детей.
3. Экономическая функция – обеспечение материальных условий жизни семьи.
4. Эмоциональная (психологическая) функция – создание атмосферы любви и поддержки.
5. Социальная функция – интеграция членов семьи в общество и формирование социальной идентичности.

Эти функции подчеркивают важность семьи как основного элемента социального устройства и ее влияние на общественное развитие.

Важнейшие функции семьи не могут быть выполнены другими институтами; это не только исторический факт, но и научно обоснованное положение. Всестороннее и качественное выполнение поставленных перед семьей обязанностей требует поэтапного прохождения всех периодов её развития. Таким образом, необходимо отметить, что «социализация предполагает выработку способов адаптации к окружающей среде, а также развитие физических, психофизиологических и личностных качеств» [5].

Подчеркивается, что положение семьи на современном этапе излагается в несистематичных направлениях, что вносит изменения в изучение социализации молодежи и приводит к снижению прочности отношений в браке и семье. С одной стороны, наблюдается понижение рождаемости, рост неполноценных семей, увеличение числа детей, рождающихся вне брака, а также снижение статуса семьи в контексте социализации молодых

людей. Это проявляется в росте случаев суицида, преступности, наркомании, токсикомании и алкоголизма. С другой стороны, увеличивается экономическая и общественная независимость женщин, а также их духовная свобода, что является результатом повышения гендерной программы в социальной и профессиональной деятельности за пределами семьи. Активная жизненная позиция женщин повышает благополучие семьи, способствует формированию их требований к брачно-семейным отношениям и укрепляет решимость в случае развода. В результате этого семья становится уязвимой и менее устойчивой. К примеру, в Таджикистане, в условиях традиционных устоев, отмечается рост числа разводов среди молодежи. «В Таджикистане в 2018 году количество разводов возросло и составило более 11 тысяч, заявила Председатель Комитета по делам женщин и семьи при правительстве республики Идигул Косимзода. В 2017 году этот показатель составлял 10 тысяч 100. Основными причинами разводов являются социально-экономические условия, миграция и вмешательство родственников в семейную жизнь пары» [6].

В рамках данной тенденции следует отметить, что роль родителей в образовании брака постепенно изменяется, а процент молодых людей, формирующих семью самостоятельно, постепенно увеличивается. Таким образом, это явление является неизбежным и связано с возникновением современных взаимоотношений, обусловленных изменениями в обществе.

Весь ореол формирования мировоззренческих предпочтений у ребенка усваивается в процессе социализации, где каждый член семьи выполняет свою роль. Таким образом, ребенок осваивает привычку к совместному труду и деятельности. Современная социальная философия более глубоко изучает изменения в составе семейных отношений и статусах членов семьи, что является важным для определения современного состояния гендерных отношений. Социальная адаптация в современной семье сопровождается изменениями, а также кризисом, когда происходит процесс феминизации под сильным воздействием глобальных процессов. Эти социальные изменения изменяют статус каждого человека в семье, иногда сталкивая их интересы, что указывает на несовпадение ролевых функций супругов, родителей и детей. От уровня осознания собственных семейных функций и от эффективности их принятия зависит показатель везения ролевого поведения. Условием реализации ролевых игр в семье является необходимое и определенное применение своих задач с учетом отношения других людей к собственным поступкам. Результат принятых и продемонстрированных ролей в сложной семье, как следствие ролевого функциони-

рования, имеет значимость, поскольку наследуемые образы семейных традиций и отношений молодое поколение перенесет в свои будущие семьи.

Формирование мировоззренческих предпочтений отражает процесс подготовки и приобретения готовности к социальным отношениям. Это также является результатом передачи духовного наследия, социальных норм, принципов и манер поведения. В общественных науках отмечается, что становление мировоззрения начинается с момента рождения человека. С момента рождения человек начинает развиваться как личность, формируя свои мнения, взгляды, ценности, характер и стиль поведения. Старшие члены семьи создают условия для включения ребенка в социальные отношения, помогая ему адаптироваться к социальным нормам и порядкам. В этом процессе молодой человек постепенно становится полноценным членом семьи и общества. Ни один социальный институт не оказывает такого влияния на молодого человека, как семья, которая всесторонне и многогранно формирует его поведение. В социальных науках отмечается, что становление мировоззрения начинается с момента рождения человека. Семья в процессе воспитания обучает молодого человека всему, что потребуется для самостоятельной жизни, и готовит его к выполнению возложенных на него задач и обязанностей как семьянина, гражданина и хорошего работника. В семье молодой человек должен быть полноценным в социально-психологическом, морально-этическом отношении, а также творчески развивать накопленный опыт поколений. Таким образом, семья остается одним из главных институтов социализации молодого человека.

Литература

1. Абу Али ибн Сина. Избранные произведения. - Т. 1. - Душанбе: Ирфон, 1980.
2. Акимова Е.В. Формирование профессиональных предпочтений молодежи в условиях становления рыночных отношений современной России: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. - Саратов, 2003. - 24 с.
3. Анализ ситуации высшего образования в Республике Таджикистан» (аналитический документ) ЦПОР «Пульс». - Душанбе: Ирфон, 2006. – 138 с.
4. Андреева И.Н., Голубкова Н.Я., Новикова Л.Г. Молодёжная субкультура: нормы и система ценностей // Социологические исследования. – 1989. - №4. - С. 48–56.
5. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. - М., 1996. – 304 с.
6. Бекаева Е. Число разводов в Таджикистане растёт, 13.02.2019. [Электронный ресурс]. – URL: https://pressa.tj/news_rus/chislo-razvodov-v-tadzhikistane-rastet/.
7. Веэрманн Р., Гинтер Ю., Кенкманн П. и др. Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / под ред. М.Х. Титма. - Таллинн: Ээсти раамат, 1985. - 370 с.

8. Калонов А.Г. Роль семьи в формировании жизненных ориентаций молодёжи (на материалах исследования в Таджикистане): дис... канд. философ. н.: 09.00.11 - Социальная философия. - Душанбе, 2000. - 151 с.
9. Кон И.С. Ребёнок и общество. - М.: Академия, 2003. - 336 с.
10. Концепция государственной научно-технической политики Республики Таджикистан. - Душанбе, 1999. - 50 с.
11. Курбонов А.Ш. Наука и система её управления в государственной политике Республики Таджикистан. - Душанбе: Ирфон, 2014.
12. Курбонов А.Ш. Состояние образования и науки в условиях государственной независимости. - Душанбе: Аржанг, 2021. - 354 с.
13. Насурова Б.А. Молодёжь в трансформирующемся таджикистанском обществе (социально-философский анализ): автореф. дис... на соиск. уч. ст. канд. философ. н.: 09.00.11 - Социальная философия. [Тадж. нац. ун-т]. - Душанбе, 2012. - 27 с.
14. Новикова И.И. Роль и место средств массовой информации в развитии информационного общества // Власть. - 2009. - № 8. - С. 36–39.
15. Орлова В.В. Социализация молодёжи в условиях трансформации современного российского общества (на материалах Томской и Кемеровской областей): автореф. докт. дис. - Улан-Удэ, 2011. - 20 с.
16. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 20 января 2016 год. [Электронный ресурс]. - URL: <https://tj.sputniknews.ru/> (дата обращения: 22.10.2025).
17. Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика. Социологические исследования. - № 1. - 2003. [Электронный ресурс]. - URL: <http://socis.isras.ru/> (дата обращения: 12.01.2018).
18. О природе неосознаваемого психического / П.В. Симонов // Психологический журнал / Ред. Б.Ф. Ломов, В.С. Шустиков, Л.И. Анцыферова. - 1986. - Т.7. - №2. - 1986. - С. 145-149.
19. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. -Т. 4: С - Ящурный / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков /Под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. - 1502 с.
20. Фролова С.М. Изменение взглядов на повседневность семейных отношений в молодёжной среде/ Сб. трудов Международной научно-практической конференции на тему «Мировоззренческие и поведенческие стратегии социализации молодёжи в глобальном мире» (г.Саратов, 4–15 октября 2010 г). - Саратов, 2010.
21. Харевен Т. Время семьи и время промышленности. Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой/. - СПб.: Изд-во «ЕУСПб», 2003. - 396 с.
22. Цилуйко М.В. Влияние средств массовой информации на формирование противоправного поведения подростков/ Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. - 2005. - №1.

**THE INSTITUTION OF THE FAMILY
AS A FACTOR IN SHAPING THE IDEOLOGICAL PREFERENCES OF
YOUNG PEOPLE IN TAJIKISTAN**

Hotamova Mukhaye Gafurovna

Candidate of Philosophical Sciences, Senior lecturer
of the Department of State Language and Social Sciences,
Khujand Polytechnic Institute
Tajik Technical University
named after academician M.S. Osimi in Khujand
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, I. Somoni Avenue, 226
www.11a.tg@mail.ru

The article examines the influence of the institution of the family on the formation of ideological preferences of young people in Tajikistan. The author emphasizes that the family is a key institution that plays a fundamental role in shaping a person's worldview. The foundation of a child's ideological preferences is laid in the family, and it continues to develop throughout his life. Thus, the family can have a significant impact on the future life of the child, shaping his ideological preferences. For a deep disclosure of the topic, the author of the article conducted an analysis of various forms of the family. Compared to other social institutions, the family plays a key role in shaping a person's worldview and priorities. No other real social institution can surpass the role of the family in importance. At the same time, the article analyzes the position of women in society. A woman's status in society has a significant impact on strengthening the family, as well as on her views on family life and parenting. In modern conditions, the status of the family has been relatively weakened. One of the reasons for this phenomenon is largely related to labor migration.

Keywords: worldview; family institution; youth; upbringing; modern world; state; socio-psychological relations.

**ИНСТИТУТИ ОИЛА
ҲАМЧУН ОМИЛИ ТАШАККУЛИ АФЗАЛИЯТҲОИ ЧАҲОНБИНИИ
ЧАВОНОНИ ТОЧИКИСТОН**

Хотамова Муҳайё Гафуровна

номзади илмҳои фалсафа, омӯзгори калон
кафедраи забони давлатӣ ва илмҳои ҷамъиятӣ,
Институти политехникии Хучанд
Донишгоҳи техникии Тоҷикистон
ба номи академик М.С. Осимӣ дар шаҳри Хучанд
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, хиёбони И. Сомонӣ, 226
www.11a.tg@mail.ru

Дар мақола таъсири институти оила ба ташаккули афзалиятҳои ҷаҳонбинии ҷавонони Тоҷикистон тадқиқ карда мешавад. Муаллиф таъкид мекунад, ки оила як ниҳоди калидӣ мебошад, ки дар ташаккули системаи ҷаҳонбинии шахс нақши асосӣ дорад. Асоси афзалиятҳои ҷаҳонбинии кӯдак маҳз дар оила гузошта мешавад ва он дар тӯли тамоми умр рушд мекунад. Ҳамин тариқ, оила метавонад ба ҳаёти минбаъдаи кӯдак таъсири назаррас расонад ва афзалиятҳои ҷаҳонбинии ӯро ташаккул диҳад. Барои ифшои амиқи мавзӯ, муаллифи мақола шаклҳои гуногуни оиларо таҳлил кардааст. Дар муқоиса бо дигар муассисаҳои иҷтимоӣ, оила дар ташаккули ҷаҳонбинӣ ва афзалиятҳои шахс нақши калидӣ дорад. Ҳеч як муассисаи воқеии иҷтимоӣ наметавонад нақши оиларо аз ҷиҳати аҳамият боло бардорад. Ҳамзамон, мақола вазъи занонро дар ҷомеа таҳлил мекунад. Мақоми зан дар ҷомеа ба таҳкими оила, инчунин ба ақидаҳои ӯ дар бораи ҳаёти оилавӣ ва тарбияи фарзанд таъсири назаррас мерасонад. Дар шароити муосир мақоми оила нисбатан суст шудааст. Яке аз сабабҳои ин падида асосан ба муҳочирати меҳнатӣ вобаста аст.

Калидвожаҳо: ҷаҳонбинӣ; институти оила; ҷавонон; тарбия; ҷаҳони муосир; давлат; муносибатҳои иҷтимоӣ-психологӣ.

УДК 159.923.5-053.4

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД ДОШКОЛЬНОГО ДЕТСТВА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Курбонова Зарина Ширинбековна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

Постоянная стрессовая ситуация, вызванная внешними факторами, приводит к нарушениям в формировании личности ребенка дошкольного возраста и требует специальных педагогических и психологических подходов.

Статья посвящена анализу особенностей формирования личности в дошкольном возрасте и рассматривает как внутренние механизмы психического развития ребёнка, так и влияние социальной среды. В ней подробно описываются ключевые психологические процессы: развитие самосознания, эмоциональной сферы, коммуникативных навыков и саморегуляции, которые формируют основу дальнейшего личностного роста. Особое внимание уделяется роли семьи, педагогов и сверстников как основных факторов социализации, обеспечивающих усвоение норм, ценностей и социальных ролей. Отдельное внимание автор уделяет концепции «12 осей Я» как структурной модели становления личностных компонентов, проявляющихся именно в дошкольном периоде. Подчёркивается влияние современных социокультурных условий, цифровой среды и информационной насыщенности на развитие мотивации, познавательной активности и эмоциональной устойчивости ребёнка. Представлены результаты опроса, подтверждающие естественное формирование описанных осей в сознании детей. В заключение автор делает вывод о необходимости создания благоприятной воспитательной среды, поддерживающей личностный рост, самостоятельность, уверенность и позитивное самоотношение дошкольника.

Ключевые слова: личность; дошкольник; социальная среда; ось «Я»; когнитивные процессы.

Личность человека – сложное образование, и процесс ее развития, формирования и становления зависит от многих факторов, в том числе от биологической, природной и социальной среды, от воспитания и образования и собственной активности ребенка. Люди с младенчества развиваются

как социальные существа. Источником и условием этого развития является социальная среда. С помощью людей и через них ребенок взаимодействует с окружающей действительностью, главным образом, с социальной средой, микросредой. Освоение человеческой культуры и взаимодействие с окружающей средой играют важную роль в психическом развитии ребенка и формировании его как личности.

В дошкольном возрасте происходит формирование психологических качеств и механизмов личности, устанавливаются основные связи и отношения личности. В это время формируется устойчивый внутренний мир и поведенческая модель, что дает основание рассматривать ребенка как личность.

Условия развития детей дошкольного возраста существенно отличаются от условий более ранних возрастных этапов. Значительно повышаются требования к поведению взрослых, главным требованием становится соблюдение правил поведения и норм общественной морали, обязательных для всех людей. Новые возможности восприятия мира способствуют усвоению тех форм человеческих отношений, которые существуют между взрослыми. Дети учатся участвовать в совместной деятельности со сверстниками, координировать свое поведение со сверстниками, учитывать интересы и идеи сверстников. Их деятельность постоянно меняется и усложняется, предъявляя новые требования к их способности воспринимать, думать, запоминать и организовывать поведение. Постепенно формируется личность ребенка, и каждое изменение личностных качеств расширяет воспитательные возможности.

В дошкольном возрасте вызовы часто связаны с изменениями в структуре социальной среды и скоростью информационного потока. По мнению психиатров, воспитание в условиях жестких и противоречивых требований и запретов может стать причиной неврозов, обсессивно-компульсивных расстройств и психозов у детей.

Попытки взрослых изолировать детей от сверстников и лишить их элементарной самостоятельности, непрошенные наставления и нравоучения (с целью научить добру и позитиву), оскорбления, унижения, насмешки, физические наказания за ошибки и неудачи, воспитание у детей чувства слабости и неполноценности негативно влияют на их самооценку и тревожность создают чувство незащищенности.

Каждый возрастной период ребенка является важной частью развития его личности. Для плодотворного развития необходимо уделять внимание всем сферам развития детей дошкольного возраста. Путь к самопознанию человеческого «Я» всегда заманчив и богат событиями, так как это единственный путь к познанию жизни и человеческой личности.

Стоит отметить, что у человека одно «Я», состоящее из множества других «я», отражающих различные стороны одного целого. Что же представляет из себя личность, ее внешний и внутренний облик? Обращаясь к подробной характеристике личности, необходимо отметить наличие 12 осей «Я», а именно:

- я есть;
- я умею;
- я познаю;
- я хочу;
- я имею;
- каким бы я хотел быть;
- совесть (что можно и нельзя);
- я - мальчик/девочка;
- я - школьник;
- я - товарищ;
- членство в определенной группе, кем я буду;
- я - партнер.

Каждая из перечисленных осей развивается постепенно в процессе развития ребенка. При этом иногда развиваются новые понятия, а прежние отпадают.

В культурно-исторической теории, предложенной Л.С. Выготским и его последователями, выделяется социальное происхождение личности как продукта деятельности и общения в культурной среде. Он подчеркивал, что высшие психические функции приобретаются ребёнком посредством опосредованных знаков и символов, которые несут в себе культурную информацию. Таким образом, личность не просто развивается внутри ребёнка, а формируется в процессе активного вовлечения в социально-культурную практику. Отсюда важность освоения ребенком социальных мотивов и норм, которые становятся ядром личностного строения.

По В.А. Петровскому, гармоничное развитие личности обеспечивается за счёт синтеза игровых, коммуникативных, творческих и экспериментальных видов деятельности, которые формируют комплекс высших психических функций и социальных компетенций. Взрослые, направляющие и поддерживающие ребёнка, специализируются в адаптации форм руководства и прививают нравственные и гуманистические ценности [11, с. 25].

В психологии существует множество взглядов на понимание сущности «Я», самой личности. Но при этом хотелось бы особо рассмотреть структуру, предложенную Карлом Блага и Михаилом Чибекком. В ней выделяются следующие составляющие:

- глобальное я - центр личности (эмоции, состояния и чувства), как итог познавательной практической и творческой деятельности человека.

- процессуальное я - центр переживания и осознания (внутренняя территория, в которой переживается ежедневный опыт).

- структурное я - это познаваемое я и самопонимание.

Может возникнуть вопрос: «Какова роль «Я» в жизни человека?». Можно попытаться отследить. Родился ребенок. Это индивид, не обладающий своим «Я». Формирование собственного осуществится только к 3 годам. На данный момент идет подготовка к познанию окружающего, что выражается бесконечным «Почему?».

Период дошкольного детства охватывает возраст от трех до шести-семи лет и характеризуется интенсивными и качественными изменениями в психическом развитии ребёнка. Ведущей деятельностью этого возраста является игра, выполняющая не просто развлекательную функцию, а действующая как основной механизм освоения ребёнком социального мира, формирования норм и правил поведения в социуме.

Возрастные этапы дошкольного возраста (младший (3-4 года), средний (4-5 лет) и старший (5-7 лет)) характеризуются особыми кризисами и достижениями. Кризис трёх лет отражается негативом в сопротивлении внешним требованиям и проявлении самостоятельности. Отстаивание ребёнком границ личного пространства сопровождается одновременно положительными и отрицательными аспектами, с которыми он учится справляться через социальное взаимодействие [14, с. 10].

Ребёнок растёт, продолжая изучать окружающий мир, осознавая, что он центр «своей вселенной», он может сам пробуждать, выражать эмоции и получать впечатления.

Игра с мячом. Ребенок случайно его уронил, мяч покатился. Заинтересовавшись, ребёнок повторяет это действие. Наблюдая, он понимает, что, если мяч бросить, то он покатится. Крепнет его самосознание, формируется чувство самооценности. Появляется осознание оси «Я есть».

Другой пример – ребёнок, являющийся «центром» всей семьи, начинает понимать, что своими действиями он может огорчать и радовать. Он реализует все свои желания, во благо себе. Проявление самоуважения отражается и на отношении с другими. Он начинает требовать его и от других. Эгоцентризм, свойственный детям, – «Я хороший и умный». Например, четырёхлетняя девочка вечером на прогулке с отцом говорит: «Смотри, я иду, и звёзды идут за мной». Причина - восприятие окружающего мира, как всеобщего «я»: «внешний мир и я - единое целое». Формируется ось «Я умею, я познаю». Она формируется параллельно оси «Я хочу».

Желание выйти из-под опеки старших, приводит к формированию оси «Я умею» (например, самостоятельно застегнутая пуговица). Идет по-

явление и оси «Я имею». Наблюдать это можно в дошкольном учреждении. Ребенок, приходя в детский сад, начинает перечислять сверстникам, что у него есть, что помогает частичному самоутверждению в коллективе. Ось «Каким бы я хотел быть» сформировавшись, остается на всю жизнь. Вначале выбираем себе одни ценности, затем другие, а далее стараемся быть похожими на идеал. К 5-6 годам зарождается понимание термина «совесть». Дети вкладывают в него свое понимание. Ось «Я есть» подразумевает и понимание гендерных различий. Происходит это на рубеже трех лет, в коллективе сверстников. В подготовительной группе дети часто слышат о школе, им проводят экскурсию по ней, идет подготовка к утреннику «До свидания, детский сад!». Ребенок начинает осознавать себя будущим школьником. Идет формирование оси «Я - школьник». Позже происходит формирование осей «Я - товарищ» и «членство в группе».

Как видно из приведенного описания, формирование каждой из двенадцати сторон обеспечивает поступенчатое формирование личности. Сегодняшняя ситуация с быстро меняющимися условиями и развитием информационных технологий, а также изменения в социокультурной среде приводят к некоторым изменениям в социокультурной адаптации дошкольников.

Влияние цифровых средств и новые формы взаимодействия влияют на скорость и содержание познавательного и личностного развития, а проектная деятельность становится эффективным инструментом поддержки и развития мотивации ребёнка к познанию и сотрудничеству. Такое влияние требует адаптации подходов к воспитанию и образованию, учитывающих динамику внешних факторов и их взаимодействие с психическим развитием [1; 3].

Возрастные особенности дошкольного периода составляют сложное комплексное поле, в котором изменяются практически все сферы психики ребёнка, формируются базовые устойчивые психологические качества. Понимание этих характеристик позволяет углублённо рассмотреть влияние социальных факторов - педагогического влияния, взаимодействия со сверстниками и культурной среды.

Следующим немаловажным элементом процесса, формирующего личность ребенка, можно назвать социальные условия развития. Социальная среда представляет собой ключевой механизм социализации ребёнка, оказывающий непосредственное влияние на формирование его личности. Немаловажное значение имеет и семья, так как играет особую роль в развитии личности ребенка, определяя фон и обеспечивая условия для привязанности. Эмоциональная стабильность, поддержка и стиль воспитания в семье оказывают воздействие на развитие речи, психическое здоровье и

формирование самосознания у ребёнка. Стоит отметить, что детско-родительские отношения формируют базис, на котором строится способность к доверию, эмпатии и саморегуляции, а их качество влияет на последующий успех в социальной адаптации [17, с.15]. Без определенного социального окружения, основными элементами которого являются родители, воспитатели детских дошкольных учреждений, друзья, даже герои художественных произведений, это было бы невозможно. Ведь именно среда создает и регулирует усвоение тех или иных поведенческих норм.

Размышления о своей будущей профессии у детей начинаются уже к пяти годам. Вначале это связано с любимым героем (у девочек – красивые наряды принцесс вызывают желание стать моделью, у мальчиков – сила супергероев связывается с профессией телохранителя, милиционера, солдата и т.д.) и только став старше они делают свой выбор.

Представив краткую характеристику 12 осей, стоило убедиться в их реальном существовании. Для этого был составлен опросник, по которому опрос проводился как среди студентов, так и среди детей подготовительной средней и второй младшей группы. Вот что показали результаты.

У студентов вопросы вызвали затруднение при ответах. Одни задумывались, другие просто избегали опроса, мотивируя тем, что не знают, как отвечать и что отвечать. При опросе детей складывалась совершенно другая картина – дети вели себя свободно, непосредственно. Могли рассказать о себе и плохое. Но при вопросе «Почему он/она плохой?», просто пожимали плечами. На вопросы о совести перечислялось, что можно делать, а что – нельзя. И только одна девочка ответила: «Когда я делаю что-то не так, мама говорит: «У тебя совесть есть?»».

При ответах на вопрос о половой принадлежности дети указывали анатомические причины, социальные, различия в одежде, в общении, в играх. Был и такой ответ: «Я девочка, потому что красивая!».

На вопрос о друзьях, дети подготовительной, средней и второй младшей группы ответили, что друг – это мальчик, а подруга – это девочка. Один мальчик из средней группы сказал, «друг – это когда тебя любят».

Проведенный опрос показал, что каждая из осей существует в подсознании каждого из нас. Они возникают и проходят без каких-либо рамок. Иногда одна ось занимает место другой. Но, все они связаны с уровнем знаний и мышления. Несмотря на такие особенности, каждый взрослый обязан помогать в становлении личности. К взрослым, отвечающим за правильное развитие личности, кроме родителей, относятся и воспитатели.

Роль воспитателей в дошкольных учреждениях заключается в расширении социального пространства ребёнка, где он учится правилам коллективного взаимодействия и социализации вне семейного круга. Педагоги выступают проводниками социальных норм и ценностей, обеспечивая сре-

ду, в которой ребёнок может осваивать новые социальные роли и получать обратную связь, необходимую для коррекции собственного поведения. Воспитательская среда становится для ребёнка «собственной», поддерживающей саморазвитие и формирование личностной автономии [5, с.40]. В этот ряд можно включить и сверстников, выступающих важным социальным феноменом, способствующим развитию коммуникативных умений и эмоционального интеллекта.

Взаимодействие со сверстниками часто характеризуется процессами сотрудничества, конкуренции, ролевого моделирования и эмоционального обмена, что стимулирует развитие самосознания и способствует формированию социальной идентичности. Через игры и совместную деятельность дети приобретают навыки разрешения конфликтов, учатся учитывать интересы других и поддерживать социальный контакт [8, с. 45].

Неблагополучная социальная среда, включая конфликты в семье, социальную изоляцию или отсутствие поддержки со стороны взрослых и сверстников, может привести к задержкам в развитии личности, нарушению психоэмоциональной сферы и появлению поведенческих проблем. Социальная среда, насыщенная негативными образцами и отсутствием позитивных моделей, формирует предпосылки для отставания в социализации. Сам по себе ребенок от рождения не имеет навыков, позволяющих ему жить самостоятельно. За его взаимодействие с миром ответственны родители и иные участники внутрисемейных коммуникаций. В этом и заключен основной смысл педагогики. Таким образом, малыш, которому повезло появиться в благоприятной среде, не способен полноценно развиваться в случае ограниченных возможностей контакта со своим окружением либо его полного отсутствия.

Отчужденное отношение взрослого к ребенку значительно снижает его социальную активность: ребенок замыкается в себе, становится скованным, неуверенным, готовым расплакаться или начинает фрустрировать и выплескивать свою агрессию на сверстников. Большинство детей в условиях отчужденного отношения со стороны взрослого прекращают начатую деятельность, становятся вялыми и безразличными. Часть детей, напротив, может увеличить темп работы, но при этом продуктивность деятельности все равно резко падает. Негативное отношение взрослого, которое он демонстрирует ребенку, вызывает у него типичные реакции: ребенок или стремится преодолеть барьер отчуждения и установить контакт с взрослым, или сам замыкается и стремится избежать общения.

Активное взаимодействие ребёнка с социальной средой становится условием формирования его внутренней позиции и мировоззрения, превращения окружающих норм и правил в индивидуальные черты. При этом

социальная среда является динамичной и сложной системой, которая постоянно изменяется, влияя на развитие личности в контексте текущих условий жизни и внутренних характеристик ребёнка. Воспитательная среда должна быть направлена на поддержание позитивного эмоционального климата, стимулирование самостоятельности и творческого самовыражения, что способствует гармоничному личностному росту [9].

Таким образом, социальная среда, представленная семьёй, воспитателями и сверстниками, обеспечивает комплексное влияние на становление личности ребёнка, создавая условия для усвоения социальных норм, развития эмоциональных и коммуникативных компетенций. Её значимость состоит в том, что именно через неё ребёнок приобретает индивидуальные психологические черты, необходимые для успешной социализации и дальнейшего жизненного развития.

Литература

1. Андреева А.Д. Особенности психологического развития дошкольников в современных цивилизационных условиях // Вестник Минского университета. - 2013. - №2(2). - С. 3
2. Афонькина Ю.А. Современный дошкольник: новый контекст психического развития // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - №58-4. - С.11.
3. Беляева Т.К., Базарнова Н.Д. Педагогическое сопровождение социально-личностного развития дошкольников: постановка проблема // Карельский научный журнал. - 2020. - №3(32). - С.68.
4. Баранникова Е.А., Петьков В.А. Педагогическая поддержка развития личности дошкольников // Культурная жизнь Юга России. - 2008. - №2.
5. Готовчикова М.А., Турченкова А.В., Костенко А.А. Влияние окружающей среды на воспитание детей дошкольного возраста // Экономика и социум. - 2023. - №4-1(107). - С.40.
6. Джиева Г.Х., Джиева А.Р. К вопросу о формировании личности ребенка дошкольного возраста // Балтийский гуманитарный журнал. - 2018. - №1(22). - С.18.
7. Жуковская Е.В., Громова Т.В. Влияние семьи на формирование личности ребенка // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2024. - №12-2 (99). - С.274-278.
8. Ичин-Норбу З.Н. Социальная среда как психологический фактор развития обучающейся личности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». - 2010. - №17 (60). - С.45.
9. Коптева О.Б. Влияние социальной среды на формирование личности школьника // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. - 2023. - №2. - С.116-128.
10. Комарова Т.С. Проблемы воспитания и развития детей от рождения до школы на современном этапе // Сборник материалов Ежегодной международной науч-

- но-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». - 2012. - №1. – С. 1-8.
11. Масаева З.В. Методологические основы культурно-исторической теории Л.С. Выготского как инструмента развития личности дошкольника // Мир науки, культуры, образования. - 2025. - №1(110). - С.25.
 12. Маркарян И.А. Взаимодействие детского сада и семьи приоритетное направление в деятельности дошкольной образовательной организации // Вестник евразийской науки. - 2014. - №6(25).
 13. Мелехина А.В. Пути формирования личности ребенка дошкольного возраста // Новые технологии. - 2012. - №1.
 14. Мухина В.С. Дошкольный возраст – развитие детской личности // Развитие личности. - 2020. - №2. - С.10.
 15. Некрасова З.В. Формы педагогического взаимодействия дошкольной образовательной организации и семьи // Актуальные проблемы педагогики и психологии. -Т.1 - 2020. - №3. – С.5-9.
 16. Улзытуева А.И. Современные вызовы и стратегии развития дошкольного образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – Т.19. - 2024. - №2. – С.106-117.
 17. Фаустов А.С. Психологические особенности формирования личности. - Воронеж, 2018. - С.43.
 18. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. - 2-е изд. - СПб.: Питер; - М.: Смысл, 2003. - 860 с.
 19. Югова О.В. Влияние социально-психологических факторов и семейной среды на психическое развитие ребенка // Специальное образование. - 2021. - №1. - С.127-139.
 20. Allport Gordon Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality. - 1955. - New Haven: Yale University Press. ISBN 0-300-00264-5.

FEATURES OF PERSONALITY FORMATION DURING THE PRESCHOOL CHILDHOOD: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Kurbonova Zarina Shirinbekovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior lecturer
of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 40 09 58 (m.)
kzarinash75@gmail.com

A constant stressful situation caused by external factors leads to disruptions in the formation of a preschool child's personality and requires special pedagogical and psychological approaches.

The article analyzes the peculiarities of personality formation in preschool age and examines both the internal mechanisms of a child's mental development and the influence of the social environment. It describes in detail the key psychological processes: the development of self-awareness, the emotional sphere, communication skills and self-regulation, which form the basis for further personal growth. Special attention is paid to the role of family, teachers and peers as the main factors of socialization, ensuring the assimilation of norms, values and social roles. The author pays special attention to the concept of the "12 axes of Self" as a structural model of the formation of personal components that manifest themselves in the preschool period. The influence of modern socio-cultural conditions, the digital environment and information saturation on the development of motivation, cognitive activity and emotional stability of the child is emphasized. The results of the survey are presented, confirming the natural formation of the described ideas in the minds of children. In conclusion, the author concludes that it is necessary to create a favorable educational environment that supports personal growth, independence, confidence and a positive self-attitude of the preschooler.

Keywords: personality; preschooler; social environment; "I" ideas; cognitive processes.

ХУСУСИЯТҲОИ ТАШАККУЛИ ШАХСИЯТ ДАР ДАВРАИ СИННИ ТОМАКТАБӢ: ИМҚОНОТ ВА ХАТАРҲО

Курбонова Зарина Ширинбековна

номзади илмҳои педагогӣ, омӯзгори калони
кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)
kzarinash75@gmail.com

Вазъияти мунтазами изтироб, ки аз омилҳои беруна бармеояд, боиси халалдоршавӣ дар раванди ташаккули шахсияти кӯдакони синни томактабӣ гардида, истифодаи равишҳои махсуси педагогӣ ва психологиро тақозо менамояд.

Мақола ба таҳлили хусусиятҳои ташаккули шахсият дар давраи томактабӣ бахшида шуда, ҳам механизмҳои дохилии рушди равонии кӯдак ва ҳам таъсири муҳити иҷтимоиро мавриди баррасӣ қарор медиҳад. Дар он равандҳои калидии психологӣ, аз ҷумла рушди худшиносӣ, соҳаи эҳсосию ҳаяҷонӣ, малакаҳои муошират ва худтанзимкунӣ, ки заминаи рушди минбаъдаи шахсиятро ташкил медиҳанд, муфассал тавсиф ёфтаанд. Таваҷҷуҳи хосса ба нақши оила, омӯзгорон ва ҳамсолон ҳамчун омилҳои асосии иҷтимоишавӣ, ки азхудкунии меъёрҳо, арзишҳо ва нақшҳои иҷтимоиро таъмин мекунанд, равона шудааст. Муаллиф ба

концепсияи «12 меҳвари Худ» ҳамчун модели сохтори ташаккули ҷузъҳои шахсият, ки маҳз дар давраи томактабӣ зуҳур меёбанд, диққати махсус додааст. Таъсири шароити муносири иҷтимоию фарҳангӣ, муҳити рақамӣ ва барзиёдии иттилоот ба рушди ангезиш, фаъолнокии маърифатӣ ва устувории эҳсосии кӯдак таъкид шудааст. Натиҷаҳои пурсиш пешниҳод гардидаанд, ки ташаккули табиии меҳварҳои тавсифшударо дар шуури кӯдакон тасдиқ менамоянд. Дар фарҷом муаллиф дар бораи зарурати эҷоди муҳити мусоиди тарбиявӣ, ки рушди шахсият, мустақилият, эътимод ва муносибати мусбати кӯдаки томактабиро нисбат ба худ дастгирӣ мекунад, хулоса мебарорад.

Калидвожаҳо: шахсият; кӯдаки томактабӣ; муҳити иҷтимоӣ; меҳвари «Худ»; равандҳои маърифатӣ.

УДК 37.013:004.9

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Курбанова Тахмина Ширинбековна

учитель начальных классов,
Государственное общеобразовательное учреждение
«Лицей № 3 для одаренных учащихся города Душанбе»
734000, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Холова, 33
Тел.: (+992) 919 13 46 45 (м.)
tatakurbanova@gmail.ru

В статье рассматриваются особенности психолого-педагогического подхода к обучению и воспитанию детей поколения «Альфа» (2010-2024 годы рождения), выросших в условиях глобальной цифровизации. Автор анализирует специфику их мышления, поведения и восприятия информации, выделяя основные трудности, с которыми сталкиваются педагоги и родители при взаимодействии с представителями данного поколения. Отмечается, что дети поколения «Альфа» обладают высоким уровнем технологической компетентности, склонностью к клиповому мышлению, потребностью в быстром результате и выраженном стремлением к самовыражению. Вместе с тем наблюдается снижение усидчивости, терпения и концентрации внимания, а также имеется зависимость от цифровой среды. В статье подчеркивается необходимость пересмотра традиционных педагогических методов и их адаптации к особенностям современных школьников. Предлагаются практические рекомендации для педагогов по организации образовательного процесса с использованием интерактивных технологий, игровых и исследовательских методов, а также по формированию у учащихся критического мышления, цифровой безопасности и навыков осознанного использования технологий. Сделан вывод о том, что эффективное обучение поколения «Альфа» возможно при условии гибкости педагога, применения инновационных методик и сочетания цифрового и реального образовательного пространства.

Ключевые слова: поколение «Альфа»; цифровизация; психолого-педагогический подход; современное образование; критическое мышление; цифровая безопасность; ИКТ в обучении.

В наше время мы часто слышим от родителей и педагогов, что подростки не слушаются, дети не управляемы, к ним трудно найти подход. Мы живем в современном мире, когда происходит глобальная цифровизация.

Одно поколение сменяется другим, и современное подрастающее поколение - это уже не те дети, про которых писали в книгах.

Современное новое поколение, которое называют «Альфа» (рожденные примерно с 2010 по 2024 годы), живут в цифровом мире. По отношению к жизни они сильно отличаются от своих старших братьев и сестер, и особенно родителей. Поэтому нам, родителям и педагогам, часто бывает достаточно трудно понять их [11, с.58-60].

В данной статье была осуществлена попытка рассмотреть особенности развития детей поколения «Альфа», понять их и найти пути подхода к ним для того, чтобы знать, как их учить и воспитывать.

Так в чем же их отличие и особенности их развития?

Дети, рожденные в период с 2010 по 2024 годы, считаются поколением «Альфа» (Generation Alfa). Иначе говоря, это все дети и подростки младше тринадцати лет. Новое поколение получило это название благодаря известному социологу М.Мак-Кринделу, который по окончании латинского алфавита (X, Y, Z) предложил использование первой буквы греческого алфавита, таким образом, подчеркивая, что старая хронология человечества обнулилась и начинается эра новых поколений [18, с.192].

Дети поколения «Альфа» – это цифровое поколение, которое отличается свободным владением цифровыми технологиями, причем с раннего детства, еще не научившись как следует ходить и говорить. По исследованиям В.Тёрка, дети этого поколения свободно используют сенсорный экран уже к двухлетнему возрасту, свободно открывая игровые приложения и ориентируясь в знакомых играх [20, с.21]. На сегодняшний день мы не можем точно ответить на вопрос «Каким будет это поколение?», но уже сейчас маркетологи, социологи и психологи говорят, что это будет поколение, которое переживет цифровую революцию в образовании.

Хотя самому старшему представителю этого поколения на сегодняшний день всего лишь около пятнадцати лет, уже заметны характерные черты поколения «Альфа». Дети этого поколения отличаются высоким уровнем мышления, хотя зачастую оно бывает клиповым (возможно это зависит от чрезмерного использования гаджетов), высокой скоростью обучения и толерантностью. Ими наиболее эффективно воспринимается визуальная информация, чем объемный текст, а способность к мультизадачности внешне может казаться невнимательностью, но на самом деле это умение усваивать и обрабатывать несколько источников информации. Дети поколения «Альфа» стремятся к «самовыражению без границ».

В связи с тем, что цифровой мир безграничен, информацию поколение «Альфа» получают в огромных количествах и разных форматах - визуально, аудио и видеоформатах, что зачастую приводит к повышению уров-

ня тревожности. Социальное общение у них зачастую ограничивается социальными сетями, но, несмотря на это, они не испытывают сложностей в коммуникации. Однако, существует и ряд трудностей, с которыми сталкивается это поколение: у них наблюдается снижение умения усидчивости и терпения (им нужно всё и сейчас, в один клик), они часто бывают раздражительны, так как бывает трудно переключиться с виртуального мира в реальный, они не умеют концентрировать внимание длительное время, им необходимо быстрое переключение с одного вида деятельности на другой, а большой объем получаемой информации из сети формирует у этих детей поверхностное мышление, а не глубокое понимание. И конечно, одна из главных проблем, с которой столкнется это поколение – это цифровая безопасность [3, с.30].

Работая в школе, мы часто слышим и от коллег, и от родителей, что бывает трудно найти подход к ребенку. Регулярно приходится сталкиваться с ситуациями, когда учащиеся «демонстрируют» свое поведение, не соблюдают дисциплину и распорядок учебного заведения. Например, у учащегося 3 класса, очень любознательного и смышленного мальчика, могут быть следующие трудности с дисциплиной: он не понимает ограничений, выходя за рамки, не реагирует на поставленные учителем задачи, такие как спокойно сидеть за партой и выполнять задание, у него установка «есть потребность и я ее выполню!», т.е. ведет себя согласно своим желаниям.

Или другая ситуация: девочка 7,5 лет, ученица 1 класса. Очень открытая девочка, обладает достаточным уровнем знаний, развитая и смышленная. На уроках активна, всегда информативно «подкована», чем охотно делится с одноклассниками, что не всегда уместно в рамках урока. На замечания реагирует с удивлением: «Почему Вы не оцениваете моих стараний?». Еще одна ситуация, когда учащийся 1 класса (7 лет), смышленный мальчик, который выполнив задание, сразу кричит об этом, считая нужным донести свой успех до всех. Причем делает он это тогда, когда считает нужным, нарушая дисциплину на уроке.

Бывают ситуации на уроке, когда рассказываешь учащимся рассказ, биографию или историю, подкрепляя всё это фактами и входя в образ, и в какой-то момент слышишь: «Поставьте посмотреть об этом мультфильм!», или, попросив учащихся записать информацию в блокнот, слышишь «Сфотографируйте пожалуйста!» и т.д. Как и многие взрослые, поначалу считала это ленью и избалованностью детей, позже поняла, что это одна из особенностей современных детей. Стала искать статьи, посвященные этому «феномену», и углубленно изучать особенности развития современных детей. Со временем стала внедрять новые эффективные психолого-педагогические подходы к обучению, учитывая индивидуальные особенности данного поколения, развивая их самостоятельность, творческое мыш-

ление, умение справляться с проблемами и принимать решения, а главное быть ответственными за свои действия.

Изучив литературу по теме, пришла к выводу, что дети поколения «Альфа» высоко технологичны: любой современный подросток разбирается в технологиях лучше, чем окружающие его взрослые. Для них не существует авторитета, учитель для них – это «равный им» человек, свое внимание они могут обратить только на его личность. Детям поколения «Альфа» трудно сосредоточиться: внимание современного школьника можно задержать не на 15 минут, как ранее утверждалось в трудах ведущих ученых-педагогов, а всего лишь на 3-5 минут, а затем необходимо «переключение» деятельности. Спокойно сидеть, сложив руки на парте – это тоже не про современных детей, цифровой мир научил их постоянно нажимать, «скролить» и «свайпать», поэтому подаваемый материал урока должен быть красочным, интересным, «живым», желательно в видеоформате или в игровой форме [11, с.66-67]. Поколение «Альфа» не выдерживает порицаний, с ними лучше проводить открытый диалог, они приветствуют поощрения и награждения, терпение это не про современных подростков, они настроены на получение быстрого результата.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что психолого-педагогические подходы, по которым учили и воспитывали нас и несколько поколений после, следует пересмотреть и адаптировать под современное поколение, чтобы вырастить психологически здоровое, устойчивое и адаптированное к современному миру поколение.

В условиях стремительно меняющейся окружающей среды мы не можем предсказать, в каком мире им предстоит жить, поэтому стараемся подготовить их ко всему: родители загружают детей языковыми курсами, курсами по кулинарии и рукоделию, по возвращению пищевых сельскохозяйственных культур, программированию и робототехнике и т.п. Но, в свободное от занятий время (в транспорте, на остановках, за столом) дети снова «залипают» в телефонах, «зависают» в игровых чатах.

Несмотря на современную тенденцию, ни одно научное исследование на сегодняшний день не доказало, что дети «зависающие» в телефонах, отстают в развитии по каким-либо параметрам. Однако, это не значит, что можно успокоиться и оставить подростков и телефон с доступом во всемирную сеть наедине. Задачей взрослого остается научить ребенка использовать сеть и технологии максимально продуктивно, научить фильтровать большой поток информации и защищаться от кибератак, научить их базовым бытовым навыкам без использования интернета, например, как завязать шнурки или приготовить еду, отличить полезное от вредного, т.е.

навыкам, которые нам – другому поколению, кажутся обыденными [11, с.14-21].

Достаточно важным, на наш взгляд, является роль родителей в воспитании и обучении своего ребенка. Родителям следует часто и качественно уделять время ребенку, так как большой объем информации в сети, вызывает у подростка множество вопросов, и ему необходимо «выгрузить» это все на взрослого. Важно, чтобы рядом был близкий взрослый человек, с которым можно просто поговорить по душам, спросить совета, открыться, довериться или просто вместе провести время. «Умная колонка» или «Интернет» конечно найдут ответы для подростка во всех ситуациях, но не заменят той эмоциональной близости, которую ребенок получает от близких. А недополучив внимание от близких, ребенок начинает искать внимание на стороне, причем любыми способами, обращая на себя внимание других взрослых (учителей, воспитателей, нянь) своим вызывающим и агрессивным поведением, восполняя таким образом дефицит внимания.

В педагогической деятельности следует строить свою работу таким образом, чтобы заинтересовать подростков и используя их навыки критического мышления, найти баланс между «надо» и «можно», сочетать свободу с дисциплиной, а при общении использовать равноправный диалог, избегая авторитарного тона, показывая практическую значимость получаемых знаний, донести важность этих знаний и место их применения в жизни.

Так как внимание современного подростка быстро переключается с одного вида деятельности на другой, а затянувшееся занятие быстро его утомляет, мы рекомендуем для эффективной подачи учебного материала чередовать способы его подачи: обучающее видео, игровой материал, исследовательская деятельность, инфографика, викторины и т.д. Кроме того, учащийся должен постоянно создавать что-то новое, делать открытия, проявлять фантазию – этим можно привлечь его внимание. Если ребенок поймет, что изучаемый им урок важен в его дальнейшей жизни, то его внимание вам обеспечено.

Многие взрослые считают, что технологии разрушают жизнь наших детей, однако, следует посмотреть на это с другой стороны, - возможности, которые открываются перед подрастающим поколением, и они неоспоримы. К примеру, современный школьник может самостоятельно найти ответ на вопрос или решить задачу, проявить креативность, просмотрев нужный сайт, прежде чем задавать вопрос учителю. Учителям важно учитывать, что ученики могут отвлекаться от учебного процесса различными факторами современного мира, и строить обучение так, чтобы стимулировать их познавательную деятельность и развивать мотивацию к получению знаний.

На наш взгляд, в современном мире успех в учебе больше не связан напрямую со знаниями, важнее всего научить ребенка творческому и кри-

тическому мышлению. Следует учить детей находить, анализировать, обобщать синтезировать и оценивать полученную информацию. Анализ большого потока информации, получаемой из сети и выявление только достоверных источников, формирование собственной позиции, высказывание и отстаивание собственного мнения - это важные умения и навыки современного подростка.

Интеграция средств ИКТ в современный образовательный процесс школы необходима для проведения эффективных уроков, формирования навыков, необходимых в будущем. Интерактивные приложения, образовательные платформы и приложения, VR/AR технологии, различные образовательные ресурсы, содержащие интерактивные учебники, видеуроки и тесты, геймификация образовательного процесса мотивируют к учебе, вовлекают в образовательный процесс и способствуют развитию подрастающего поколения [4, с. 40]. Школы нового поколения оснащены сенсорными досками и «smart» столами, которые можно использовать на уроках для получения информации, выполнения интерактивных заданий, развития интереса к учебе. Причем «smart» столы являются отличным помощником для учителя в решении вопроса неусидчивости детей поколения «Альфа».

Такие современные электронные образовательные платформы как «E-donish», станут подспорьем для родителей, где они смогут в режиме онлайн отслеживать успеваемость и посещение ребенком учебного заведения, станут связующим звеном между участниками образовательного процесса, позволяя получать информацию о деятельности ребенка в рамках школы.

Мы считаем, что важно находить баланс между использованием технологий и активной жизнью в реальном мире для поддержания психического и физического здоровья детей. Так как дети поколения «Альфа» чрезвычайно активны и возбудимы, педагогам придется приложить массу усилий для поддержания дисциплины в классе и проявлять индивидуальный подход, ведь образование отдельного учащегося и всего поколения зависит от учителя, от его желания и умения работать с детьми.

Современное подрастающее поколение требует полной трансформации педагогического подхода, а это значит, что учитель должен находиться в постоянной готовности учиться, совершенствоваться, экспериментировать и адаптироваться под новые образовательные тенденции для того, чтобы помочь детям реализовать свой потенциал в постоянно меняющемся мире.

Литература

1. Алексеева, Е. Архітектоніка педагогічного успіху / Е. Алексеева, К.Пузиревич / Відкритий урок. – 2010. - № 12. - С. 65–70.

2. Амосов Н.М., Никитина Л.А., Воронцов Д.Д. Страна детства: Сборник. – М.: Знание, 1990. – 285 с.
3. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войсунский А.Е. Мотивация пользователей интернета. – М., 2000. - С.30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1106643538&archive=01&start_from=&ucat=&&ysclid=mjgyuyvye8f867159230.
4. Балонов И.М. Компьютер и подросток. - М.: Эксмо, 2002. – 245 с.
5. Бех И.Д. Психологические источники воспитательного мастерства: учебное пособие. - Киев: Академвидав, 2009. - 248 с.
6. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избр. психол. тр. / Под ред. Д. И. Фельдштейна. – М.; - Воронеж: Ин-т практ. психологии, 1995. – 348 с.
7. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика-пресс, 1999. – 533 с.
8. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. – М.: Педагогика, 1986. - 240 с.
9. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М.: Интор, 1996. - 544 с.
10. Давыдов В.В., Варданыан А.У. Учебная деятельность и моделирование. - Ереван: Луйс, 1981. - 220 с.
11. Данилова Л.Н. Образовательный запрос поколения «Альфа» //Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2023. - Т.12. - №1(45). - С.58-67. – URL: <file:///C:/Users/kafedra/Downloads/obrazovatelnyy-zapros-pokoleniya-alfa.pdf>.
12. Кабилова М., Муминова М. Психолого-педагогические особенности формирования музыкальной культуры младших школьников [Текст]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://science.jdpu.uz/index.php/art/article/view/3284/2206> (дата обращения 13.01. 2025).
13. Каразина Н., Токарева Н.М. Психологічні особливості мотивації, стилів самопрезентації підлітків / Проблеми сучасної психології. - № 38. - 2017.
14. Кулагина И.Ю. Возрастная психология. Развитие ребенка от рождения до 17 лет: учебное пособие. - 4-е изд. - М.: Изд-во Ун-та Российской академии образования, 1998. – с. 120.
15. Слижук О.А. Психолого-педагогічні аспекти сприйняття підлітками сучасної української літератури/ Педагогічний альманах. – Т. VI. - №44. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.sciencegate.app/source/424132371>.
16. Талызина Н.Ф. Педагогическая психология: учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. - 288 с.
17. Токарева Н.М., Шамне А.В., Макаренко Н.М. Сучасний підліток у системі психолого-педагогічного супроводу: монографія. - Кривий Ріг: ТОВ «Інтерсервіс», 2014. - 312 с.
18. Шамис Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс = Необыкновенный Икс [Текст] / Е.Шамис, Е.Никонов. - 2-е изд., стер. – М.: Ун-т Синергия: Школа Бизнеса, 2017. - 138 с.
19. McCrindle M., Wolfinger E. (2016) The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations. – URL: https://2qean3b1jdd1s87812ool5ji-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2016/12/McCrindleResearch_ABC-03_The-Generation_Map_Mark-McCrindle.pdf (дата обращения 25.11.2025).
20. Turk V. Understanding Generation Alfa. - London: Hotwire Consulting, 2017. – 21 p.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FEATURES OF THE APPROACH TO TEACHING THE YOUNGER GENERATION

Kurbanova Takhmina Shirinbekovna

primary school teacher,
State Educational Institution
«Lyceum No. 3 for gifted students of the city of Dushanbe»,
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Kholov, 33
Ph.: (+992) 919 13 46 45 (m.)
tatakurbanova@gmail.ru

The article examines the features of the psychological and pedagogical approach to the education and upbringing of children of the Alpha generation (born in 2010-2024) who grew up in the context of global digitalization. The author analyzes the specifics of their thinking, behavior and perception of information, highlighting the main difficulties faced by teachers and parents when interacting with representatives of this generation. It is noted that children of the Alpha generation have a high level of technological competence, a tendency to clip thinking, a need for quick results and a pronounced desire for self-expression. At the same time, there is a decrease in perseverance, patience and concentration of attention, as well as dependence on the digital environment. The article emphasizes the need to revise traditional pedagogical methods and adapt them to the peculiarities of modern schoolchildren. Practical recommendations are offered for teachers on the organization of the educational process using interactive technologies, game and research methods, as well as on the formation of students' critical thinking, digital security and skills of conscious use of technology. It is concluded that effective teaching of the Alpha generation is possible provided that the teacher is flexible, innovative methods and a combination of digital and real educational space are used.

Keywords: Alpha Generation; digitalization; psychological and pedagogical approach; modern education; critical thinking; digital security; ICT in education.

ХУСУСИЯТҲОИ РАВОНШИНОСӢ ВА ПЕДАГОГИИ УСУЛҲОИ ТАЪЛИМИ НАСЛИ НАВРАС

Курбонова Тахмина Ширинбековна

муаллимаи синфҳои ибтидоӣ,
муассисаи давлатии таълимии
«Литсейи № 3 барои хонандагони болаёқати шаҳри Душанбе»
734000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Холов, 33

Тел.: (+992) 919 13 46 45 (м.)
tatakurbanova@gmail.ru

Дар мақола хусусиятҳои равонӣ ва педагогии кӯдакони насли «Алфа» (солҳои таваллуд 2010–2024), ки дар давраи рақамисозии ҷаҳонӣ ба воя мерасанд, баррасӣ мегардад. Муаллиф хусусиятҳои тафаккур, рафтор ва дарки иттилооти онҳоро таҳлил намуда, мушкилоти асосие, ки волидон ва омӯзгорон ҳангоми муошират бо намоёндагони ин насл рӯ ба рӯ мешаванд, нишон медиҳад. Кӯдакони насли Алфа дорои сатҳи баланди саводнокии рақамӣ буда, фикрронии клипӣ, қобилияти иҷрои якҷанд амал дар як вақт, хоҳиши зуд ба даст овардани натиҷа ва майл ба худифшорӣ доранд. Ҳамзамон, кам шудани сабр, тоқат ва қобилияти тамаркузи диққат, инчунин вобастагӣ аз муҳити рақамӣ мушоҳида мешавад. Дар мақола зарурати бознигарии усулҳои анъанавии таълим ва мутобик намудани онҳо ба хусусиятҳои насли муосир таъкид мегардад. Муаллиф тавсияҳои амалӣ барои омӯзгорон пешниҳод мекунад, аз ҷумла истифодаи технологияҳои интерактивӣ, унсурҳои бозигарона ва усулҳои таҳқиқотӣ, инчунин рушди тафаккури интиқодӣ, амнияти рақамӣ ва малақаҳои истифодаи огоҳонаи технологияҳо. Хулоса карда мешавад, ки омӯзиши самарабахши насли Алфа танҳо дар сурате имконпазир аст, ки омӯзгор қобилияти мутобикшавӣ дошта, аз усулҳои инноватсионӣ истифода намояд ва муҳити таълимии рақамӣ ва воқеиро ба таври мутаносиб ҷамоҳанг созад.

Калидвожаҳо: насли Алфа; рақамисозӣ; равоншиносӣ ва педагогика; маорифи муосир; тафаккури интиқодӣ; амнияти рақамӣ; технологияҳои иттилоотӣ ва иртиботӣ дар таълим.

УДК 373.21:004.9

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИГРЫ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДОУ

Мухитдинова Шарофат Каримовна

преподаватель

кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 901 60 84 92 (м.)
sharofkarim@gmail.com

В статье рассматривается эволюция игровых технологий в дошкольном образовании в условиях цифровизации и изменений социально-культурной среды. Анализ современных подходов показывает смещение акцентов от традиционных форм организации игры к инновационным методам, основанным на интерактивных, проектных и цифровых средствах. Также подчеркивается роль игры как ведущей деятельности дошкольника, способствующей развитию познавательных, социально-коммуникативных и творческих способностей. Проблема применения инновационных методов в учебно-образовательном процессе занимает особое место в организации игровой деятельности в дошкольном учреждении. Автор обращает внимание на способы создания развивающей предметно-пространственной среды, адаптированной к индивидуальным особенностям детей, а также на необходимость повышения квалификации педагогов для эффективного внедрения инновационных игровых методик. Представлены рекомендации по этапному внедрению игровых технологий, анализу их эффективности и взаимодействию с семьями воспитанников. Практические результаты подтверждают позитивное влияние инновационных игр на качество обучения, формирование мотивации и самостоятельности детей. Обозначены перспективы развития игровой деятельности как интеграции традиционных методов и цифровых решений, обеспечивающих всестороннее развитие личности дошкольников. Представленная статья полезна для широкого круга читателей и студентов.

Ключевые слова: инновационные игровые технологии; игровая деятельность; цифровизация; интерактивные квест-игры; предметно-развивающая среда; педагогические условия; индивидуализация обучения; цифровые ресурсы; адаптивные образовательные сценарии; интерактивные методы; развитие дошкольников.

За последние годы в педагогической практике наблюдается смещение акцентов от традиционных форм организации игровой деятельности к ин-

новационным подходам, которые учитывают как психолого-педагогические особенности детей раннего возраста, так и стремительное развитие цифровых технологий. Это связано с необходимостью адаптировать образовательный процесс к быстро меняющейся среде, в которой дети живут и развиваются.

Игровые технологии, основанные на принципах активного обучения, применяются для развития познавательной инициативы, мотивации к обучению и социально-коммуникативных умений детей. В результате появляется возможность создания образовательной среды, стимулирующей не только учебные успехи, но и формирование творческих компетенций и самостоятельности.

Занимая ведущую позицию, игровая деятельность совершенствует основные стороны психического и личностного развития ребенка. Еще раньше классические психологи и педагоги отмечали, что в рамках игры у детей развивается мышление, речь, моторика и коммуникативные умения. Игровой процесс выступает своеобразной моделью окружающей жизни, дающей возможность ребёнку экспериментировать, принимать решения и испытывать новые роли без страха неудачи [19, с.18].

Теоретический анализ роли игры в развитии ребенка широко представлен в трудах Л.С. Выготского, рассматривавшего игру как механизм формирования высших психических функций. По его мнению, именно в ходе игры у детей развивается воображение, они учатся планировать свои действия и регулируют поведение, что совершенствует и повышает их интеллектуальный уровень. Выготский Л.С. говорил о «социализации через игру - именно игровые ситуации создают условия для формирования норм поведения и коллективных навыков» [6].

Разнообразие игровых форм в традиционном образовательном процессе ДОУ обращает внимание на сюжетно-ролевые игры, способствующие развитию воображения и социальных навыков, дидактические игры, направленные на формирование познавательных умений, конструктивные игры, развивающие моторику и творческие способности, а также двигательные игры, укрепляющие физическое здоровье. Каждая из них имеет закрепленное место в образовательной программе и применяется педагогом в зависимости от целей и задач педагогического процесса [5, с.19].

Роль воспитателя заключается не просто в организации игровой среды, но и в создании условий, стимулирующих самостоятельность и инициативность детей. Поддерживая творческую активность, педагог направляет игровой процесс на соответствие образовательным целям и помогает ребёнку осваивать новые социальные и интеллектуальные роли. Анализ применения игровых методик демонстрирует постепенный переход от формальных, воспроизводящих школьный урок, к более гибким и творческим

форматам, ориентированным на индивидуальные особенности ребенка и социокультурный контекст.

Каким же образом игровые методики приобрели собственное воспитательное значение как средство подготовки к учебе?

Данный процесс берёт свое начало еще в XX веке. На тот момент большинство ученых, таких как П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.Л. Данилова и А.В. Запорожец, проводили исследования с целью подтверждения ведущей роли игровой деятельности. И уже в 1930-1960-х годах было проведено фундаментальное исследование, окончательно подтвердившее данную гипотезу.

В.А. Сухомлинский говорил: «Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития. Игра это огромное светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий окружающего мира...» [18].

Сегодня игровая деятельность и игровые методики вступили на совершенно новый виток в истории своего развития. Инновационные технологии и мультидисциплинарные подходы повсеместно интегрируются в воспитательный процесс. К числу инновационных игровых технологий сегодня относят интерактивные квест-игры, использующие элементы загадок, командной работы и цифровых инструментов. В условиях цифровизации образовательного пространства такие игры создают мотивационную среду, в которой ребенок не только осваивает новые знания, но и учится планировать, принимать решения и взаимодействовать с окружающими. Важной особенностью является возможность регулировать сложность заданий в соответствии с возрастными особенностями и уровнем подготовки детей, что обеспечивает дифференцированный подход и стимулирует познавательную активность [14, с. 20].

Особое внимание направлено на создание развивающей предметно-пространственной среды, которая становится основой для реализации игровых технологий. Такая среда включает многофункциональные игровые комплексы, интерактивные элементы и дидактические материалы, способствующие всестороннему развитию навыков и умений дошкольников. Важным аспектом является возможность трансформации среды в зависимости от педагогических задач и индивидуальных особенностей детей, что обеспечивает гибкость и эффективность образовательной деятельности [3, с.43].

Эффективное применение инновационных игровых методов предъявляет требование к специальной подготовке педагогов, к их методической оснащенности и осознанного внедрения технологий в образовательный процесс. Педагоги обязаны владеть современными инструментами, уметь

создавать адаптивные игровые сценарии и анализировать полученные результаты для коррекции стратегии обучения. При этом, сотрудничество с родителями и использование обратной связи также играют важную роль в успешной реализации инновационных методик [9, с.25].

Инновационные игровые форматы успешно внедряются воспитателями дошкольных учреждений в различных регионах. Кроме общеизвестных характеристик, мотивирующих к познавательной деятельности и обучению, игровые технологии корректируют поведение дошкольника, развивая коммуникативные навыки и регулируя эмоциональное состояние [10, с.76]. Стоит помнить, что комплексное применение интерактивных игровых средств и субъектного подхода способствует становлению личности и созданию сферы взаимодействия.

Оценка эффективности инноваций в игровой деятельности включает также анализ влияния предметно-развивающей среды, создаваемой с учетом современных педагогических требований. Такие условия характеризуются мультифункциональностью и адаптивностью, поддерживая образовательные цели и позволяя гибко регулировать сложность заданий в зависимости от индивидуальных особенностей детей [3, с.43]. Включение дидактических и интерактивных материалов способствует формированию метакогнитивных навыков, расширяет возможности для творческого самовыражения и стимулирует активное включение в процесс обучения. Инновационные игровые методы обеспечивают комплексное развитие дошкольников, влияя как на интеллектуальные, так и на эмоционально-социальные показатели.

В современных игровых программах сочетаются традиционные методы с инновационными цифровыми форматами, такими как квест-игры, которые адаптированы к цифровой образовательной среде. Этот синтез расширяет возможности для развития интеллектуальных, эмоциональных и нравственных сторон личности ребёнка, способствует формированию умений планировать, принимать решения и участвовать в коллективных взаимодействиях. Использование интерактивных ресурсов и интеллектуальных игровых комплектов способствует дифференцированному развитию навыков и поддержанию устойчивой мотивации к обучению [1; 3].

Инновационные преобразования приобретают системный характер. Созданы новые типы, профили и виды дошкольных учреждений, новые образовательные программы, позволяющие обеспечить вариативность воспитательно-образовательного процесса, ориентированного на индивидуальность ребенка и запросы его семьи. Каждый педагогический коллектив имеет право на инновационную деятельность. Объектом любой педагогической инициативы являются дети, в связи с этим педагогический коллектив должен взять на себя определенные обязательства по подготовке и ор-

ганизации нововведения. Как только появляется необходимость разрешить какую-то проблему, создается противоречие между желанием и реальным результатом и возникает потребность в инновациях.

Развитие общеобразовательной практики способствует проявлению творческого, инновационного потенциала всех работников системы дошкольного образования. В этой ситуации особенно важна профессиональная компетентность, в основе которой лежит личностное и профессиональное развитие педагогов и управленцев. Философский энциклопедический словарь определяет развитие как «изменения, направленные, закономерные и необходимые». Опираясь на достижения науки и потребности общества, организаторы инновационной деятельности делают более эффективным проектирование, запуск и поддержку процесса обновления образования. Инновационная деятельность выступает особым видом педагогической деятельности. Инновация (нововведение), в социально-психологическом аспекте, - это создание и внедрение различного вида новшеств, порождающих значимые изменения в социальной практике. Следовательно, изменения в развивающемся дошкольном учреждении происходят не хаотично, а прогнозируются руководителем на основе закономерностей и направлены на достижение конкретных целей. Цели и задачи инноваций строятся на основе тщательного анализа текущей обстановки в детском саду, с одной стороны, и из прогнозов его развития с другой.

Теоретический анализ показал, что игра, выступая неотъемлемой составляющей развития познавательных, социальных и творческих навыков, также способствует эмоциональному и личностному становлению ребёнка в дошкольном возрасте. Современные инновационные игровые технологии, включая цифровые и интерактивные формы, значительно расширяют потенциал образовательного процесса, обеспечивая, как говорилось ранее, дифференциацию и индивидуализацию обучения, а также активизацию мотивации и познавательной активности детей.

Практические результаты исследования, основанные на педагогическом опыте и анализе эффективности внедрённых игровых методик, подтверждают положительное влияние инноваций на качество обучения и воспитания в ДОУ. Разработанные методические материалы и рекомендации способствуют системному и осознанному применению инновационных игр, учитывая возрастные и индивидуальные особенности воспитанников и обеспечивая поддержание субъектно-субъектных отношений между педагогом и ребёнком.

Перспективы развития инновационной игровой деятельности связываются с интеграцией цифровых технологий и сохранением живого взаимодействия в образовательной среде, что позволит сделать процесс обуче-

ния более динамичным, адаптивным и всесторонне развивающим. Внедрение и дальнейшее совершенствование игровых инноваций становятся важным условием повышения качества дошкольного образования и создания прочной основы для успешной социализации и школы последующего этапа.

Необходимость системного использования инновационных игровых методов, их постоянной адаптации и совершенствования в рамках современной педагогической практики подчеркнута временем. Это позволяет обеспечить гармоничное развитие личности ребёнка, повысить эффективность образовательного процесса и укрепить позиции игры, как ведущей формы деятельности в дошкольных учреждениях.

Литература

1. Абросимова М.А. Реализация игровых технологий в дошкольном учреждении // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. - 2022. - Т. 3. - №3. – С. 144-153.
2. Авдулова Т.П., Парамонова М.Ю., Семенова Т.А., Толкачева Г.Н., Чугайнова О.Г. Применение игровых технологий в практике дошкольного образования // Наука и школа. - 2024. - №1. - С.209-216.
3. Ахаев А.В., Стеблецова И.С., Ахаева Н.В. Внедрение игровых технологий как одно из условий создания предметно-развивающей среды для образования детей дошкольного возраста // Балканско-научное обозрение. - 2020. – Т.4. - №1(7). - С. 5-8.
4. Бегджикова А. Роль игры и игрушки в развитии детей дошкольного возраста // Международный научный журнал «Символ науки». - 2024. - №11-1-2. - С.158-159.
5. Булавская К.В. Роль игр в развитии детей // Вестник магистратуры. - 2014. - №1(28). - С.31-34.
6. Выготский Л.С. Игра и её роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. - М.: Педагогика, 1966. - № 6. - С. 62-68.
7. Горшенина Т.В., Помазан О.М. Создание развивающего образовательного пространства для детей дошкольного возраста средствами современных игровых технологий в условиях реализации ФГОС ДО // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2018. - №7. - С. 258-260.
8. Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Курочкина Т.В., Дорогина А.С. Проблема трансформации игровой деятельности современного дошкольника // Азимут научных исследований: педагогика и психология. -2020. – Т. 9. №2 (31). - С.67-69.
9. Дадашева А.Д. Инновационные технологии в детском саду // Экономика и социум. -2019. - №6(61). - С.104-106.
10. Заподойникова Е.В. Влияние нейропсихолого-педагогических игровых образовательных технологий на уровень развития метакогнитивных навыков и когнитивных способностей дошкольников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2024. – Т.13. - №3(48). - С.51-64.

11. Кочнева Е.Г. Новый аспект использования игровых технологий в процессе развития детей старшего дошкольного возраста // Теория и практика современной науки. - 2018. - №3(33). - С.416-419.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Смысл, 2005. – 352 с.
13. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. – СПб. [и др.]: Питер, 2009. - 318 с.
14. Ляпина В.А., Мазуренко О.В. Новый формат проведения квест-игр в условиях цифровизации образовательного пространства в детском саду // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. - 2023. - №1. - С. 44-52.
15. Макарова Н.В. Цифровые инструменты в развитии дошкольников. - М.: Логос, 2022. - С.67.
16. Панько Е.А. Игровые формы обучения в ДОУ. - Минск: Университетское, 2017. - С.27
17. Росткова Т.И., Колесник М. О. Перспективы применения цифровых технологий в дошкольной образовательной организации // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». - 2023. - №1(17). - С.40-49.
18. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. – М.: Тион, 2023. - 416 с.
19. Трофимова Л.И. Игра и роль в жизни дошкольного возраста и её значение // Вестник науки. - 2023. – Т.2. - №12(69). - С.18.
20. Якшина А.Н. Условия развития игры в дошкольном возрасте: обзор современных отечественных и зарубежных исследований // Современное дошкольное образование. - 2020. - №4 (100). – С. 50-61.

INNOVATIVE METHODS OF USING THE GAME IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF PRESCHOOL INSTITUTIONS

Mukhitdinova Sharofat Karimovna

lecturer

of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30

Ph.: (+992) 901 60 84 92 (m.)

sharofkarim@gmail.com

The article examines the evolution of gaming technologies in preschool education in the context of digitalization and changes in the socio-cultural environment. An analysis of modern approaches shows a shift in emphasis from traditional forms of game organization to innovative methods based on interactive, design and digital tools. The role of play as a leading activity of a preschooler is also emphasized, contributing to the development of cognitive, socio-communicative and creative abilities. The problem of using innovative methods in the

educational process occupies a special place in the organization of play activities in preschool institutions. The author draws attention to the ways to create a developing subject-spatial environment adapted to the individual characteristics of children, as well as to the need to improve the skills of teachers for the effective implementation of innovative game techniques. Recommendations on the step-by-step implementation of gaming technologies, analysis of their effectiveness and interaction with the families of pupils are presented. The practical results confirm the positive impact of innovative games on the quality of education, the formation of motivation and independence of children. The prospects for the development of gaming activities as an integration of traditional methods and digital solutions that ensure the comprehensive development of preschoolers' personality are outlined. The presented article is useful for a wide range of readers and students.

Keywords: innovative gaming technologies; gaming activities; digitalization; interactive quest games; subject-developing environment; pedagogical conditions; individualization of learning; digital resources; adaptive educational scenarios; interactive methods; development of preschoolers.

УСУЛҲОИ ИННОВАТСИОНИИ ТАТБИҚИ БОЗӢ ДАР РАВАНДИ ТАЪЛИМУ ТАРБИЯ ДАР МУАССИСАҲОИ ТАЪЛИМИИ ТОМАКТАБӢ

Мухитдинова Шарофат Каримовна

омӯзгори

кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 901 60 84 92 (м.)

sharofkarim@gmail.com

Дар мақола таҳаввули технологияҳои бозӣ дар таълимоти томактабӣ дар шароити рақамикунонӣ ва тағиребии муҳити иҷтимоӣ ва фарҳангӣ баррасӣ карда мешавад. Таҳлили равишҳои муосир нишон медиҳад, ки акцентҳо аз шаклҳои анъанавии организматикӣ ба усулҳои инноватсионӣ, ки ба воситаҳои интерактивӣ, лоиҳавӣ ва рақамӣ асос ёфтаанд, гузаронида мешаванд. Инчунин нақши бозӣ ҳамчун фаъолияти пешбари пеш аз мактаб, ки ба рушди қобилиятҳои маърифатӣ, иҷтимоӣ-коммуникатсионӣ ва эҷодӣ мусоидат мекунад, таъкид карда мешавад. Мушкилоти истифодаи усулҳои инноватсионӣ дар раванди таълим ва таълим дар ташкили фаъолияти бозӣ дар муассисаи томактабӣ ҷойгоҳи махсус дорад. Муаллиф ба усулҳои эҷодии муҳити предметӣ-мақола, ки ба хусусиятҳои инфиродии кӯдакон мутобик карда шудааст, инчунин ба зарурати баланд бардоштани ихтисоси омӯзгорон барои ҷорӣ кардани усулҳои инноватсионӣ бозӣ диққат медиҳад. Тавсияҳо оид ба ҷорӣ намудани технологияҳои бозӣ, таҳлили самаранокии онҳо ва ҳамкорӣ бо оилаҳои тарбиятгирандагон пешниҳод карда мешаванд. Натиҷаҳои амалӣ таъсири бозӣҳои инноватсиониро ба сифати таълим, та-

шаккули ҳавасмандӣ ва мустақилияти кӯдакон тасдиқ мекунанд. Дурнамои рушди фаъолияти бозӣ ҳамчун ҳамгирии усулҳои анъанавӣ ва қарорҳои рақамӣ, ки рушди ҳамачонибаи шахсияти кӯдакони томактабро таъмин мекунанд, нишон дода шудааст. Мақолаи пешниҳодшуда барои доираи васеи хонандагон ва донишҷӯен муфид аст.

Калидвожаҳо: технологияҳои инноватсионии бозӣ; фаъолияти бозӣ; рақамисозӣ; квест-бозиҳои интерактивӣ; муҳити рушди предметӣ; шароити педагогӣ; фардикунонии таълим; захираҳои рақамӣ; образҳои мутобиққунандаи сценарияҳои ҷисмонӣ; усулҳои интерактивӣ; рушди кӯдакони томактабӣ.

УДК 37.013:159.942-057.87:004.9

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Нургулова Мохруя Мамадсолиевна

преподаватель

кафедры педагогики, психологии и методики преподавания

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)

mnurgulova@inbox.ru

Статья посвящена анализу особенностей развития эмоционального интеллекта студентов в условиях цифровой образовательной среды, где взаимодействие всё чаще осуществляется через виртуальные платформы и электронные коммуникационные средства. Рассматриваются ключевые теоретические подходы к пониманию эмоционального интеллекта, включая зарубежные и отечественные модели, подчеркивающие его значимость для успешного обучения, межличностного взаимодействия и профессионального роста. Отмечается, что цифровизация образования не только расширяет возможности для освоения знаний, но и предъявляет новые требования к эмоциональной гибкости, умению регулировать собственные эмоции и понимать эмоциональные состояния других. Анализируются современные цифровые инструменты, интерактивные платформы и иммерсивные технологии, которые способствуют развитию эмоциональной компетентности, а также роль педагога как эмоционального наставника, создающего поддерживающую образовательную среду. Выявлены методологические трудности оценки ЭИ, связанные с отсутствием универсальных диагностических инструментов и влиянием цифровых факторов. Подчеркивается необходимость разработки адаптивных программ развития ЭИ, интегрирующих технологические возможности и психолого-педагогические методы. Обозначены перспективы применения искусственного интеллекта, аналитики данных и виртуальной реальности для повышения эффективности формирования эмоционального интеллекта.

Ключевые слова. эмоциональный интеллект; цифровая образовательная среда; эмоциональная компетентность; педагогическое сопровождение; цифровизация; интерактивные платформы; эмоциональная регуляция; эмпатия; образовательные технологии; виртуальное взаимодействие.

Эмоциональный интеллект всегда развивался в рамках различных теоретических моделей, созданных как зарубежными, так и отечественными

ми исследователями. При анализе данного термина стоит обратиться к Д.Гоулману [3]. Эмоциональный интеллект, по его определению представляет собой «совокупность когнитивных и аффективных способностей, обеспечивающих осознание, управление и использование эмоций для достижения личных и социальных целей» [3, с.68]. В образовании развитие эмоционального интеллекта становится основой формирования социально зрелой, психологически устойчивой и этически ответственной личности.

Эмоциональный интеллект всегда выступал неотъемлемым элементом цифровой грамотности, а информатика - педагогическим пространством формирования личности, способной мыслить логично и чувствовать осознанно, что открывает новую перспективу развития школьного образования - переход от «обучения технологиям» к воспитанию человека в технологии, где ценность личности выше, чем функциональность кода. В педагогической деятельности эти компоненты играют фундаментальную роль, поскольку влияют на творческие и когнитивные процессы, помогая более глубокому восприятию информации и эффективной коммуникации с обучающимися [3, с.68].

Среди наиболее значимых концепций выделяются работы Даниэля Гоулмана, который акцентировал внимание на социальных и эмоциональных компетенциях, как ключевых для профессионального успеха, а также модель Саловея и Майера, раскрывающая когнитивные аспекты распознавания и управления эмоциями. Такие ученые, как Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова и Д.В. Люсин, внесли вклад в понимание эмоциональной компетентности, как основы профессионализма педагога, что подчеркивает междисциплинарный характер исследования ЭИ [3, с. 68].

В педагогике эмоциональный интеллект рассматривается как фактор, способствующий не только улучшению межличностного взаимодействия, но и повышению мотивации к обучению и творческому мышлению [6, с.15]. Современные цифровые платформы вырисовывают следующую картину - при расширении коммуникационных возможностей снижается качество эмоционального контакта. Эмодзи, стикеры и реакции становятся суррогатами чувств, а дефицит невербальных сигналов приводит к непониманию и отчуждению.

В то же время современные цифровые технологии позволяют превратить обучение информатике в пространство эмоционального опыта и коммуникации. Интерактивные платформы (Scratch, Tinkercad, Minecraft, Education, CoSpaces, Replit) создают ситуации, где эмпатия и кооперация становятся не целью, а условием успеха.

Стоит отметить, что современная школа также сталкивается с парадоксом - цифровые технологии ускоряют мышление, но обедняют эмоцио-

нальный опыт. Информатика, как дисциплина на стыке науки и гуманитарного познания способна преодолеть этот разрыв, превращаясь в лабораторию эмоциональной осознанности, где программирование становится метафорой понимания человека, а алгоритм – инструментом эмпатии.

Цифровая образовательная среда предоставляет все новые возможности для развития личностных компетенций. В её основе лежит совокупность информационно-коммуникационных и телекоммуникационных технологий, а также электронных ресурсов, позволяющих обучающимся получать знания вне зависимости от их географического положения. Такая среда формирует и поддерживает познавательные потребности студентов, что становится важным фактором повышения качества образовательного процесса в вузах [19].

В процессе цифровой трансформации высшего образования происходит пересмотр основных профессиональных образовательных программ, что способствует их актуализации и адаптации к современным требованиям. Формируются цифровые компетенции студентов, охватывающие навыки работы с прикладными программами, цифровой информацией, коммуникации в цифровой среде и самостоятельного создания цифровых продуктов. Параллельно организуется и повышение квалификации преподавателей для освоения этих новых технологий и методик [18].

У педагогов сформированная эмоциональная компетентность высокого уровня напрямую отражается на их творческом потенциале и способности к инновациям, а также влияет на качество образовательной деятельности. В современном обществе эмоциональный интеллект становится одним из критериев успешного педагогического портрета, одновременно обеспечивая баланс между когнитивными и аффективными компонентами в профессиональной сфере [2, с. 54; 15].

Обеспечение эффективности развития эмоционального интеллекта требует применения современных методов, интегрированных с возможностями цифровых технологий. Одним из ключевых инструментов в этом направлении служат интерактивные образовательные платформы, которые создают среду для эмоционального взаимодействия и формирования навыков эмоциональной регуляции. Такие платформы, оснащённые мультимедийными элементами и инструментами обратной связи, стимулируют у обучающихся развитие эмпатии и самоконтроля посредством игровых сценариев, коллективных заданий и ситуационных упражнений [6, с. 15].

Психолого-педагогическая поддержка выступает неотъемлемым компонентом успешного развития эмоционального интеллекта (ЭИ). Она создаёт условия для гармоничного взаимодействия эмоциональной и раци-

ональной сфер обучающихся, что обеспечивает целостное развитие личности.

Для развития этих эмоциональных понятий важно выработать «полезные эмоциональные привычки», то есть навыки, связанные с принятием и выражением эмоциональных состояний. Как известно, этим навыкам можно научиться только в процессе межличностного общения. Такой вид общения особенно важен в процессе становления эмоционального интеллекта. Навыки, приобретенные в этот период, оказывают решающее влияние на дальнейшую жизнь человека [3].

Цифровизация дает детям доступ к виртуальному миру развлечений и общения, при этом они могут выражать свои чувства только по отношению к игрушкам и цифровым устройствам, но не к людям. Причины растущего увлечения компьютерами в основном технологические. Легкий доступ к интернету и широкий выбор цифровых инструментов и приложений - это некоторые из причин. Увеличение времени, проводимого в одиночестве с гаджетами и цифровыми устройствами, изолирует детей от реальных людей и живого межличностного общения, снижая эмоциональный интеллект.

В цифровом обучении доведён до абсурда известный принцип индивидуализации. А в традиционном обучении он должен пониматься не как изоляция одного обучающегося от другого, тем более от педагога, а как развитие индивидуальности каждого через других. Недаром Л.С. Выготский ввел понятие «зона ближайшего развития» - то, что могут делать обучающиеся в сотрудничестве с педагогом, то они смогут делать самостоятельно на следующем шаге своего развития. Более того, учёный писал, что «всякая психическая функция появляется на сцене дважды – сначала как социальное, затем как психологическое, сначала как интерпсихическое, затем как интрапсихическое» [2, с. 170].

Педагоги большее значение придают визуальному контакту с обучающимися и рассчитывают на подобное отношение и в обратную сторону, поэтому отсутствие зрительного контакта вызывает у педагогов разочарование, грусть и удивление. Что касается демонстрации собственных эмоциональных состояний, то педагоги чаще всего прибегают к привычным в очном взаимодействии средствам выражения эмоций – мимике, пантомимике, интонации, громкости голоса и др. Педагогическое сопровождение в сочетании с технологическими ресурсами образует комплексный механизм формирования эмоционального интеллекта, учитывающего психологические, социальные и образовательные аспекты развития личности.

В условиях цифровизации образовательного процесса возрастает роль активных и интерактивных форм и методов обучения, что обеспечи-

вают качественно новые возможности для «упаковки» учебного материала и организации учебной деятельности, а также формирует принципиально новые образовательные запросы (в том числе, благодаря появлению и распространению новых видов активностей, в которые стихийно вовлекаются дети и подростки, выступающие естественной средой их социализации в цифровом обществе). Возрастает дифференциация различных технологий и методов обучения с точки зрения их дидактического потенциала. Роль продолжительных, однородных по структуре видов деятельности, «пассивных» форм учебной работы, таких как лекция, заметно снижается. Напротив, возрастает роль педагогических технологий, основанных на собственной активности учащихся, интерактивной коммуникации, командной работе, групповой и индивидуальной рефлексии, обладающих сложной структурой и определенным внутренним сценарием, таких как проектная деятельность обучающихся (во всех её вариантах), игровые технологии обучения, решение кейсов, групповые дискуссии и обсуждения и т.д.

Все эти технологии позволяют сформировать у обучающегося комплекс социальных компетенций, необходимых в условиях цифрового общества. В ходе цифровизации трансформация образовательного процесса происходит в направлении повышения степени структурирования учебной деятельности. В данном случае действует принцип «сложность форм и методов обучения должна быть адекватна сложности используемых средств обучения». Многообразие форм организации учебной деятельности в условиях цифровой образовательной среды существенно возрастает, они приобретают динамический характер (группы сменного состава, пространственно распределенные учебные команды, различные сценарии быстрого перехода от командной к индивидуальной деятельности и обратно). Это существенно повышает педагогическую результативность образовательного процесса. Следовательно, общее изменение в деятельности педагога в условиях цифровизации образовательного процесса состоит не в её упрощении, а в повышении степени её интеллектуальности и творческого характера, в том числе благодаря автоматизации рутинных операций (конструирование учебной программы, проектирование сценария учебного занятия, подбор учебного содержания и материалов к занятию, проверка работ обучающихся и т.д.).

Реализуемый технологический прогресс продолжает диктовать необходимость создания гибких образовательных моделей, способных быстро реагировать на изменения социальной и профессиональной среды. С увеличением роли цифровых коммуникаций навыки эмоционального интеллекта становятся критически важными для конкурентоспособности выпускников, требуя интеграции в учебные программы элементов командо-

образования и управления эмоциями в режиме реального времени. Кроме того, перспективным направлением является сочетание цифровых технологий с педагогическими подходами, основанными на психологических исследованиях эмоционального развития, что позволит строить индивидуализированные траектории обучения с учётом культурных, возрастных и личностных различий.

Потребность в навыках адаптивности, эмоционального самоконтроля и эмпатии служит традиционным условием успешной социализации и профессиональной деятельности в быстроменяющемся мире. Потому, учитель использует несколько способов для эффективного формирования эмоциональной грамотности ученика:

- развитие самосознания и саморегуляции;
- обучение эмпатии и межличностным отношениям;
- использование эмоционально насыщенных учебных материалов;
- создание эмоционально поддерживающей образовательной среды.

Роль эмоционального интеллекта становится все более значимой в современном образовании. При этом педагоги занимают важное место в формировании эмоциональной грамотности учащихся, помогая им развивать навыки самосознания, эмпатии, саморегуляции и социального взаимодействия. Интеграция современных цифровых технологий с педагогическими подходами создаёт потенциал для всестороннего развития личности и повышения качества образования, что способствует успешной социализации и профессиональной реализации студентов в условиях стремительно меняющейся цифровой эпохи. Все это в совокупности способствует не только успеху в учебе, но и формированию гармоничной личности, способной успешно адаптироваться к разнообразным жизненным ситуациям.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.: Аспект Пресс, 2020. – 300 с.
2. Ветрова И.И. Эмоциональная компетентность педагога. - СПб.: Речь, 2019. - С. 54.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. - М.: АСТ, 2021. - С. 68.
4. Ковалева Т.В. Педагогическое сопровождение в высшем образовании. - М.: Логос, 2018. - 320 с.
5. Кудрявцева А.А. Цифровые компетенции преподавателя. - М.: Просвещение, 2021. - С.80.
6. Лаптев В.В. Психология эмоционального выгорания. - Екатеринбург: УрФУ, 2017. - С. 15.
7. Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: структура и измерение. - М.: Смысл, 2009. - С. 48.

8. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. - М.: Академия, 2019. - С. 40.
9. Поваренков Ю.П. Психология профессионального развития личности. - М.: Академия, 2012. - С. 32.
10. Сергиенко Е.А. Психология эмоциональной регуляции. - М.: Институт психологии РАН, 2011. - С. 76.
11. Чудова Н.В. Цифровая образовательная среда в вузе. - Казань: КФУ, 2020. - С. 15.
12. Bar-On R. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence. - New York: Springer, 2007.
13. Beldoch M. Sensitivity to Expression of Emotional Meaning. - New York: Wiley, 1964.
14. Bessenyei I. Learning in the Digital Age. - Budapest: ECIE, 2011.
15. Immordino-Yang M. Emotions, Learning and the Brain. - New York: Norton, 2016.
16. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Emotional Intelligence: Theory, Findings, and Implications. - Cambridge: MIT Press, 2004.
17. Petrides K.V. Psychometric Properties of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire. - London: Routledge, 2010.
18. Reeve J. Understanding Motivation and Emotion. - Hoboken: Wiley, 2018.
19. Shapiro L. Teaching Emotional Intelligence. - San Francisco: Jossey-Bass, 1997.
20. Thompson R. Emotion and Self-Regulation. - New York: Guilford Press, 2014.

DEVELOPING STUDENTS' EMOTIONAL INTELLIGENCE IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Nurgulova Mokhruya Mamadsolievna

Lecturer

of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 919 40 09 58 (m.)
mnurgulova@inbox.ru

The article is devoted to the analysis of the features of the development of students' emotional intelligence in a digital educational environment, where interaction is increasingly carried out through virtual platforms and electronic communication tools. The key theoretical approaches to understanding emotional intelligence are considered, including foreign and domestic models that emphasize its importance for successful learning, interpersonal interaction and professional growth. It is noted that the digitalization of education not only expands the possibilities for mastering knowledge, but also imposes new requirements on emotional flexibility, the ability to regulate one's own emotions and understand the emotional states of others. The article analyzes modern digital tools, interactive platforms and immersive tech-

nologies that contribute to the development of emotional competence, as well as the role of the teacher as an emotional mentor who creates a supportive educational environment. The methodological difficulties of EI assessment related to the lack of universal diagnostic tools and the influence of digital factors are revealed. The need to develop adaptive EI development programs that integrate technological capabilities and psychological and pedagogical methods is emphasized. The prospects of using artificial intelligence, data analytics and virtual reality to increase the effectiveness of the formation of emotional intelligence are outlined.

Keywords. emotional intelligence; digital educational environment; emotional competence; pedagogical support; digitalization; interactive platforms; emotional regulation; empathy; educational technologies; virtual interaction.

РУШДИ ЗЕҲНИ ЭҲСОСӢ ДАР МУҲИТИ ТАЪЛИМИИ РАҚАМӢ

Нургулова Мохруя Мамадсолиевна

омӯзгори

кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълим

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 919 40 09 58 (м.)

mnurgulova@inbox.ru

Мақола ба таҳлили хусусиятҳои рушди зеҳни эҳсосии донишҷӯен дар шароити муҳити рақамии таълимӣ бахшида шудааст, ки дар он ҳамкорӣ тавассути платформаҳои виртуалӣ ва воситаҳои электронии коммуникатсионӣ торафт бештар амалӣ карда мешавад. Равишҳои асосии назариявӣ барои фаҳмидани зеҳни эҳсосӣ, аз ҷумла моделҳои хориҷӣ ва ватанӣ, ки аҳамияти онро барои омӯзиши муваффақ, ҳамкориҳои байнишахсӣ ва рушди касбӣ таъкид мекунанд, баррасӣ карда мешаванд. Қайд карда мешавад, ки рақамикунонии таълим на танҳо имкониятҳои азхудкунии донишро васеъ мекунад, балки ба , қобилияти танзими эҳсосоти худ ва фаҳмидани ҳолати эҳсосии дигарон талаботи нав мегузорад. Воситаҳои муосири рақамӣ, платформаҳои интерактивӣ ва технологияҳои фарогир, ки ба рушди салоҳияти эҳсосӣ мусоидат мекунанд, инчунин нақши омӯзгор ҳамчун мураббии эҳсосӣ, ки муҳити таълимӣ дастгирикунандаро фароҳам меорад, таҳлил карда мешаванд. Мушкилоти методологӣ арзебии зеҳни эҳсосӣ, ки бо набудани асбобҳои универсалии ташхисӣ ва таъсири омилҳои рақамӣ алоқаманд аст, ошкор карда шуданд. Зарурати таҳияи барномаҳои мутобиксозии рушди зеҳни эҳсосӣ, ки имкониятҳои технологӣ ва усулҳои психологӣ-педагогиро муттаҳид мекунанд, таъкид карда мешавад. Дурнамои истифодаи зеҳни санъатӣ, таҳлили маълумот ва воқеияти виртуалӣ барои баланд бардоштани самаранокии ташаккули зеҳни эҳсосӣ нишон дода шудааст.

Калидвожаҳо: зеҳни эҳсосӣ; муҳити рақамии таълимӣ; салоҳияти эҳсосӣ; ҳамроҳии педагогӣ; рақамикунонӣ; платформаҳои интерактивӣ; танзими эҳсосӣ; ҳамдардӣ; техно-логияҳои таълимӣ; ҳамкориҳои виртуалӣ.

УДК 378:159.944.4:004.9

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПЕРЕНАСЫЩЕНИЕ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Турсинкулова Барчиной Хасановна

преподаватель

кафедры педагогики, психологии и методики преподавания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 711 80 00 07 (м.)
psychologist.tj@gmail.com

Современная образовательная среда функционирует в условиях интенсивного роста цифровых информационных потоков, что значительно усложняет когнитивную и эмоциональную деятельность студентов. Избыточный объём данных, поступающий через электронные библиотеки, цифровые платформы, социальные сети и мессенджеры, способствует формированию феномена информационного перенасыщения, влияющего на качество восприятия, переработки и усвоения учебного материала. В статье анализируются когнитивные, психологические и социальные последствия информационной перегрузки, включая снижение концентрации, фрагментацию знаний, многозадачность, усиление тревожности и эмоциональной усталости. Автор также рассматривает результаты социологических исследований, подтверждающие корреляцию между информационным стрессом и снижением учебной мотивации. Особое внимание уделяется необходимости развития критического мышления, информационной и медийной грамотности, а также внедрению технологий фильтрации данных, как ключевых инструментов адаптации студентов к цифровой информационной среде. В данной статье предложена многоуровневая модель адаптации образовательного процесса, включающая индивидуальные, групповые и институциональные стратегии, направленные на повышение устойчивости обучающихся к информационному давлению. Представленные автором статьи рекомендации позволяют оптимизировать образовательные практики в условиях цифровой трансформации и повысить эффективность учебной деятельности.

Ключевые слова: информационное перенасыщение; когнитивная перегрузка; цифровая образовательная среда; информационная грамотность; медийная грамотность; стресс студентов; фильтрация данных; цифровая трансформация образования.

Общество XXI века действительно дезориентировано бесконечными реками информации и, возможно, новые технологии оказывают реальное разрушительное воздействие на наш мозг. Подобные опасения высказыва-

ли и наши предки, и было бы глупо считать, что они в чем-то ошибались, а мы правы. Вероятнее всего, корень проблемы не в количестве потребляемой нами информации, а в том, что мы не знаем в чем необходимость этой информации.

Анализируя историю, отметим, что люди с самого изобретения письменности были озабочены возможностью потреблять и понимать написанное. Мудрецы древней Греции и Рима, которые не могли бы еще представить себе цифровые гаджеты, глобальную сеть и концепцию Big Data, уже задумывались об опасностях, скрытых в бурных потоках информации.

Первым, кто писал о проблемах, связанных со свободной циркуляцией текстов, был Платон, вложив, впрочем, эти опасения в уста Сократа. Платоновский Сократ предвидел опасность, скрытую в самой технологии записи информации: «В отличие от устного общения, письмо не выбирает свою аудиторию, но «путешествует свободно». Письмо не делает различий между теми, кто может осознать написанное и извлечь из него пользу, и теми, кого написанное смутит и собьет с толку» [16]. Сократ предупреждал, что письмо доносит информацию «и до понимающих, и до тех, кто к этому не способен» [16]. В духе патернализма своего времени Сократ указывает, что знание в случайных руках станет угрозой общественному порядку. Именно Сократ первым предсказал, что люди станут зависимы от написанных текстов и что это ослабит их память.

Современная информационная среда обладает значительным потенциалом воздействия на психику. *Информационное воздействие* имеет психологический характер, влияет на поведение человека через *психику* и достигает эффекта, изменяя «психологические свойства, состояния и модели поведения личности» [6, с.38-41]. Одной из форм негативного информационного воздействия на человека являются *манипуляции*. Под *мишенью* манипулятивного воздействия понимают «те психические структуры, изменение которых обеспечивает достижение желанной манипулятором цели» [5, с. 157].

Приведем высказывание Платона из диалога «Тевт»: «В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения: они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [16].

Сегодня неустойчивость развития памяти становится всё более заметной, что требует обновления образовательных методик и перестройки учебного процесса с учетом новых форм работы с информацией [13, с. 25]. Когнитивные процессы, такие как внимание, переработка и запоминание, страдают от перегрузки. Избыточная информация приводит к фрагментации сознания, снижая качество аналитического и образного мышления. Студенты вынуждены перерабатывать многочисленные, часто несогласованные или избыточные данные, что недопустимо увеличивает нагрузку на рабочую память и замедляет процесс формирования устойчивых представлений. И как следствие, снижается общая успеваемость и качество учебных результатов.

Психологические последствия информационной перегрузки проявляются в усилении стрессовых состояний. Эмоциональная перенагрузка возникает из-за необходимости постоянного переключения между многозадачностью и обработкой великого объема информации. При этом организм физически готов к нагрузкам, однако эмоциональные ресурсы истощаются, что ведет к снижению мотивации, ухудшению концентрации и эмоциональному выгоранию. Социальная напряжённость в образовательной среде возрастает, так как студенты испытывают давление как от требований к объему усвоения, так и в связи с конкуренцией за недостаточное внимание преподавателей [14, с.65].

Информационное перенасыщение изменяет роль образовательных технологий и средств передачи знаний, превращая их не только в инструменты обучения, но и в факторы, влияющие на социализацию личности. Возникает необходимость интеграции новых подходов, направленных на формирование информационной культуры студентов - умений эффективно фильтровать, структурировать и критически оценивать поток информации. Это становится неотъемлемой частью образовательной миссии в условиях информационного общества [8, с. 76].

Учитывая вышеизложенное, современные образовательные системы нуждаются в принципиальных изменениях. Повышение информационной нагрузки требует развития адаптивных программ, которые не только облегчают работу с информацией, но и снижают психологические риски, связанные с её избыточным потреблением. Только через переосмысление и реформирование учебных процессов возможно обеспечить устойчивое и качественное образование, соответствующее вызовам цифровой эпохи.

В современных условиях высшему образованию предложен ряд методов адаптации к информационному перенасыщению. Одним из центральных является *развитие критического мышления*, которое формирует у студентов умение анализировать, оценивать и синтезировать информацию, отличать достоверные данные от ложных и противоречивых. Такой

подход направлен на повышение качества восприятия знаний и уменьшение влияния информационного шума.

Второй, не менее важный подход, - повышение информационной грамотности, который включает навыки поиска, отбора, обработки и эффективного использования информации в разных форматах и средах. Обучение информационной грамотности позволяет студентам не только ориентироваться в огромном потоке данных, но и осознанно выстраивать собственные образовательные траектории, снижая риск перегрузки и замешательства.

Третий подход связан с применением технологий фильтрации данных, который реализуется через инструментальные средства автоматизации обработки и структурирования информации. Использование искусственного интеллекта, аналитических платформ и систем рекомендаций помогает создать персонализированную и адаптивную образовательную среду, сокращая количество лишней информации и способствуя фокусировке на важных знаниях.

Интеграция вышеуказанных методов базируется на междисциплинарном подходе, в котором учитываются психолого-педагогические, технические, социальные и когнитивные аспекты обучения.

На сегодняшний день наблюдается переход от простого использования цифровых технологий для поддержки процессов к целенаправленному их применению в формировании образовательных результатов, что отражает сдвиг в парадигме обучения.

Тем не менее, существующие практики и модели требуют дальнейшего осмысления и развития, поскольку сам характер информационных потоков продолжает усложняться, а требования к образовательным результатам растут.

Результаты проведенного социологического опроса среди студентов вузов демонстрируют, что восприятие информационного перенасыщения тесно связано с проявлениями стресса в разной форме. Участники исследования указывали на выраженные эмоциональные реакции – тревогу, раздражительность и переутомляемость, что свидетельствует о высокой степени эмоциональной нагрузки, вызванной постоянным потоком информации [14, с.65].

Самооценка стрессового состояния студентов включала поведенческие, интеллектуальные, эмоциональные и физиологические компоненты. Эмоциональная составляющая оказалась наиболее чувствительной к информационной перегрузке, выявляя значительные негативные изменения в психологическом состоянии респондентов. При этом проявления поведенческого и интеллектуального стресса – например, снижение концентрации

внимания и ухудшение способности к логическому мышлению – также имели устойчивую корреляцию с повышенной информационной нагрузкой.

Часто студенты сообщали о привычке переключаться между задачами и источниками с недостаточным контролем за объемом воспринимаемой информации, что усугубляет эффект многозадачности и повышает уязвимость к информационному стрессу. Такой факт говорит о необходимости развития у студентов целенаправленных стратегий работы с информацией, включая мониторинг и упорядочивание её потоков [11, с.40].

Высокий уровень информационного стресса негативно сказывается на мотивации и самоощущении обучающихся, что может привести к снижению их учебной активности и ухудшению учебных результатов. При этом сохранение физиологической устойчивости демонстрирует возможности проведения своевременных педагогических и психологических вмешательств для предотвращения глубокой дезадаптации [14, с. 65; 13, с. 25].

Особое внимание стоит уделять развитию стратегии медийной грамотности - умению критически воспринимать и анализировать медиаконтент - что приобретает всё возрастающее значение на фоне глобализации информационного пространства [1, с. 56; 20, с. 35]. Методика, опирающаяся на развитие жизнестойкости и позитивных мотивационно-ценностных ориентаций студентов, является наиболее эффективным инструментом снижения стресса.

Другим наиболее изученным аспектом считается нарушение процессов внимания. Информационный избыток способствует постоянному переключению между источниками данных, что приводит к снижению объёмов устойчивого внимания и ухудшению способности сосредотачиваться на длительный промежуток времени. Такой поток перегружает рабочую память, ограничивая возможности её обновления и удержания данных для дальнейшей обработки. На уровне долговременной памяти наблюдается фрагментация усвоения знаний: студенты запоминают лишь разрозненные факты без интеграции в структурированное целое, что снижает глубину понимания и приводит к поверхностному освоению учебного материала. Такие сдвиги затрудняют формирование целостных концептуальных моделей и воздействуют на качество знания [9, с. 20; 6, с.32].

На наш взгляд, важно применять учебные материалы и методы так, чтобы снизить степень избыточности информации, обеспечить структуру и последовательность подачи знаний, стимулировать развитие навыков активного отбора и переработки данных. Кроме того, адаптация образовательных программ должна учитывать особенности восприятия и обработки информации, что позволит формировать у студентов устойчивые когни-

тивные стратегии, способствующие глубокому и осмысленному обучению [9, с. 20; 6, с.32]. Фактическая фильтрация информации начинается с формирования у студентов навыков информационной гигиены.

Для системного внедрения перечисленных подходов в учебный процесс следует разработать многоуровневые модели адаптации. На индивидуальном уровне преподаватели могут проводить регулярные консультации и тренинги по управлению информационной нагрузкой и стрессом, учитывая личностные особенности студентов. Групповой уровень предполагает организацию коллективных занятий по развитию навыков коммуникации и стрессоустойчивости в условиях совместного освоения учебного материала.

Интеграция технологий фильтрации информации и стратегий управления стрессом в вузовские образовательные программы должна базироваться на комплексном, многоуровневом подходе, включающем развитие личностных ресурсов и технических инструментов. Такая модель поможет формировать адаптивную среду обучения, которая обеспечит не только качественный доступ к знаниям, но и поддержит психоэмоциональное благополучие студентов в условиях постоянного информационного давления.

Анализ моделируемых ситуаций показал, что применение фильтрационных инструментов непосредственно снижает количество нерелевантных или избыточных данных, доступных студентам, что способствовало концентрации внимания на ключевых темах учебных курсов и уменьшало когнитивную перегрузку. Студенты отмечали более структурированное восприятие материала и повышение мотивации к обучению.

Тем не менее, моделирование выявило некоторые ограничения и риски, связанные с недостаточной подготовкой преподавателей к использованию новаций, а также, с нерегулярным внедрением практик управления стрессом в учебный процесс. Это подтверждают выводы, сделанные в исследованиях, что успешное применение предложенных рекомендаций требует системного подхода и комплексной подготовки кадров в вузах, а также пересмотра учебного плана с учетом цифровых вызовов [19, с.50].

Полученные результаты исследования позволили нам выделить ключевые проблемы, возникающие у студентов в условиях информационного давления, и определить необходимость комплексного подхода к адаптации образовательного процесса. Моделирование учебного процесса с применением разработанных рекомендаций подтвердило их положительное влияние на восприятие материала, снижение информационной перегрузки и повышение устойчивости студентов к стрессовым факторам. Вместе с тем результаты подчеркнули необходимость системной подготовки преподавательского состава и постоянного мониторинга эффективности изменений,

чтобы адаптировать методы согласно индивидуальным особенностям учебной среды.

Литература

1. Андреев А.А. Информационная среда современного образования. - М.: Академкнига, 2020. - С.56.
2. Бондаренко Л.В. Когнитивные процессы в цифровой эпохе. - СПб.: Питер, 2021. - С.30.
3. Васильев П.Г. Психология информационной перегрузки. - Екатеринбург: УрФУ, 2019. - 189 с.
4. Громова Н.Н. Медиаграмотность студентов: подходы и методы. - Казань: КФУ, 2022. - С.45.
5. Данилова Т.С. Феномен цифровой многозадачности. - Новосибирск: НГУ, 2021. - 200 с.
6. Захарова М.В. Рабочая память и информационные потоки // Психология обучения. - 2020. - №4. - С.32.
7. Иванов С.В. Цифровизация и трансформация образования. - М.: Просвещение, 2021. - С.15.
8. Киселёв О.Н. Информационная культура студентов. - Омск: ОмГУ, 2020. - С.76.
9. Королёва Е.Г. Восприятие информации в условиях насыщенной среды // Вестник педагогики. - 2019. - №3. - С.20.
10. Кузнецов А.П. Стресс и адаптация обучающихся. - М.: Юрайт, 2022. - 60 с.
11. Лапшина Ю.А. Информационная гигиена в обучении. - СПб.: РХГА, 2023. - С.40.
12. Макаров И.Ю. Электронные образовательные платформы. - М.: Логос, 2021. - 80 с.
13. Назарова Е.Н. Память и цифровые технологии // Современная психология. - 2020. - №6. - С.25.
14. Петрова Л.Л. Информационный стресс студентов. - Саратов: СГУ, 2022. - С.65.
15. Резник Ю.М. Социальные эффекты цифровизации. - М.: Высшая школа, 2021. - С. 78.
16. Платон. Федр. Собр. соч. в 4-х томах. – Т. 2. (перев. А.Н. Егунова). -М.: Мысль, 1993. – URL: <https://rodon.org/platon/f3.htm>.
17. Трофимов Д.В. Методы фильтрации информации. - Казань: КИТ, 2023. - С.64.
18. Ульянова Н.П. Критическое мышление в вузе. - Нижний Новгород: ННГУ, 2019. - С. 70.
19. Харитоновна О.А. Цифровая педагогика: вызовы и решения. - Томск: ТГУ, 2022. - 120 с.
20. Шевченко А.А. Социализация личности в цифровой среде. - М.: Наука, 2020. - с.35.

**INFORMATION GLUT
AS A CHALLENGE TO MODERN HIGHER EDUCATION**

Tursinkulova Barchinoy Khasanovna

Lecturer

of the Department of Pedagogy, Psychology and Teaching Methods,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M.Tursunzade, 30
Ph.: (+992) 711 80 00 07 (m.)
psychologist.tj@gmail.com

The modern educational environment operates in conditions of intensive growth of digital information flows, which significantly complicates the cognitive and emotional activities of students. The excessive amount of data coming through electronic libraries, digital platforms, social networks and messengers contributes to the formation of the phenomenon of information saturation, affecting the quality of perception, processing and assimilation of educational material. The article analyzes the cognitive, psychological and social consequences of information overload, including decreased concentration, fragmentation of knowledge, multitasking, increased anxiety and emotional fatigue. The author also examines the results of sociological research confirming the correlation between information stress and a decrease in learning motivation. Special attention is paid to the need to develop critical thinking, information and media literacy, as well as the introduction of data filtering technologies as key tools for students' adaptation to the digital information environment. This article proposes a multi-level model of adaptation of the educational process, including individual, group and institutional strategies aimed at increasing students' resilience to information pressure. The recommendations presented by the author of the article make it possible to optimize educational practices in the context of digital transformation and increase the effectiveness of educational activities.

Keywords: information overload; cognitive overload; digital educational environment; information literacy; media literacy; student stress; data filtering; digital transformation of education.

СЕРИТТИЛООТӢ ҲАМЧУН МУШКИЛОТ БА ТАҲСИЛОТИ ОЛИИ МУОСИР

Турсинқулова Барчиной Ҳасановна

омӯзгори

кафедраи педагогика, психология ва методикаи таълими

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзаде, 30

Тел.: (+992) 711 80 00 07 (м.)

psychologist.tj@gmail.com

Муҳити муосири таълимӣ дар шароити афзоиши шадиди ҷараени иттилооти рақамӣ амал мекунад, ки фаъолияти маърифатӣ ва эҳсосии донишҷӯенро хеле мушкил мекунад. Миқдори зиёди маълумот, ки тавассути китобхонаҳои электронӣ, платформаҳои рақамӣ, шабакаҳои иҷтимоӣ ва мессенҷҳо ворид мешавад, ба ташаккули падидаи пуршавии иттилоотӣ, таъсири ба сифати дарк, коркард ва азхудкунии маводи таълимӣ мусоидат мекунад. Дар мақола оқибатҳои маърифатӣ, психологӣ ва иҷтимоии изофабори иттилоотӣ, аз ҷумла коҳиши консентратсия, парокандагии дониш, афзоиши изтироб ва ҳастагии эмотсионалӣ таҳлил карда мешаванд. Муаллиф инчунин натиҷаҳои тадқиқоти сотсиологиро, ки алоқамандии байни стресси иттилоотӣ ва коҳиши ҳавасмандии таълимро тасдиқ мекунад, баррасӣ мекунад. Диққати махсус ба зарурати рушди тафаккури интиқодӣ, саводнокии иттилоотӣ ва инчунин ҷорӣ намудани технологияҳои филтркунии маълумот ҳамчун воситаҳои асосии мутобиқсозии донишҷӯен ба муҳити иттилоотии рақамӣ дода мешавад. Дар ин мақола модели бисерқабатаи мутобиқсозии раванди таълим пешниҳод карда шудааст, аз ҷумла стратегияҳои инфиродӣ, гурӯҳӣ ва институтсионалӣ, ки ба баланд бардоштани устувории донишҷӯен ба фишори иттилоотӣ равона шудаанд. Аз ҷониби муаллифи мақола пешниҳод шудааст тавсияҳо имкон медиҳанд, ки практикҳои таълимӣ дар шароити тағиребии рақамӣ оптимизатсия карда шаванд ва самаранокии фаъолияти таълимӣ-чисмонӣ баланд бардошта шавад.

Калидвожаҳо: сериттилоотӣ; сарбории маърифатӣ; муҳити рақамии таълимӣ; саводнокии иттилоотӣ; саводнокии медиавӣ; стресси донишҷӯен; филтркунии маълумот; тағиребии рақамии таълим.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 03.01.2026. Подписано в печать 15.01.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84 ¹/₈. Услов. печ.л. 25,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 75.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 908 00 15 32 (м.)
Электронная версия журнала:
<https://vestnik.rtsu.tj>
E-mail: uchoniezapiski_rtsu@mail.ru